

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2023 №3 (46)

май-июнь

Основан в 2015 году

Казань, 2023

**УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

2023 №3 (46) май-июнь
Основан в 2015 году
Выходит шесть раз в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ №ФС77-62437 от 27 июля 2015 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные науч-
ные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Журнал входит в Научную электронную библиотеку (участвует в программе по формированию РИНЦ),
договор №269-05/2016 от 05.05.2016 г.

Подписной индекс 80142. Информация размещена в Объединенном каталоге «Пресса России».

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

Адрес учредителя и издателя: 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, тел. 8(843) 231-42-00, office@kstu.ru
Адрес редакции: 420015, Российская Федерация, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, ФГБОУ ВО «КНИТУ»,
Редакция журнала «Управление устойчивым развитием», тел. 8(843) 231-95-04, e-mail: development_knrtu@mail.ru.

Главный редактор: Р. И. Зинурова – д-р социол. наук, проф., КНИТУ
Заместители главного редактора: А. Р. Тузиков – д-р социол. наук, проф., КНИТУ,
П. Н. Осипов – д-р пед. наук, проф., КНИТУ

Редакционная коллегия:

Аксянова А. В. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Алексеев С. А. – канд. социол. наук, доцент, КНИТУ
Ельшин Л. А. – д-р экон. наук, доцент, КНИТУ
Ершов А. Н. – д-р социол. наук, проф., К(П)ФУ
Зубок Ю.А. – д-р социол. наук, проф., ФНИСЦ РАН
Ивченков С. Г. – д-р социол. наук, проф., СГУ
Ильдарханова Ч. И. – д-р социол. наук, проф., АН РТ
Кондратьев В. В. – д-р пед. наук, проф., КНИТУ
Локосов В. В. – д-р социол. наук, проф., ИСЭПН РАН

Свирина А. А. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ-КАИ
Сафин Р.С. – д-р пед. наук, проф., КГАСУ
Сафиуллин А. Р. – д-р экон. наук, проф., К(П)ФУ
Токтарова В. И. – д-р пед. наук, проф., Марийский гос-
ударственный университет
Шагеева Ф. Т. – д-р пед. наук, проф., КНИТУ
Шинкевич А. И. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Шихова О.Ф. – д-р пед. наук, проф., ИжГТУ имени
М.Т. Калашникова

Ответственный секретарь: С. А. Алексеев

Editor-in-Chief: Zinurova R. I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU
Deputies of the editor-in-Chief: Tuzikov A. R. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU
Osipov P. N. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU

Editorial Board:

Axayanova A. V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Alekseev S. A. – Cand. Sci. (Sociol.), KNRTU
Elshin L. A. – Dr. Sci. (Econ.), KNRTU
Zubok Yu.A. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Institute of Soci-
ology FNISTS RAS
Ershov A.N. – д-р социол. наук, проф., KFU
Ivchenkov S. G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., SSU
Ildarhanova Ch. I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., TAS
Kondratyev V. V. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU
Lokosov V. V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., ISESP RAS

Svirina A. A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU-KAI
Safin R.S. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KSUAE
Safiullin A. R. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KFU
Toktarova V.I. – Dr. Sci. (Pedag), prof., Mari State Uni-
versity
Shageeva F. T. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU
Shinkevich A. I. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Shikhova O. F. – Dr. Sci. (Pedag), prof., IzhGTU named
after M.T. Kalashnikov

Executive Secretary: S. A. Alekseev

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Шаехов М. Р.</i> Теоретическое обоснование эволюции понятия «репутационная экономика» человеческого капитала	5
<i>Шинкевич А. И., Идрисов А. Э.</i> Вопросы обеспечения технологического суверенитета России: аспекты цифровизации	10
<i>Шишкина Н. Н., Закирова Л. Ю.</i> Перспективы производства адгезионных добавок в Российской Федерации	16
<i>Шумкин А. В.</i> Разработка факторной модели высокотехнологичного машиностроительного производства	23
<i>Барсегян Н. В., Ван А. И., Уренцова А. Р.</i> Сравнительный анализ категорий «импортозамещение» и «технологический суверенитет» в условиях рисков развития закрытых инновационных систем	30

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Зима А. Г.</i> Социологический анализ социокультурного развития муниципальных образований периферийной зоны ядра Санкт-Петербургской агломерации	36
<i>Зинуров Э. А.</i> Роль поколенческих когорт в сохранении, укреплении и развитии традиционных ценностей современной России	46
<i>Волкова Е. В., Васильев Г. И.</i> Человек политический – человек религиозный	52
<i>Тузиков А. Р., Зинурова Р. И.</i> Российская гражданская идентичность студенчества и проблема национального нарратива отечественной истории (на примере Великой Отечественной войны)	60
<i>Соловьева Т. С.</i> Трудовая мобильность населения: кейс Вологодской области	67
<i>Зинурова Р. И., Тузиков А. Р.</i> Концептуализация общества риска: этноконфессиональные особенности	75

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Карстина С. Г., Хусаинова Г. Р., Галиханов М. Ф.</i> Разработка дизайна и инструментов уровневого оценивания в групповом проектном обучении инженерных преподавателей	86
<i>Федоров Ю. И.</i> Применение педагогического теста при реализации проектного подхода обучения	101
<i>Шамсутдинова А. И., Хасанова Г. Ф.</i> Реализация индивидуальных образовательных траекторий в LMS «MOODLE»	108
<i>Жукова К. Ю., Шагеева Ф. Т.</i> Развитие коммуникативно-риторической компетенции преподавателей вуза в современных условиях	115

JOURNAL CONTENTS

ECONOMICS

<i>Shaekhov M. R.</i> Theoretical substantiation of the evolution of the concept «reputational economy»	5
<i>Shinkevich A. I., Idrisov A. E.</i> Issues of ensuring technological sovereignty of Russia: aspects of digitalization	10
<i>Shishkina N. N., Zakirova L. Y.</i> Analysis of the market of adhesive additives in the Russian Federation	16
<i>Shumkin A. V.</i> Development of a factor model of high-tech machine-building production	23
<i>Barsegyan N. V., Van A. I., Urentsova A. R.</i> Comparative analysis of the categories «import substitution» and «technological sovereignty» under the conditions of risks of development of closed innovation systems	30

SOCIOLOGY

<i>Zima A. G.</i> Sociological analysis of socio-cultural development of municipalities in the peripheral zone of the core of the St. Petersburg agglomeration	36
<i>Zinurov E. A.</i> The role of generational cohorts in the preservation, strengthening and development of traditional values of modern Russia	46
<i>Volkova E. V., Vasilyev G. I.</i> Political human – religious human	52
<i>Tuzikov A. R., Zinurova R. I.</i> Russian civil identity of students and the problem of national narrative in russian history (by the example of the Great Patriotic War)	60
<i>Soloveva T. S.</i> Labor mobility of the population: the case of the Vologda oblast	67
<i>Zinurova R. I., Tuzikov A. R.</i> Conceptualization of the risk society: ethno-confessional features	75

PEDAGOGICS

<i>Karstina S. G., Khusainova G. R., Galikhanov M. F.</i> Development of design and tools for level assessment in group project-based learning for engineering teachers	86
<i>Fedorov Yu. I.</i> Application of the pedagogical test in the implementation of the project approach to learning	101
<i>Shamsutdinova A. I., Khasanova G. F.</i> Implementation of individual learning tracks in lms «Moodle»	108
<i>Zhukova K. Yu., Shageeva F. T.</i> Improving university teachers' communicative and rhetorical competence in contemporary settings	115

М. Р. Шаехов

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ
«РЕПУТАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА»**

Ключевые слова: репутационная экономика, новые теории роста, инновационная экономика, цифровая экономика, поведенческая экономика, репутация, формирование ценности, имидж, информация.

В данной статье рассматриваются теоретические концепции понятия «репутационная экономика». В частности, рассмотрена эволюция репутации экономических систем и акторов с позиции следующих учений: неоклассическая экономическая наука, неокейнсианская экономическая наука, неoinституциональная экономическая наука, новые теории прикладного характера, инновационная экономика, экономика знаний, бихевиоральная экономика, цифровая экономика, информационная экономика, интернет-экономика, сетевая экономика, шеринговая экономика. Систематизирован рост ценности репутации по этапам ее формирования. Выделены особенности в эволюции понятия «репутационная экономика»: репутационная экономика представляет собой синтез общественных наук (экономика, психология, социология); инструментом формирования репутационной экономики являются цифровые технологии управления социально-экономическими системами; ключевым фактором развития репутационной экономики является имидж (бренд, репутация) рассматриваемого объекта исследования; понятие репутационной экономики формировалось на уровне индивида и далее получало распространение на последующих уровнях управления социально-экономическими системами (микроуровень, макроуровень управления); преимущественно в определении и оценке репутации субъектов хозяйствования и отдельных индивидов использовались маркетинговые инструменты оценки репутации; репутационная экономика рассматривается как фактор доверия при совершении транзакций между экономическими агентами; рассмотрение репутации экономических субъектов как нематериального актива, играющего ведущую роль в экономическом развитии; основу репутационной экономики составляет информация, которая является сигналом к осуществлению транзакций между участниками производственно-хозяйственной деятельности в процессах производства, распределения и потребления благ; ключевым положением репутационной экономики является то, что стоимость (в данном случае уместно говорить о понятии ценности) репутации выступает как самовозрастающая стоимость и при ее положительном значении имеет свойство к ежегодному увеличению.

M. R. Shaekhov

**THEORETICAL SUBSTANTIATION OF THE EVOLUTION
OF THE CONCEPT «REPUTATIONAL ECONOMY»**

Keywords: reputational economics, new growth theories, innovative economics, digital economy, behavioral economics, reputation, value creation, image, information.

This article discusses the theoretical concepts of the concept of «reputation economy». In particular, the evolution of the reputation of economic systems and actors is considered from the standpoint of the following teachings: neoclassical economics, neo-Keynesian economics, neo-institutional economics, new applied theories, innovative economics, knowledge economics, behavioral economics, digital economics, information economics, Internet economics, network economy, sharing economy. The growth of the value of reputation is systematized according to the stages of its formation. Features in the evolution of the concept of «reputational economy» are highlighted: reputational economics is a synthesis of social sciences (economics, psychology, sociology); a tool for the formation of a reputational economy is digital technologies for managing socio-economic systems; the key factor in the development of the reputational economy is the image (brand, reputation) of the object of study under consideration; the concept of a reputational economy was formed at the level of an individual and then spread to subsequent levels of management of socio-economic systems (micro level, macro level of management); predominantly in determining and assessing the reputation of business entities and individuals, marketing tools for assessing reputation were used; the reputational economy is considered as a factor of trust in

transactions between economic agents; consideration of the reputation of economic entities as an intangible asset that plays a leading role in economic development; the basis of the reputational economy is information that is a signal for the implementation of transactions between participants in production and economic activities in the processes of production, distribution and consumption of goods; The key position of the reputational economy is that the cost (in this case, it is appropriate to talk about the concept of value) of reputation acts as a self-increasing cost and, with its positive value, tends to increase annually.

Репутационная экономика является одним из молодых направлений научной экономической мысли. Проследить последовательность этапов эволюции экономической науки можно используя историко-логический экономический анализ, позволяющий систематизировать основные закономерности, категории и проблемы, которые решались в рамках того или иного научного направления. Обобщение теоретических концепций эволюции экономической мысли позволило выделить следующие вехи в развитии экономики и те научные школы, которые им соответствовали.

Так, обобщение работ экономистов по вопросам историко-логической эволюции экономических научных школ позволило выделить следующие их этапы для современной экономической науки:

1) неоклассическая экономическая наука, представленная теорией неоклассического синтеза, теорией невозможностей, теорией промышленной организации, теорией дуалистической экономики с избытком рабочей силы и др. [1];

2) неокейнсианская экономическая наука, представленная теорией неравномерных толчков, теорией жизненного цикла, моделью межотраслевого баланса, моделью оптимального распределения ресурсов, моделью информационной асимметрии и т.п.;

3) неинституциональная экономическая наука, включающая новую институциональную экономическую теорию, теорию человеческого капитала, теорию портфельных инвестиций, анализ рыночных границ фирмы, теорию сложных систем, теорию самоорганизующихся систем и т.п.;

4) новые теории прикладного характера, среди них такие, как теория игр, экспериментальная экономика, теория множественного выбора, вероятностные модели экономической динамики и др.;

5) инновационная экономика, экономика знаний, включающих теорию инноваций, теорию трансформации, теорию системной динамики, теорию предпринимательства и др.

6) бихевиоральная экономика, представленная теорией перспектив, теорией благосостояния, теорией, гипотезой эффективного рынка и т.п.;

7) цифровая экономика, информационная экономика, интернет-экономика, сетевая экономика, шеринговая экономика [2-5].

В настоящее время изучение социально-экономических систем необходимо рассматривать не только в контексте традиционных концепций экономического развития, апеллирующих такими понятиями, как факторы производства, научно-технический прогресс, но также и теми категориями, которые до этого не вводились в научный оборот, либо имели только теоретическое обоснование и не использовались в построении алгоритмов, моделей развития экономических систем. В связи с развитием инновационной экономики, экономики знаний, информационной экономики в число таких категорий входят, прежде всего, неосязаемые факторы производства, неосязаемые активы, неосязаемые ресурсы.

В соответствии с определением Д. Шобела репутационная экономика представляет собой среду, где имидж акторов транзакций образуется на основе онлайн-оценки их положительных и отрицательных качеств со стороны других агентов [6].

В данном подходе к определению репутационной экономики акцент смещается на конкретного человека, что, полагаем, является не совсем верным к сведению репутационной экономики до уровня индивида, поскольку не учитывается сложность экономической системы, взаимосвязь ее подсистем и элементов. В данном контексте имеет место «суживание» сущности понимания репутационной экономики. Кроме того, с одной стороны, отметим, что подход Д. Шобела учитывает тренды современного развития, подчеркивая важность информационных технологий при оценке имиджа акторов, но, с другой стороны, только оценка онлайн не позволяет учесть мнения других субъектов хозяйствования, которые не информированы либо не имеют доступа к системе оценочных критериев.

Микроподход к определению категории «репутационная экономика» отмечается также в работах Дж. Клейна, который указывает на первостепенность бренда у предприятия промышленности или организации сферы услуг при выстраивании цепочек кооперации для повышения эффективности производственно-хозяйственной деятельности. Полагаем, что определение репутационной экономики, предложенное

Дж. Клейном более справедливое поскольку, во-первых, расширяет границы только количественной оценки отдельных субъектов предпринимательской деятельности на основе инструментов маркетинга, вводя понятие оценки по цепочке кооперации; во-вторых, кооперация, являясь элементом сетевой экономики, более полно характеризующей взаимосвязь между субъектами хозяйствования, дает возможность расширить границы понимания репутационной экономики до уровня взаимного доверия, интеграции в рамках бизнес-моделей шеринга. Возрастание роли шеринга в современной экономике следует учитывать при определении границ репутационной экономики. Например, такие компании, как Uber с арендой автомобилей для сервиса такси, Airbnb с арендой жилья, Kiva с системой микрозаймов и т.п. используют бизнес-модель продвижения своей продукции или услуг преимущественно за счет своей репутации и положительного имиджа компаний.

Ч. Фомбрун под репутацией понимал собирательную экономическую категорию, включающую представления о компании, которые вкупе формируют ее нематериальный актив, способный повысить конкурентные преимущества, что позволяет также говорить о повышении ценности капитала компании в целом [7].

Аналогичное понимание репутации, как способа повышения конкурентных преимуществ, прослеживается в определении Р. Холла, которые указывает на репутацию как вид нематериального ресурса, редуцируемого, прежде всего, руководством компании и являющегося залогом успеха в конкурентной борьбе [8].

М. А. Петераф также акцентирует внимание на доминировании положительной репутации фирмы в конкурентной гонке и обеспечивает компании различные стратегические преимущества, снижая асимметричность информации и уровень неопределенности для стейкхолдеров [9].

Отличительной особенностью репутации является то, что ей можно управлять, используя механизмы, функции и модели управления, чтобы сформировать в сознании стейкхолдеров положительный имидж о компании, повышающий ее положительную репутацию, как следствие ценность нематериальных активов и конкурентоспособность компании в целом.

Таким образом, можно представить движение стейкхолдеров по пути формирования репутации компании в виде пирамиды, где каждая последующая ступень добавляет ценности репутации, как нематериальному активу, осуществляя восхождение от незнания к знакомству, узнаванию, осведомленности, оформлению образа и утверждению образа в сознании стейкхолдеров (рис. 1).

Кроме того, среди зарубежных ученых, изучающих феномен репутационной экономики, являются М. Арслан, С. Шекер [10], К. Ли, М. Норт, Дж. Лью [11], П. Дорчак, П. Маркович, Ф. Полакб [12], Б. Бойд, Д. Берж, Д. Кетчен и др., которые представляют актуальные и интересные модели, методики оценки репутационной экономики, однако, преимущественно, с позиции индивида, либо компании, что требует, на наш взгляд, более глубокой и детальной проработки на других уровнях управления экономическими системами, в частности, мезо и макроуровни [13].

Рис. 1 – Рост ценности репутации по этапам его формирования [составлено автором]

Обратим внимание, что в исследованиях российских ученых феномен репутационной экономики освещен очень слабо. Так, присутствует в основном фрагментарные работы по данной тематике. В определении В. Н. Черепановой основное внимание уделяется вопросам поддержания положительного имиджа индивида или организации, который носит постоянный характер и в процессе накопления способствует формированию положительного образа в социально-экономической системе [14].

В данном определении присутствует как микро, так и макроподход к определению репутационной экономики, что расширяет границы исследований данной категории в отличие от зарубежных авторов. Другие российские исследователи – А. С. Груничев и Л. А. Ельшин предлагают понимать под репутационной экономикой синтез общественных наук, предметом изучения которых является производство, распределение, обмен и потребление благ, образованных благодаря положительной репутации субъектов хозяйствования в цифровой среде, которые выступают как «социальные доказательства», способствующие расширению кооперационных связей, формируя дополнительные экономические и социальные выгоды [15]. Таким образом, можно выделить следующие этапы эволюции современной экономической

науки и обозначить место в ней репутационной экономики (рис. 2).

Таким образом, подытоживая, обратим внимание на следующие особенности в эволюции понятия «репутационная экономика»:

репутационная экономика представляет собой синтез общественных наук (экономика, психология, социология);

2) инструментом формирования репутационной экономики являются цифровые технологии управления социально-экономическими системами; 3) ключевым фактором развития репутационной экономики является имидж (бренд, репутация) рассматриваемого объекта исследования;

4) понятие репутационной экономики формировалось на уровне индивида и далее получало распространение на последующих уровнях управления социально-экономическими системами (микроуровень, макроуровень управления);

5) преимущественно в определении и оценке репутации субъектов хозяйствования и отдельных индивидов использовались маркетинговые инструменты оценки репутации.

6) репутационная экономика рассматривается как фактор доверия при совершении транзакций между экономическими агентами;

7) рассмотрение репутации экономических субъектов как нематериального актива, играющего ведущую роль в экономическом развитии;

Рис. 2 – Эволюция современной экономической науки и место репутационной экономики в ней [составлено автором]

8) основу репутационной экономики составляет информация, которая является сигналом к осуществлению трансакций между участниками производственно-хозяйственной деятельности в процессах производства, распределения и потребления благ;

9) ключевым положением репутационной экономики является то, что стоимость (в данном случае уместно говорить о понятии ценности) репутации выступает как самовозрастающая стоимость и при ее положительном значении имеет свойство к ежегодному увеличению.

Литература

1. Фридман А.А. Лекции по курсу микроэкономики продвинутого уровня. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 376 с.
2. Хайкин М.М. Эволюция экономической теории как науки: вызовы времени // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2013. № 6–1 (185). С. 48-53.
3. Кандилов В.П., Краснова О.М., Кудрявцева С.С. Экономический рост и качество жизни населения Республики Татарстан // Экономический вестник Республики Татарстан. 2013. № 2. С. 16-23.
4. Кудрявцева С.С., Шинкевич А.И. Оценка национальных инновационных систем: теоретико-методические аспекты // Управление устойчивым развитием. 2015. № 1 (01). С. 6-13.
5. Шинкевич А.И., Барсегян Н.В. Роль национальной технологической инициативы в развитии научной и инновационной деятельности // Управление устойчивым развитием. 2018. № 1 (14). С. 16-23.
6. Форбс. Schawbel D. The Reputation Economy is Coming-Are You Prepared? URL: <https://www.forbes.com/sites/danschawbel/2011/02/28/the-reputationeconomy/#26f1226e5ae5> (дата обращения: 10.04.2023).
7. Fombrun C., Shanley M. What's in a name? Reputation building and corporate strategy // Academy of Management Journal. 1990. № 33 (2). P. 233-258.
8. Hall R. A framework linking intangible resources and capabilities to sustainable competitive advantage // Strategic Management Journal. 1993. № 14 (8). P. 607-618.
9. Peteraf M. A. The cornerstones of competitive advantage: A resource based view // Strategic Management Journal. 1993. № 14 (3). P. 179-191.
10. Arslan M. L., Seker S. E. Web Based Reputation Index of Turkish Universities // International Journal of e-Education, e-Business, e-Management and e-Learning. 2014. Vol. 4. № 3. P.197-203.
11. Li C., Northc M., Liu J. Staking reputation on stakeholders: How does stakeholders' Facebook* engagement help or ruin a company's reputation? // Public Relations Review. 2017. № 43. P. 201-210.
12. Dorčák P., Markovič P., Pollákb F. Multifactor analysis of online reputation of selected car brands. TRANSCOM 2017: International scientific conference on sustainable, modern and safe transport // Procedia Engineering. 2017. № 192. P. 719-724.
13. Boyd B. K., Bergh D. D., Ketchen, D. J. Reconsidering the reputation—Performance relationship: A resource-based view // Journal of Management. 2010. № 36 (3). P. 588-609.
14. Черепанова В.Н. Репутационный менеджмент: социально-экономический аспект // Фундаментальные исследования. 2016. № 11-4. С. 875-879.
15. Груничев А.С., Ельшин Л.А. Репутационная экономика: новая парадигма исследования экономического роста // Теоретическая и прикладная экономика. 2019. № 3. С. 15-26.

Сведения об авторе:

©**Шаехов Марат Рифович** – аспирант, Научное государственное бюджетное учреждение «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан», Российская Федерация, Казань, e-mail: shaekhov_cpei@mail.ru.

Information about the author:

©**Shaekhov Marat Rifovich** – postgraduate student, Scientific State Budgetary Institution «Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan», Russian Federation, Kazan, e-mail: shaekhov_cpei@mail.ru.

---

*Facebook принадлежит компании Meta, которая признана в Российской Федерации экстремистской и запрещена.

А. И. Шинкевич, А. Э. Идрисов

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ: АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-1886.2022.2

Ключевые слова: технологический суверенитет, цифровизация, цифровая трансформация, цифровая экономика, импортозамещение, программное обеспечение.

Цифровые технологии являются современным инструментом и фактором устойчивости стратегических отраслей экономики России в условиях укрепления технологического суверенитета страны. Технологический суверенитет и его обеспечение – это устойчивая возможность для России реализовывать государственные цели и задачи во всех сферах. Исходя из актуальности темы исследования, целью настоящей статьи является рассмотрение вопросов обеспечения технологического суверенитета России с точки зрения цифровых факторов. Настоящее исследование строится на основании системного и структурного подходов с целью изучения цифровых аспектов к обеспечению технологического суверенитета, а также таких методов как анализ, синтез, сравнительный анализ. Рассмотрены основные направления развития в области цифровой экономики, которые способствуют укреплению технологического суверенитета; проанализированы указы и программы в области цифровой трансформации. Рассмотрены статистические данные в сфере цифровизации, определен вклад сектора ИКТ в экономику РФ с целью обеспечения технологического суверенитета. Развитие цифровизации является неотъемлемой частью обеспечения технологического суверенитета России. Необходимо иметь собственное производство, технологии с целью дальнейшего их применения и совершенствования внутри страны, а также с целью укрепления позиций России и достижения ее технологического суверенитета.

A. I. Shinkevich, A. E. Idrisov

ISSUES OF ENSURING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA: ASPECTS OF DIGITALIZATION

Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation, project number NSH-1886.2022.2

Keywords: technological sovereignty, digitalization, digital transformation, digital economy, import substitution, software.

Digital technologies are a modern tool and a factor in the sustainability of the strategic sectors of the Russian economy in the context of strengthening the country's technological sovereignty. Technological sovereignty and its provision is a sustainable opportunity for Russia to achieve state goals and objectives in all areas. Based on the relevance of the research topic, the purpose of this article is to consider the issues of ensuring the technological sovereignty of Russia from the point of view of digital factors. This study is based on a systematic and structural approach in order to study the digital aspects of ensuring technological sovereignty, as well as such methods as analysis, synthesis, and comparative analysis. The main directions of development in the field of the digital economy, which contribute to the strengthening of technological sovereignty, are considered; analyzed decrees and programs in the field of digital transformation. Statistical data in the field of digitalization are considered, the contribution of sectors to the Russian economy is determined in order to ensure technological sovereignty. The development of digitalization is an integral part of ensuring the technological sovereignty of Russia. It is necessary to have own production, technologies for the purpose of their further application and improvement within the country, as well as for the purpose of strengthening Russia's positions and achieving its technological sovereignty.

В экономических условиях настоящего времени современным инструментом и фактором устойчивости стратегических отраслей экономики России в условиях укрепления технологического суверенитета страны являются цифровые технологии. Именно информационно-цифровые технологии имеют одно из важнейших значений в обеспечении глобальной конкурентоспособности и технологического суверенитета России. Сегодня достижение технологического суверенитета в высокотехнологичном секторе является одним из главных векторов работы. А современные цифровые технологии, в свою очередь, являются стратегически важной вещью.

Согласно докладу Д. Чернышенко, в России перевыполнены все целевые показатели цифровой трансформации [1]. Так, например, во всемирном рейтинге цифровой конкурентоспособности Россия по итогам 2021 года занимает 42 место, в рейтинге по индексу готовности к сетевому обществу 43 место, а в рейтинге по индексу развития электронного правительства 36 место, по доступности интернета для населения 6 место в мире [2]. Все это подтверждает хорошие результаты в эпоху цифровой трансформации, а также демонстрирует рост в разы доли массовых социально значимых услуг, которые граждане получают онлайн.

Актуальность темы исследования подтверждается документами федерального назначения, например, Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», одной из приоритетных целей в документе указывается «Цифровая трансформация» (Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года"); Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»); Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и другие.

Степень разработанности изучаемой проблемы отражается в работах таких авторов как В. В. Демяшина, которая в своей работе обращает внимание на роль цифровизации информационной функции государственной власти [3]; Л. Л. Сергеева, М. В. Кудина, А. С. Воронов, С. С. Сергеев рассматривают вопросы формирования национального цифрового суверенитета в условиях дифференциации пространственного развития [4]; Н. В. Василенко,

А. Ю. Румянцева в своем труде акцентируют внимание на составляющих информационного суверенитета государства в условиях цифровизации экономики [5]; вопросы применения сквозных цифровых технологий как фактора формирования технологического суверенитета страны освещены в ряде работ [6, 7]; технологический суверенитет как способность государства располагать технологиями, которые считаются критически важными для обеспечения благосостояния и конкурентоспособности предприятий и регионов рассматривается в работах А. И. Шинкевича и В. А. Шогенова [8].

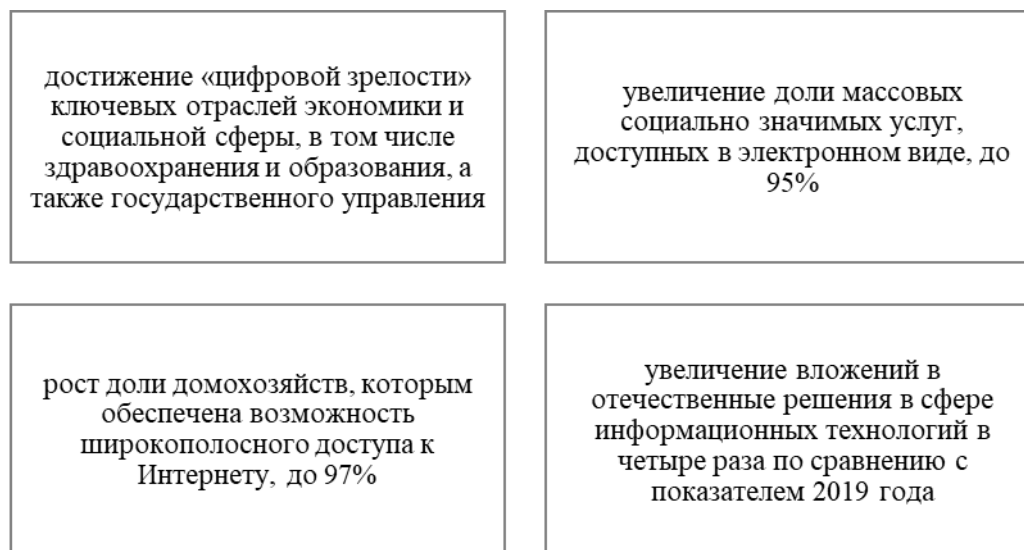
Исходя из актуальности темы исследования, целью настоящей статьи является рассмотрение вопросов обеспечения технологического суверенитета России с точки зрения цифровых факторов.

Настоящее исследование строится на основании системного и структурного подходов с целью изучения цифровых аспектов к обеспечению технологического суверенитета. Применены методы дедукции индукции, метод сравнительного анализа, анализа и синтеза. Материалами исследования выступают работы и труды различных отечественных авторов, изучающих проблемы и аспекты развития цифровизации и цифровой трансформации с целью обеспечения технологического суверенитета России, документы федерального назначения, указы и национальные программы, а также публикации и сборники в виде статистических сведений НИУ ВШЭ.

С целью обеспечения технологического суверенитета России, с точки зрения цифровых аспектов, в нашей стране существует указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», где в качестве одним из приоритетных направлений обозначена «Цифровая трансформация». Согласно данному документу, для достижения поставленной цели «Цифровая трансформация» установлены следующие показатели к 2030 году, представленные на рис. 1 [9].

Каждый показатель, перечисленный в рамках рис. 1, имеет методику расчета на основании частных показателей, где описываются состав показателей, источники сведений, которые необходимы для расчета данных показателей цели «Цифровая трансформация».

Еще одним шагом с целью обеспечения технологического суверенитета является импортозамещение ключевых цифровых решений. Согласно Указу президента России, необходимо является актуализация и утверждение новых стратегических мер в области цифровой трансформации. Также в указе говорится, что

**Рис. 1 – Целевые показатели «Цифровой трансформации»
(составлено автором по данным [9])**

необходимо стимулировать спрос на отечественные технологические решения и принять меры по обеспечению технологической независимости от иностранных программных продуктов (Указ Президента РФ от 30 марта 2022 г. № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»).

Кроме этого, в настоящее время сформированы индустриальные центры компетенций и центры компетенций по развитию российского прикладного программного обеспечения, которое необходимо для замещения используемого

иностранного программного обеспечения. По результатам работы данных центров сформированы и отобраны проекты по импортозамещению зарубежных программных продуктов и программного обеспечения, которые, в свою очередь, вошли в дорожные карты с целью обеспечения технологического суверенитета России.

Согласно одному из информационно-правовых порталов, рассмотренные проекты подразумевают разработку российских программных решений по ряду направлений, представленных на рис. 2.

**Рис. 2 – Направления российских программных решений
(составлено автором по данным [4])**

Реализация проектов по перечисленным направлениям предусмотрена до 2025-2027 гг., и планируется, что перечень подобных проектов по обеспечению технологического суверенитета в области цифровой трансформации будет только пополняться.

Если говорить о технологическом суверенитете в области цифровой экономики, следует отметить, что для российской IT-индустрии импортозамещение информационно-цифровых продуктов и программного обеспечения стало настоящим вызовом. Несмотря на то, что российские компании успешно справляются с данной проблемой, потребуется достаточное количество времени, чтобы в нашей стране была полная независимость в IT-сфере от зарубежного программного обеспечения. Тем не менее, в сложившихся условиях, заметные ускоренные темпы развития отечественного программного обеспечения, а также технологий в области работы с данными.

С нашей точки зрения, обеспечение технологического суверенитета России с позиции аспектов цифровизации возможен в том, случае, если у России будут в наличии собственные разработанные технологии, что не запрещает применять, например, мировой опыт. Кроме этого, обеспечение технологического суверенитета в России связано с развитием цифровизации российской IT-индустрии. Например, это создание

конвергентной среды для плавного перехода инфраструктуры на российское программное обеспечение, укрепление сообщества IT-компаний для создания совместных решений, экспорт разработок в дружественные страны и др. Также, мы считаем, что немаловажное значение имеет активное участие и роль регионов страны в обеспечении и укреплении технологического суверенитета путем внедрения и реализации «пилотных» проектов, а также развития сквозных технологий.

Далее рассмотрим некоторые аспекты цифровизации в рамках статистических данных. Для начала проанализируем затраты нашей страны на развитие цифровой экономики. Согласно данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ [2] по итогам 2021 года валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики составили 4848 млрд. рублей, из которых 2947 млрд. рублей – это внутренние затраты организаций на создание, распространение и использование цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг, а 1901 млрд. рублей – это Затраты домашних хозяйств на использование цифровых технологий и связанных с ними товаров и услуг (рис. 3).

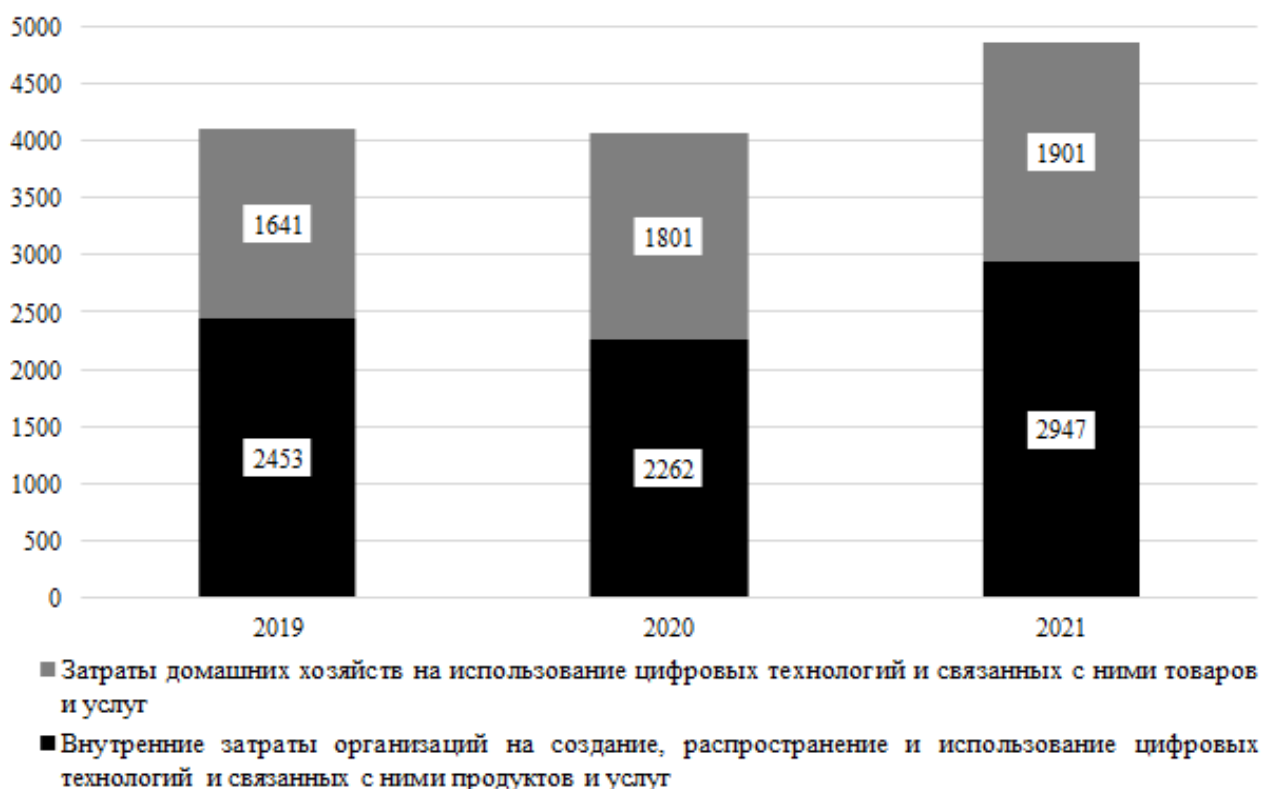

Рис. 3 – Затраты на развитие цифровой экономики (составлено автором по данным [2])

Согласно протокола заседания комиссии по цифровой экономике и цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27.09.2019 № 577пр, внутренние затраты организаций на создание, распространение и использование цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг составляют внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников.

Обратим внимание, что среди организаций увеличились затраты и росли закупки на приобретение именно российского программного обеспечения, а именно его доля в закупках ПО составила 34 % против 31 % в 2020 г [10].

Также отметить значительный вклад сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в развитие экономики страны и обеспечение технологического суверенитета. Учитывая возрастающую роль цифровизации, необходимо обратить внимание на состояние и возможности сектора ИКТ, так как именно он способствует повсеместному проникновению информационных технологий [11]. В настоящее время невозможно представить качественный уровень обмена и передачи данных, необходимых для полноценного развития цифровой экономики, без развития и сектора ИКТ.

По итогам 2021 года вклад сектора ИКТ в развитие экономики составил 3,2 % от общего уровня ВВП, что составляет (3754 млрд. руб.) [10]. Это достаточно большой показатель относительно вклада от научных исследований и разработок (1,3 %), производства кокса и нефтепродуктов (2,6 %), химической промышленности (1,4 %), а также производства автотранспортных средств и сектор контента и СМИ (0,5 и 0,3 % соответственно).

Также мы считаем, что одним из способов обеспечения технологического суверенитета России выступает системное применение

технологии цифровых двойников. Именно Россия первая в мире утвердила стандарты в области цифровых двойников. Так, например, уже к 2024 году почти 250 российских предприятий перейдут на технологии цифровых двойников. Также по прогнозам аналитиков, к 2024 году произойдет увеличение высокотехнологичных предприятий, применяющих технологию цифровых двойников (с 3 до 100), в свою очередь количество реализованных проектов на высокотехнологичных предприятиях, для которых была применена технология разработки цифровых двойников – с 3 до 250.

Все вышеперечисленное говорит о том, что процесс цифровой трансформации происходит достаточно быстрыми темпами и способствует развитию как цифровой экономики страны, так и скорейшему обеспечению технологическому суверенитету страны в различных секторах.

Таким образом, технологический суверенитет и его обеспечение – это устойчивая возможность для России реализовывать государственные цели и задачи во всех сферах как социально-экономического развития, так и промышленной, технологической и других путем разработки, внедрения и использования технологий и технологических инноваций собственного российского производства. Следовательно, с целью достижения и обеспечения технологического суверенитета нашей стране необходимо не только наращивать темпы производства, но и самое главное иметь свое отечественное производство товаров и технологий с целью дальнейшего их применения и совершенствования внутри страны. В свою очередь цифровые аспекты и цифровая сфера являются одной из неотъемлемых частей и секторов, где необходимо проводить все необходимые работы, чтобы достигнуть технологического суверенитета страны.

Литература

1. Новостной портал «Лента.ру», 2022. URL: https://lenta.ru/news/2023/04/18/azarov_u/ (дата обращения: 25.04.2023).
2. Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник. Москва: НИУ ВШЭ, 2023. 332 с.
3. Демяшина В.В. Цифровизация и цифровой суверенитет: к проблеме защиты политической субъектности Российского государства (оценки, позиции и социально-философская рефлексия) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 70-76.
4. Сергеева Л.Л., Кудина М.В., Воронов А.С., Сергеев С.С. Формирование национального цифрового суверенитета в условиях дифференциации пространственного развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 277-299.

5. Василенко Н.В., Румянцева А.Ю. Формирование информационного суверенитета государства в условиях цифровизации экономики: технологическая и ценностная составляющие // Экономика и управление. 2022. № 28 (10). С. 1051-1063.
6. Ештокин С.В. Сквозные технологии цифровой экономики как фактор формирования технологического суверенитета страны // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 3. С. 1301-1314. DOI: 10.18334/vines.12.3.116193.
7. Идрисов А.Э. Эволюция моделей и инструментов цифровой трансформации в промышленности // Управление устойчивым развитием. 2022. № 6. С. 17-24.
8. Шинкевич А.И., Шогенов В.А. Некоторые аспекты обеспечения технологического суверенитета научно-производственного предприятия // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2023. Т. 25, № 1 (111). С. 23-27. DOI 10.37313/1990-5378-2023-25-1-23-27.
9. D-russia.ru. Определены целевые показатели национальной цели развития РФ «Цифровая трансформация» URL: <https://d-russia.ru/opredeleny-celevye-pokazateli-nacionalnoj-celi-razvitiya-rf-cifrovaya-transformacija.html> (дата обращения: 25.04.2023).
10. Российский сектор ИКТ: ключевые показатели II квартал 2022 года. Москва: НИУ ВШЭ, 2022. 32 с. DOI: ICT_Sector_2022_IQ.
11. Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение / под ред. к.э.н. О.В. Тарасовой. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. 456 с.

Сведения об авторах:

©**Шинкевич Алексей Иванович** – доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой логистики и управления, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: ShinkevichAI@corp.knrtu.ru.

©**Идрисов Альберт Эдуардович** – соискатель кафедры логистики и управления, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: A-Eldrisov@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Shinkevich Alexey Ivanovich** – Doctor of Economic Sciences, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Logistics and Management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: ShinkevichAI@Corp.knrtu.ru.

©**Idrisov Albert Eduardovich** – Candidate of the Department of Logistics and Management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: A-Eldrisov@yandex.ru.

Н. Н. Шишкина, Л. Ю. Закирова

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОИЗВОДСТВА АДГЕЗИОННЫХ ДОБАВОК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: инновационная деятельность, рынок автомобильных шин, конкурентоспособность, адгезионная добавка, импортозамещение.

Увеличение числа грузоперевозок и повышение требований к качеству грузового транспорта привели к созданию шин, которые должны отвечать повышенным требованиям: низкое сопротивление качению при достаточном коэффициенте сцепления на льду и мокром асфальте, высокая износостойкость и стендовая ходимость, работоспособность протектора, которая определяется адгезионными свойствами резиновой смеси к металлокорду. Целью работы явилось охарактеризовать текущее состояние рынка шинной промышленности в РФ и рассмотреть перспективы организации производства адгезионных добавок в РТ. В качестве основных методов анализа выступает традиционный контент-анализ документов, материалов отечественного и мирового рынков, ресурсов сети Интернет в России и мире. Проанализировано положение российской отрасли переработки полимеров, которая, как и другие отрасли, ощутила воздействие западных санкций и проблемы с логистикой, из-за которых возникли сложности с ввозом сырья и перерабатывающего оборудования. В статье представлены основные потребители адгезионных добавок ПАО: «Нижнекамскишина», ПАО «Омскишина», ОАО «Белшина», «Уралшина», Ярославский шинный завод, Кировский шинный завод и др., которые в 2021 году произвели более 68 млн. штук автомобильных шин. Немаловажным фактором для шинной промышленности в настоящее время является то, что в состав рецептур для автомобильных покрышек входит большое количество компонентов (каучуки, стабилизаторы, ускорители, наполнители и в том числе адгезионные добавки), многие из которых поставляются из «зарубежья» и требуют замены. Проведенный анализ рынка адгезионных добавок, используемых в автомобильной и резинотехнических отраслях РФ показал, что большая доля адгезионных добавок приходится на импортные продукты, которые производятся компаниями: «OMG», Англия, Lanxess Rhein Chemie (Германия) и Sino Legend (China) Chemical Co Ltd. В то же время потребности автомобильного рынка РФ по компонентам для шин превышают предложение от отечественных производителей. Подробный анализ цен на адгезионные добавки в разрезе по производителям показал, что разброс цен находится в интервале от 85 до 90 рублей за кг. На основании анализа рынка производства автомобильных шин и адгезионных добавок показана перспективность производства адгезионных добавок в РТ.

N. N. Shishkina, L. Y. Zakirova

ANALYSIS OF THE MARKET OF ADHESIVE ADDITIVES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Keywords: innovation activity, car tire market, competitiveness, adhesive additive, import substitution.

An increase in the number of cargo transportation and increased requirements for the quality of freight transport have led to the creation of tires that must meet increased requirements: low rolling resistance with sufficient coefficient of adhesion on ice and wet asphalt, high wear resistance and bench walking, the performance of the tread, which is determined by the adhesive properties of the rubber compound to the metal cord. The purpose of the work was to characterize the current state of the tire industry market in the Russian Federation and to consider the prospects for organizing the production of adhesive additives in the Republic of Tatarstan. The main methods of analysis are traditional content analysis of documents, materials of domestic and world markets, Internet resources in Russia and the world. The article analyzes the situation of the Russian polymer processing industry, which, like other industries, has felt the impact of Western sanctions and logistics problems, which caused difficulties with the import of raw materials and processing equipment. The article presents the main consumers of adhesive additives of PJSC: «Nizhnekamskshina», PJSC «Omskshina», JSC «Belshina», «Uralshina», Yaroslavl Tire Plant, Kirov Tire Plant, etc., which in 2021 produced more than 68 million pieces of automobile tires. An important factor for the tire industry at present is that the composition of formulations for automobile tires includes a large number of components (rubbers, stabilizers, accelerators, fillers, including adhesive additives), many of which are supplied from distant countries and require replacement. The analysis of the market of adhesive additives used in the automotive and rubber industries of the Russian Federation

showed that a large share of adhesive additives falls on imported products that are manufactured by companies: OMG, England, Lanxess Rhein Chemie (Germany) and Sino Legend (China) Chemical Co Ltd (China). At the same time, the needs of the Russian automotive market for tire components exceed the supply from domestic manufacturers. A detailed analysis of prices for adhesive additives by manufacturer showed that the price range is in the range from 85 to 90 rubles per kg. Based on the analysis of the market for the production of automobile tires and adhesive additives, the prospects for the production of adhesive additives in the Republic of Tatarstan are shown.

Введение

Автомобильный рынок РФ напрямую связан с производством автомобильных шин. В то же время потребности автомобильного рынка РФ превышают предложение от отечественных производителей. По данным Федеральной службы государственной статистики начиная с 2010 года объем производства автомобильных шин в России увеличился с 43,6 млн. шт. до 67,5 млн.шт. в 2018 году (рис. 1) [1]. По данным Федеральной таможенной службы доля импорта в 2021 году по сравнению с 2020 возросла на 21,2 %, до 31,4 млн ед., или \$2 млн в денежном выражении. В это число не входят шины, которые завезли в Россию с новыми автомобилями, прицепами, в комплекте которых есть еще и запасные. Кроме того, по данным ФТС, доля импорта легковых автомобилей в России, в 2021 г. тоже выросла до 314,5 тыс., доля импорта грузовых – увеличилась до 30,1 тыс. Таким образом, в нашу страну дополнительно ввезли еще 1,66 млн. штук шин: легковых – 1,57 млн, грузовых – 150,5 тыс. штук [2].

Однако с 2019 года наблюдался спад на 18 %. Причин на самом деле несколько: общее сокращение объема выпуска автомобильной промышленности, выпуск автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов упал на

42,2 %. Другой из причин снижения объемов являлась неблагоприятная эпидемиологическая ситуация в мире, из-за которой на предприятиях были введены ограничительные меры на работу. Также на спрос повлияло снижение интенсивности автомобильного движения, т.е. необходимости менять старые шины на новые не было, за время простоя машин износа шин не происходит.

Известно, что существует большой ассортимент шин и покрышек для различных видов техники. Динамика производства шин по основным группам (в млн. шт.) за 2019-2021 г. по данным ФСТС представлена на рис. 2. Наибольший объем производства составляют шины для легковых автомобилей (47, 2 млн шт в 2021г.). Шины резиновые сплошные и полупневматические занимают примерно такой же объем, как и шины для автобусов 8,1 и 7 млн. шт соответственно.

Наименьший объем в структуре производства шин занимают шины и покрышки для мотоциклов, авиации и строительных машин (суммарно менее 3 млн. шт / год) по данным на 2021 год. Тенденции в объемах производства различных видов шин сохраняются в течение нескольких лет, за исключением 2020 года, что связано с ограничениями в связи с пандемией.

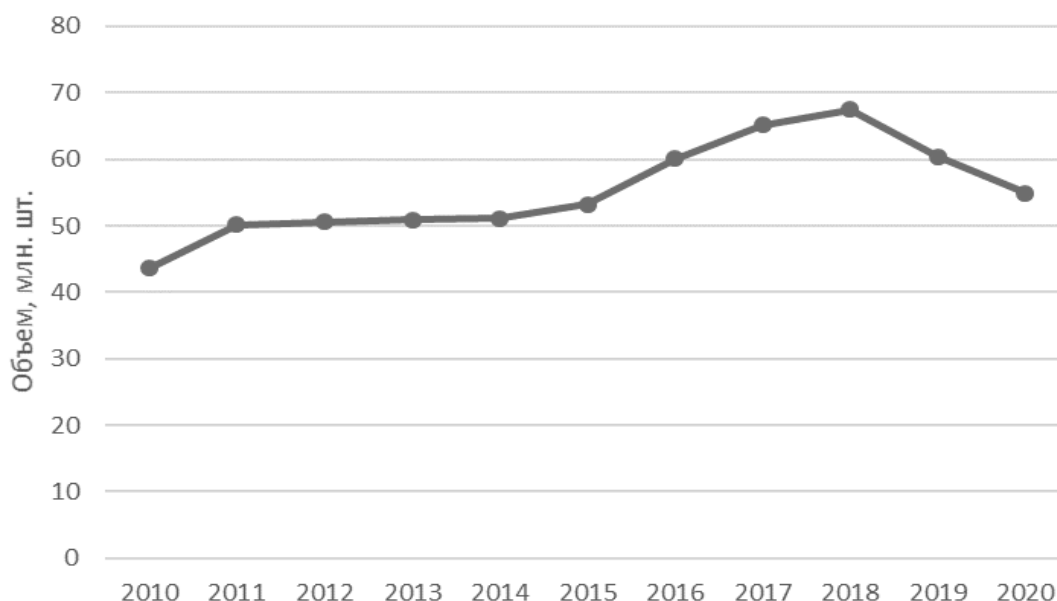

Рис. 1 – Производство шин в России за период 2010-2020 гг.

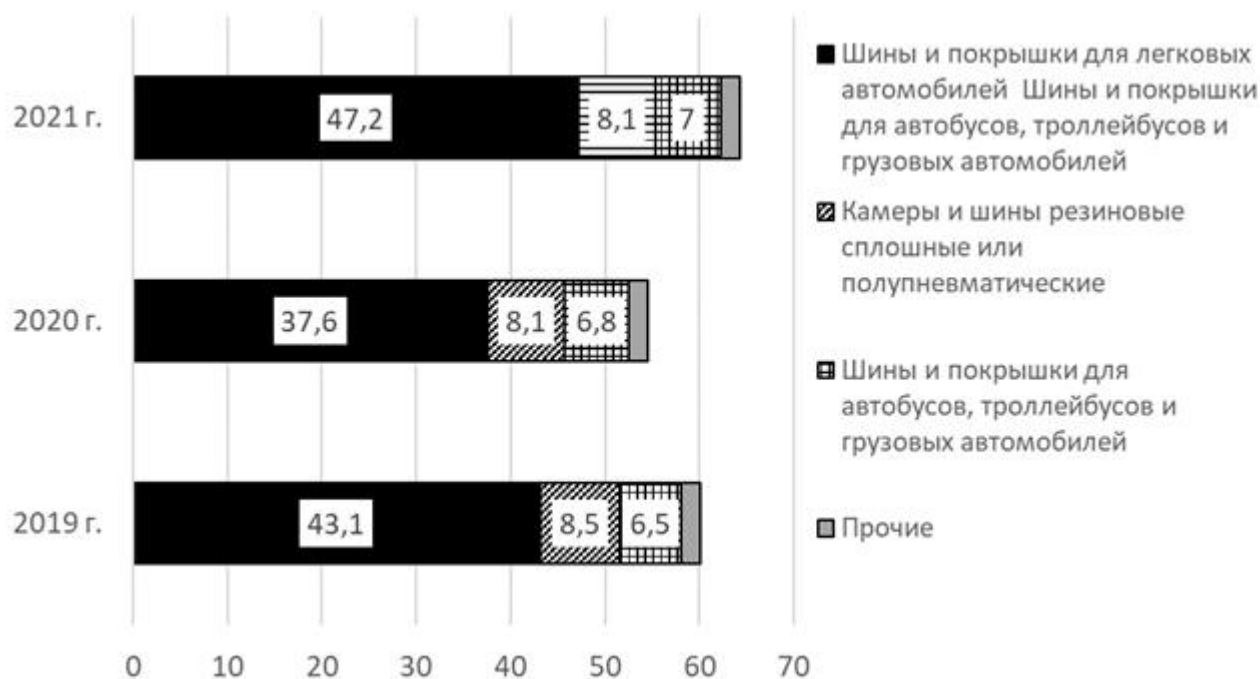

Рис. 2 – Структура производства автомобильных шин за период 2019-2021 г., (млн. шт.) [3]

В то же время наблюдается неизменный рост среднегодовых оптовых цен на внутреннем рынке шин (рис. 3). Как показывают приведенные данные, стоимость шин неизменно возрастает, особенно это характерно для шин и покрышек для сельскохозяйственных машин – с 7196 до 11914 руб./шт, что обусловлено ускоренным износом в связи с экстремальными условиями эксплуатации.

Известно, что в состав рецептур для автомобильных шин входит большое количество

компонентов (каучуки, стабилизаторы, ускорители, наполнители и в том числе адгезионные добавки), многие из которых поставляются из Бельгии, Германии, Турции и требуют замены. Большинство автомобильных покрышек и рукавных изделий изготовлено не только из резины, а содержат текстильные или металлические армирующие материалы: волокна природные или химические, нити, проволоку и металлические закладные детали. В современной автомобильной шине только армирующие материалы занимают до 15-35 % массы (рис. 4).

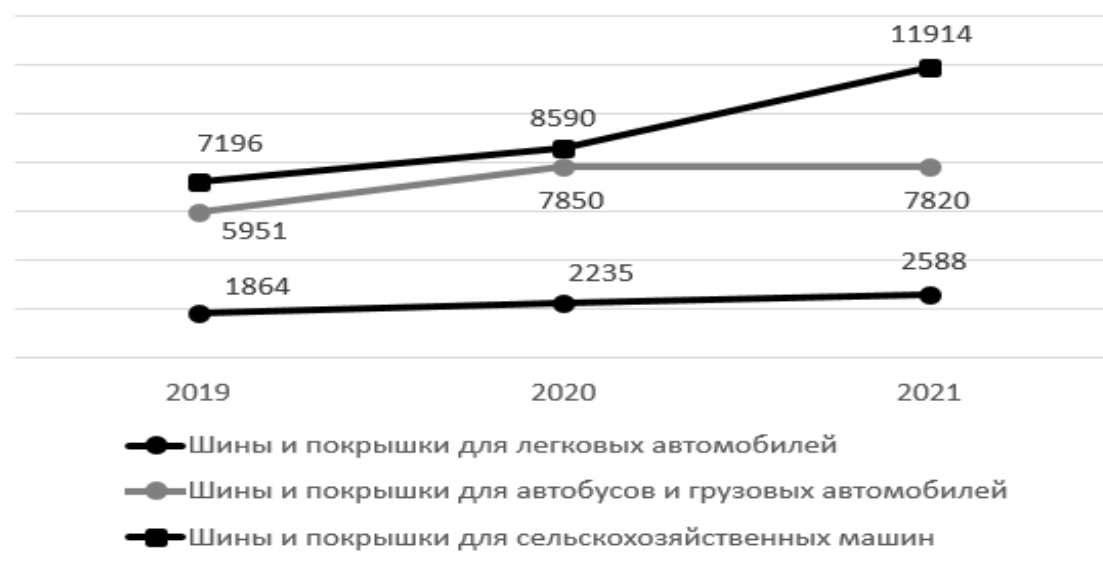

Рис. 3 - Среднегодовые оптовые цены (руб./шт) на внутреннем рынке шин [3]

Рис. 4 – Схема автомобильной шины в разрезе

Отсутствие отечественного производства компонентов-добавок для шинной промышленности (стабилизаторов, ускорителей вулканизации, адгезионных добавок, антиоксидантов) может привести к остановке отдельных производств.

Данной проблемой занимаются многие компании, начиная с 2020 года, после начала пандемии, такие как ОАО «Научно-исследовательский институт технико-экономических исследований», Ассоциация предприятий-разработчиков и производителей эластомерных материалов и изделий (Ассоциация «Эластомеры»), Научно-исследовательский институт эластомерных материалов и изделий (ООО «НИИЭМИ») и др. [3-7]. Отечественным компаниям удалось достаточно быстро перестроиться, часть компонентов удалось начать закупать в странах АТР, а по части ведётся активная работа по импортозамещению, которая уже дала свои плоды.

Материалы и методы исследования

Цель работы – охарактеризовать текущее состояние рынка шинной промышленности в РФ и рассмотреть перспективы организации производства адгезионных добавок в РТ.

Для решения этой цели были поставлены задачи:

1. Определить объем, темпы роста и динамику развития российского рынка автомобильных шин.

2. Охарактеризовать конкурентную ситуацию на рынке адгезионных добавок для резиновых смесей.

3. Провести мониторинг цен и определить уровень цен на рынке адгезионных добавок.

4. Обосновать перспективность производства адгезионных добавок в Республике Татарстан

Источники получения информации 1. Базы данных Федеральной Таможенной службы РФ, ФСГС РФ (Росстат). 2. Материалы DataMonitor, EuroMonitor, Eurostat. 3. Ресурсы сети Интернет в России и мире. 4. Материалы участников отечественного и мирового рынков. 5. Результаты исследований маркетинговых и консалтинговых агентств. 6. Материалы отраслевых учреждений и базы данных. 7. Результаты ценовых мониторингов.

Результаты исследования

Основными потребителями на рынке адгезионных добавок являются российские производители шин. Отечественные компании занимают около 40 % на рынке, к другой части относятся производители, выпускающие товар под иностранным брендом. В табл. 1 представлены основные предприятия по производству шин в России.

Таблица 1 – Основные предприятия по производству шин в России

Наименование предприятия	Месторасположение	Объем производства за 2020 год, млн. шт
ПАО «Нижнекамскшина»	Россия, Республика Татарстан, г. Нижнекамск	8,0
ООО «Нокиан Шина» (ООО «Нокиан Тайерс»)	Россия, Ленинградская область, г. Всеволожск	10,0
АО «Волтайр-Пром»	Россия, Волгоградская обл., г. Волжский	17,0
ПАО «ОМСКШИНА»	Россия, г. Омск	5,0
Ярославский шинный завод	Россия, г. Ярославль	3,0
Кировский шинный завод	Россия, г. Киров	8,0
«Уралшина»	Россия, Свердловская обл., г. Екатеринбург	3,5
ОАО «Белшина»	Республика Беларусь	7,0
Итого		68,5

Известно, что в состав рецептуры различных шин количество вводимой адгезионной добавки составляет от 0,4 до 1 мас.ч./100 м.ч. каучука. Таким образом, для производства 1 шины требуется от 1 до 5 кг резиновой смеси, и 5 г адгезионной добавки. Отсюда следует, что для обеспечения всех производимых шин адгезионной добавкой необходимо 68,5 млн шт*5г=342500кг=342,5 тонн в год. Данный результат свидетельствует об экономической целесообразности производства адгезионных добавок в Республике Татарстан, имеющего целевого потребителя – ПАО «Нижнекамскшина», производящего 12 % от общего объема шин в РФ, большая часть выпускаемой продукции поставляется на комплектацию автозаводов – АвтоВАЗа, КамАЗа, ИжМаша.

В настоящее время в промышленности для повышения адгезии между резиной и металлическим кордом в основном используется адгезионная добавка – Манобонд 680С [8]. Манобонд представляет собой нафтенат кобальта. Производителем является фирма «OMG», Англия. История компании насчитывает уже более 100 лет, имеет многолетний опыт в сфере добавок и клеев, продолжает совершенствоваться и расширять свой ассортимент.

Конкурентами фирмы «OMG» являются:

1. Lanxess Rhein Chemie (RCH) – крупнейший в мире поставщик специальных резиновых изделий и функциональных добавок для шинной промышленности. Штаб-квартира компании находится в Германии, г. Мангейм и имеет десяток промышленных площадок, в том числе и в России. Широкий ассортимент продукции представлен не только добавками в резиновую смесь, но и красками для маркировки шин и камер [9].

2. Sino Legend (China) Chemical Co Ltd – была основана в Китае в 2005 году компанией

Hongkong Sino Legend Group Limited. Производственная площадка находится на территории Международного химико-промышленного парка Янцзы г. Чжанцзяган, провинции Цзянсу. Компания осуществляет производство различных смол для резиновой и шинной промышленности [10].

3. Отечественная компания «S&S» основана в 1992 году. Основные производственные мощности сосредоточены в г. Щелково и Ногинск Московской области. Компания выпускает широкий ассортимент товаров для крупнейших производителей шин, РТИ, стекла и хрусталя, эмалей красок. Основной продукцией являются соединения и порошки кобальта и никеля, молибдена и других тугоплавких металлов [11].

4. Научно-технический центр резинотехнических изделий и полимеров (НТЦ РТИ и Полимеров) занимается не только проведением научно-исследовательских работ, а также производством разнообразных изделий различной степени сложности. Основан в 2002 году и располагается в Волгоградской области, г. Волжск. Выпускает адгезионную добавку для резинотехнических изделий (рукава, конвейерные ленты, ремни и т.д.) – «Модификатор РУ».

Динамика цен на адгезионные добавки различных производителей представлена в табл. 2. Как видно из представленных данных, на рынке адгезионных добавок наиболее высокой ценой среди зарубежных производителей характеризуется продукция компании Sino Legend (China) Chemical Co. Ltd – 88,98 руб./кг, наиболее низкой Lanxess Rhein Chemie – 85,73 руб./кг. Отечественные производители выставляют конкурентные цены, наиболее выгодные у компании «S&S» – 89,60 руб./кг.

Таблица 2 – Динамика цен на адгезионные добавки в разрезе по производителям, руб./кг

Наименование производителя	2018г.	2019г.	2020г.	2021г.
«OMG»	72,54	74,73	81,94	86,10
Lanxess Rhein Chemie (RCH)	89,88	87,06	89,64	85,73
Sino Legend (China) Chemical Co. Ltd	75,45	83,82	87,42	88,98
«S&S»	82,53	80,12	85,48	89,60
НТЦ РТИ и Полимеров	79,68	84,72	84,90	90,38

Для производства легковых радиальных шин применяется в основном импортное сырье и омологированное отечественное таких поставщиков как ОАО «НКНХ» г. Нефтекамск, ОАО «Воронежсинтезкаучук» г. Воронеж. В настоящее время некоторые компании из приведенных в таблице 2 входят в список недружественных. В связи с этим дефицит адгезионных добавок для шинной промышленности вследствие санкционных ограничений может вызвать дисбаланс внутреннего рынка и рост цен на все виды шинной продукции. Таким образом, проект по разработке и производству адгезионных добавок в Республике Татарстан обоснован, позволит полностью заместить импортные добавки, освобождая автомобильную отрасль от импортозависимости.

Заключение

В данной работе проведен анализ рынка автомобильных шин в РФ и маркетинговый анализ рынка адгезионных добавок:

- Приведены объемы, темпы роста, ассортимент и динамика российского рынка автомобильных шин за период с 2010 по 2021 г.г.
- Определены основные конкуренты-производители на рынке адгезионных добавок в РФ.
- Проведен мониторинг цен на адгезионные добавки различных производителей, рассчитали необходимые объемы потребления адгезионных добавок в РФ в год.
- Показана целесообразность производства адгезионных добавок для шинной промышленности в РТ, что позволит заместить импортные добавки.

Литература

1. Россия в цифрах. 2021. Москва, Росстат, 2021. 275 с.
2. ФТС России данные об экспорте-импорте России за январь-ноябрь 2021 года. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/322198> (дата обращения: 25.03.2023).
3. Кудряшова Д.П. Анализ российского рынка шин // 24-я Международная выставка «Шины, РТИ и каучуки – 2022» Москва, 27 апреля 2022 г. URL: <https://rupec.ru/download.php?url=%2Fupload%2Fiblock%2Fa37%2Fa37ad6fc075803a8ebd9aa2362fa8b75.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).
4. Корчашкин В.В., Альтзицер В.С. 90 лет акционерному обществу «Научно-исследовательский институт резиновых и полимерных изделий» (АО «НИИР»). Основные этапы развития. Каучук и резина. 2020. Т. 79. № 2. С. 91-99.
5. Научно-технический центр резинотехнических изделий и полимеров (НТЦ РТИ и Полимеров) URL: <http://ntcrti.ru/> (дата обращения: 25.03.2023).
6. ООО «Научно-технический центр «Кама» URL: www.td-kama.com (дата обращения: 25.03.2023).
7. Закирова Л.Ю., Султанова Д.Ш., Мисбахова Э.А. Предпринимательство в области переработки полимеров (на примере производства газонных решеток из вторичного полиэтилена) // Управление устойчивым развитием. 2016. № 1 (02). С. 42-47.
8. Шишкина Н.Н., Закирова Л.Ю., Самуилов Я.Д. Использование добавок на основе карбамида в резиновых смесях как агентов полифункционального действия // Каучук и резина. 2020. Т. 79. № 4. С. 198-202.
9. Lanxess Rhein Chemie (RCH) URL: <https://lanxess.com/en/Company> (дата обращения: 25.03.2023).
10. Sino Legend (China) Chemical Co. Ltd. URL: <http://www.sinolegend.com/en/> (дата обращения: 25.03.2023).
11. ООО Компания «S&S». URL: <http://www.s-i-s.ru/ru/about> (дата обращения: 25.03.2023).

Сведения об авторах:

©**Шишкина Нэлли Наримановна** – кандидат химических наук, доцент кафедры технологии синтетического каучука, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: shishkina.nelli@bk.ru.

©**Закирова Лариса Юрьевна** – кандидат технических наук, доцент кафедры химической технологии и переработки эластомеров, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: zakirova.knitu@mail.ru.

Information about authors:

©**Shishkina Nelli Narimanovna** – Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor of the Department of Synthetic Rubber Technology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: shishkina.nelli@bk.ru.

©**Zakirova Larisa Yrievna** – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Chemical Technology and Processing of Elastomers, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: zakirova.knitu@mail.ru.

А. В. Шумкин**РАЗРАБОТКА ФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА**

Ключевые слова: инновационная деятельность, промышленность, машиностроение, оборонно-промышленный комплекс, производственная функция, факторная модель производства.

Российская экономика находится на этапе коренной модернизации, ядром которой выступает национальный суверенитет (кадровый, финансовый, технологический). Роль инноваций возросла как никогда. В первую очередь форсирование научно-технологического развития затрагивает оборонно-промышленный комплекс страны, что требует существенного совершенствования стратегии развития обрабатывающей промышленности в России. В настоящей статье на примере предприятия машиностроения исследованы вопросы инновационного развития, его эффективности, а также обоснована необходимость реинжиниринга соответствующих бизнес-процессов. Целью исследования обозначена разработка факторной модели производства в контексте инновационного развития предприятия машиностроения. В качестве задач исследования обозначена необходимость выработки сценарного подхода к формулированию стратегии выведения инновационной продукции машиностроительного комплекса на рынок, диагностики инновационного развития отраслевого предприятия, разработки модели производственной функции в виде зависимости объемов производства от характеристик инновационной деятельности предприятия, определения специфики реинжиниринга инновационной деятельности на предприятии. Основными методами исследования послужили формализация, анализ, экономико-математическое моделирование. В рамках достижения цели исследования обоснована стратегия выведения инновационной продукции машиностроительного комплекса на рынок, опирающаяся на альтернативные сценарии развития; выявлены закономерности и результативность инновационной деятельности ПАО «КАМАЗ»; построена и оценена экономико-математическая модель управления инновационными факторами производства предприятия; сформулирован алгоритм реинжиниринга инновационной деятельности на промышленном предприятии. В качестве вывода подведен итог о том, что в рамках реинжиниринга инновационных процессов на отраслевых предприятиях рекомендуется придерживаться оптимальных комбинаций труда и капитала в условиях модели диверсификации и конверсии. Научная новизна исследования состоит в разработке экономико-математической модели управления инновационным развитием микроэкономических систем, позволяющей комбинировать факторы инновационного производства в целях управления выпуском высокотехнологичной продукции.

A. V. Shumkin**DEVELOPMENT OF A FACTOR MODEL OF HIGH-TECH MACHINE-BUILDING PRODUCTION**

Keywords: innovation activity, industry, mechanical engineering, military-industrial complex, production function, factor model of production.

The Russian economy is at the stage of radical modernization, the core of which is national sovereignty (personnel, financial, technological). The role of innovation has increased more than ever. First of all, the acceleration of scientific and technological development affects the country's military-industrial complex, which requires significant improvement of the strategy for the development of the manufacturing industry in Russia. In this article, using the example of a machine-building enterprise, the issues of innovative development, its effectiveness are investigated, and the need for reengineering of relevant business processes is justified. The purpose of the study is to develop a factor model of production in the context of innovative development of a machine-building enterprise. The objectives of the research are the need to develop a scenario approach to the formulation of a strategy for bringing innovative products of the machine-building complex to the market, diagnostics of innovative development of an industrial enterprise, development of a model of the production function in the form of dependence of production volumes on the characteristics of innovative activity of the enterprise, determination of the specifics of reengineering of innovative activity at the enterprise. The main research methods were formalization, analysis, economic and mathematical modeling. Within the framework of achieving the research objective, the strategy of bringing innovative products of the machine-building complex to the market based on alternative development scenarios is substantiated; patterns and effectiveness of innovative activity of

KAMAZ PJSC are revealed; an economic and mathematical model of management of innovative factors of production of the enterprise is constructed and evaluated; an algorithm for reengineering innovation activity at an industrial enterprise is formulated. As a conclusion, it is summed up that within the framework of reengineering of innovative processes at industry enterprises, it is recommended to adhere to optimal combinations of labor and capital in the conditions of the diversification and conversion model. The scientific novelty of the research consists in the development of an economic and mathematical model for managing the innovative development of microeconomic systems, which allows combining factors of innovative production in order to manage the production of high-tech products.

Машиностроение в России сегодня переживает этап радикальных изменений, что стало следствием не только тиражирования опыта цифровизации, но и геополитической ситуации в мире. Острым является вопрос ускорения вывода продукции на рынок, в том числе посредством реинжиниринга бизнес-процессов и бизнес-моделей. Смежной задачей является повышение доли отечественной продукции по отдельным позициям к 2024 году, что отражено в Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года [1], Государственной программе Российской Федерации «Развитие оборонно-промышленного комплекса», определяющей рост доли продукции гражданского и двойного назначения до 40 % к 2027 году [2]; отраслевых планах по импортозамещению в разных областях машиностроения [3].

Неоспоримую роль в решении обозначенных выше задач играет инновационная деятельность отраслевых предприятий и их стратегия устойчивого инновационного развития [4]. В силу специфики машиностроения, роль которого состоит в обеспечении высокотехнологичной продукцией других отраслей промышленности, обороноспособности страны и национального суверенитета, стратегия инновационного развития предприятий должна учитывать не только неопределенность, риски, принципы импортозамещения, но и тесное взаимодействие с государством и модель конверсии и диверсификации производств, поддержку трансфера технологий от производства продукции военного назначения к продукции двойного и гражданского назначения, прозрачность механизма бюджетирования и мониторинг использования бюджетных ассигнований, стимулирование развития инвестиционного климата в отрасли, реструктуризация каналов распределения продукции с ориентацией на внутренний рынок [5, 6].

Оценка Прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года [7], а также учет депрессирования со стороны Запада и открывшегося перед

российской экономикой «окна возможностей» способствовали формулированию альтернативных сценариев развития оборонно-промышленного комплекса и машиностроения:

- сценарий 1 (форсированный), характеризующийся ориентацией на локализацию производства за счет мобилизации инновационного потенциала;

- сценарий 2 (базовый) ориентирован на достижение импортонезависимости;

- сценарий 3 (консервативный) – реализация действующих программ и стратегий развития, включая политику импортозамещения.

Выделенные сценарии отличаются спецификой выведения инновационной продукции предприятий машиностроения на рынок (рис. 1). Принципиальное отличие предложенной стратегии состоит в адаптации направлений и целей развития промышленности сценариям развития комплекса.

В контексте консервативного сценария предполагается плановая модернизация, реконструкция производств, плановый вывод продукции на рынок, работа с прежними заказчиками в штатном режиме. Базовый сценарий развития отличается регламентацией развития, ориентацией на параметры развития, не ниже мирового уровня, применение гибких инструментов управления заказами (Order management system, OMS), бенчмаркинг в сфере коммерциализации инноваций, ориентация на соответствие конъюнктуре мирового рынка. Форсированный сценарий (ресурсоёмкий) заключается в мобилизации ресурсов, реинжиниринге производственной системы, преакселерации, опережающем анонсировании нововведений, не имеющих аналогов и обладающих непревзойденными характеристиками, что обеспечивает приток потенциальных заказчиков еще на стадии разработки нового продукта.

Объектом исследования послужило ПАО «КАМАЗ» – один из крупнейших в России производителей грузовых автомобилей. Эмпирической базой послужили сведения из годового отчета и бухгалтерской отчетности промышленного предприятия за 2011-2020 годы [8].

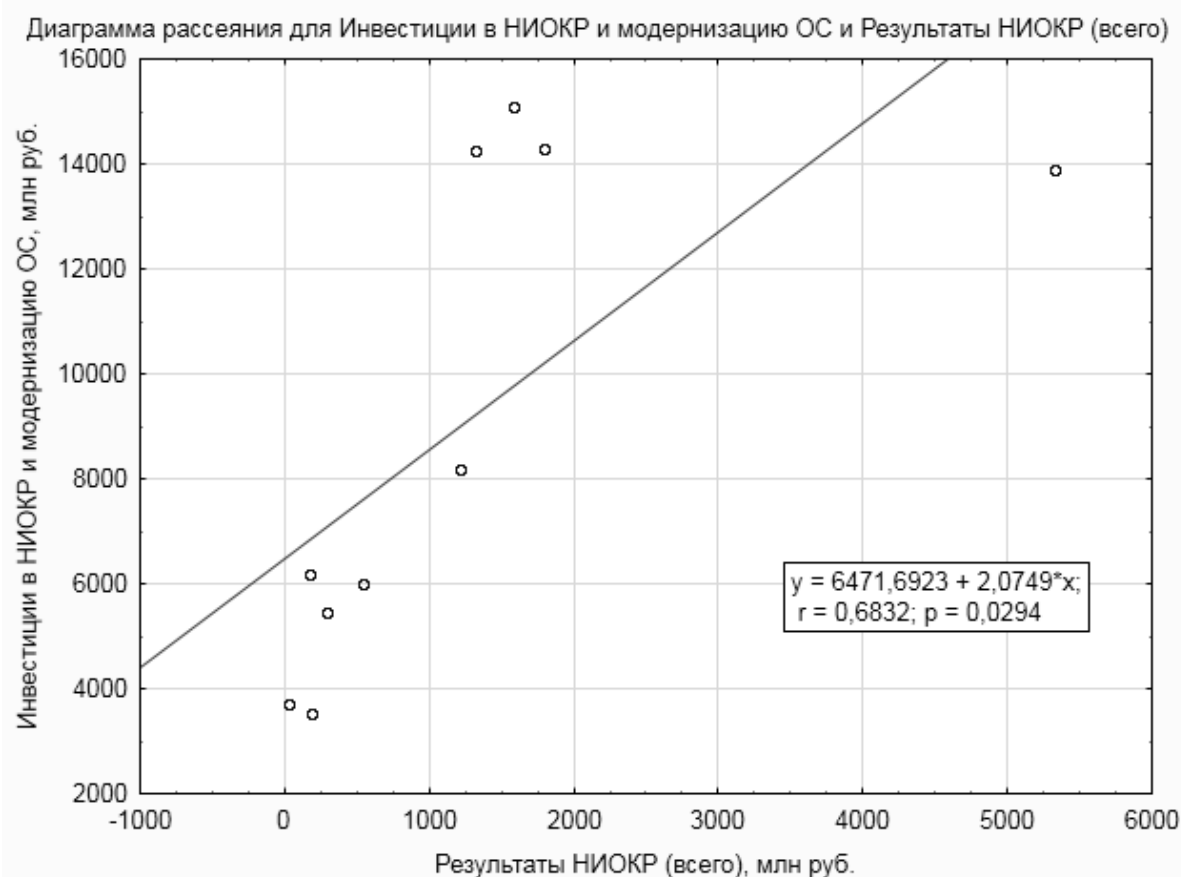
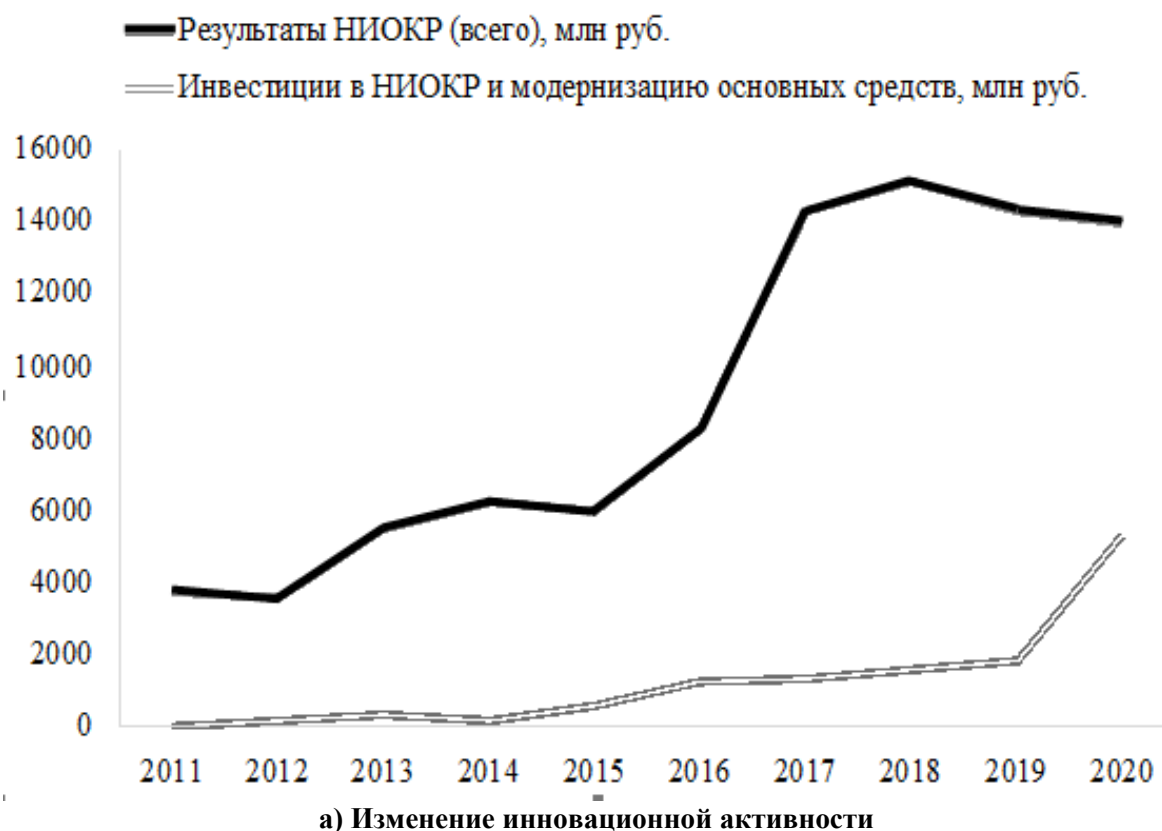
Рис. 1 – Стратегия выведения инновационной продукции машиностроительного комплекса (МК) на рынок (предложено автором)

Инновационная активность предприятия охватывает ключевые тренды развития промышленности, включая передовые производственные технологии и цифровизацию. Анализ первоначальной стоимости нематериальных активов, созданных самой организацией, показал, что наибольшую долю в их структуре составляют исключительные права владельца на товарный знак и знак обслуживания, наименование места, происхождения товаров (по итогам 2021 года – 97 %), в меньшей степени – исключительные права патентообладателя на изобретение, промышленный образец, полезную модель (2,8 %) и исключительные авторские права на программы для ЭВМ, базы данных (0,01 %). Диагностика наличия и движения результатов НИОКР на предприятии позволяет судить о превалировании НИОКР в части производства двигателей внутреннего сгорания для автомобилей (49 % первоначальной стоимости на конец 2021 года); на втором месте – НИОКР в сфере производства автомобилей магистрального семейства (26,6 %); на третьем месте – НИОКР в сфере тяжелого машиностроения (16,8 %). В целом за период 2011-2021 годы общая стоимость результатов НИОКР в ПАО «КАМАЗ» увеличилась многократно – с 26 920 тыс. руб. до 5 576 633 тыс. руб.

Графики изменения инвестиций в НИОКР и результативности инновационной деятельности предприятия представлены на рис. 2а. Эффективность выпуска инновационной

продукции предприятия оценена путем вычисления коэффициента эффективности инвестиций в НИОКР как соотношения стоимости результатов НИОКР и инвестиций в НИОКР и модернизацию основных фондов на предприятии. Корреляционная связь между показателями составила 68 % (рис. 2б), а коэффициент эффективности инвестиций в НИОКР увеличился за 2011-2021 годы в 52 раза.

В целях выработки инструментария управления и прогнозирования инновационной деятельности предприятий машиностроения использованы методы экономико-математического моделирования и построена производственная функция Кобба-Дугласа, который позволяет определить пропорции вклада труда и капитала в производство высокотехнологичной продукции. В качестве прогнозируемой переменной Q принята величина выручки от реализации продукции (без учета выручки от реализации товаров и услуг), в качестве факторов: инвестиции в НИОКР и модернизацию основных средств (K) и среднесписочная численность персонала, занятого на предприятии исследованиями и разработками (L). Кадровое обеспечение инновационной деятельности предприятия рассчитывалось, исходя из отраслевых пропорций (доли персонала, занятого исследованиями и разработками в отрасли «29 Производство автотранспортных средств, прицепов») от общей среднесписочной численности персонала, занятого на предприятии.

б) Диаграмма рассеяния

Рис. 2 – Показатели инновационной деятельности ПАО «КАМАЗ» (построено автором)

В результате моделирования выявлена следующая зависимость:

$$Q = 0,219 * K^{0,41} * L^{0,43}. \quad (1)$$

Качество модели оценено на основе F-теста (доверительная вероятность принята на уровне 99 %), а именно – путем сопоставления расчетных и табличных значений F, что позволяет принять альтернативную гипотезу H_1 о наличии статистической значимости модели:

$$F_{\text{расч}} > F_{\text{табл}} (30,97 > 9,55). \quad (2)$$

Выполнение условия (2) свидетельствует об адекватности формализованной модели производственной функции и ее применимости для управления инновационной деятельностью ПАО «КАМАЗ» (рис. 3).

Таким образом, производственная функция (1) представляет практическую ценность для определения пропорций комбинирования факторов производства при реинжиниринге бизнес-процессов и разработке стратегии выведения инновационной продукции на рынок. При текущем положении дел можно утверждать об эффективности НИОКР, реализуемых на промышленном предприятии. Коэффициенты эластичности позволяют утверждать о сбалансиро-

ванном подходе к управлению ключевыми факторами производства в рамках инновационного развития и определить изменение величины выручки ПАО «КАМАЗ» от реализации инновационной продукции при росте затрат двух факторов. Несколько больший прирост даёт численность сотрудников, что следует рассматривать как позитивную динамику, поскольку диверсификация способствует созданию новых рабочих мест и способствует росту продукции гражданского назначения, что отвечает плану диверсификации производства, обозначенному Президентом РФ. Судя по коэффициентам эластичности, при росте затрат на реализацию программы инновационного развития предприятия на 1 % объем выручки от реализации инновационной продукции гражданского назначения увеличится на 0,41 %; при росте численности сотрудников, занятых на предприятиях, входящих в состав корпорации, на 1 % объем соответствующей выручки увеличится на 0,43 %. Общее увеличение факторов на 1 % даст прирост выручки на 0,84 %. При этом общий прирост, ниже 1, свидетельствует об отрицательном эффекте масштаба. Сопоставление коэффициентов эластичности позволяет судить о трудоемком и капиталосберегающем инновационном развитии предприятия.

Рис. 3 – Качество производственной функции с указанием предела погрешностей, величина погрешности – 5 % (построено автором)

Тиражирование опыта ПАО «КАМАЗ» в сфере отечественного машиностроения может способствовать повышению эффективности использования научно-производственных ресурсов предприятий, переход к модели конверсии оборонной продукции. Кроме того, современными инструментами реинжиниринга являются системы автоматизации и цифровизации, способные приблизить предприятия машиностроения к достижению цели увеличения доли гражданской продукции до 50 % к 2030 году. Это разработка, производство, модернизация и поддержание в готовности стационарных и мобильных автоматизированных систем и комплексов управления для гражданской сферы применения, выполнение проектных работ, поставки оборудования, строительно-монтажных, шеф-монтажных и пусконаладочных работ «под ключ».

Реинжиниринг инновационной деятельности на предприятии должен способствовать формированию следующего алгоритма при исследовании рынка:

1) сопоставление гипотезы о проблеме целевой аудитории с ее подтверждением (гипотезы о существовании рынка, о повышении качества продукта, о возможностях предотвращения аварийных ситуаций на производстве, о сокращении простоев, о дополнительной экономии ресурсов, об импортозамещении аналогичной зарубежной продукции и др.);

2) кейс использования продукта (преимущества нового продукта, функционал, результаты преакселерации);

3) оценка потенциального объема рынка (в стоимостном выражении), его ретроспективный и перспективный анализ;

4) определение целевых сегментов рынка и ключевых игроков;

5) определение целевых географических рынков нового продукта и план выхода на данные рынки с учетом нарастания экономической конфронтации с западными странами;

6) определение тенденций на внутреннем и глобальном рынках;

7) идентификация основных конкурентов и наиболее близких аналогов, определение ключевых параметров сравнения с налогами (цена, год разработки, тип, интеграция с информационной средой предприятия и др.), конкурентные преимущества по сравнению с существующими аналогами;

8) расчет себестоимости нового продукта;

9) ключевые члены команды проекта по внедрению нового продукта;

10) формирование бизнес-модели (модель монетизации, прогноз продаж по отраслевым и географическим направлениям, NPV проекта).

Мероприятия в области реинжиниринга инновационных процессов способны обеспечить снижение уровня износа основных фондов промышленных предприятий за счет перераспределения факторов производства. В силу того, что такой процесс является достаточно ресурсоемким и требует длительного периода для реализации модернизационных мероприятий, рекомендуется придерживаться оптимальных комбинаций труда и капитала в рамках диверсификации производства на отраслевых предприятиях, что позволит повысить эффективность использования ресурсов предприятий, способствовать переходу к производству гражданской продукции и тем самым увеличить объем реализации инновационной продукции гражданского назначения.

Научная новизна результатов исследования заключается в выработке математического инструментария, пригодного для комбинирования факторов инновационного производства, а также прогнозирования и стратегирования инновационного развития машиностроительного комплекса России. Перспективы исследования заключаются в выявлении закономерностей инновационного развития иных отраслевых предприятий и выработке соответствующего комплекса моделей производственных функций, направленных на формирования дифференцированной стратегии развития высокотехнологичных предприятий в России.

Литература

1. Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года (Распоряжение Правительства РФ от 06.06.2020 N 1512-р). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354707/ (дата обращения: 01.06.2023).
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие оборонно-промышленного комплекса» (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2016 г. № 425-8). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198364/ (дата обращения: 01.06.2023).
3. Отраслевые планы импортозамещения Минпромторга России. URL: <https://frprf.ru/zaymy/prioritetnye-proekty/?docs=334> (дата обращения: 01.06.2023).

4. Шинкевич А.И., Лубнина А.А., Галимулина Ф.Ф. О моделировании видов экономической деятельности в контексте устойчивого инновационного развития высокотехнологичных мезоэкономических систем // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 13. С. 249-254.
5. Доброва К.Б. Совершенствование стратегии инновационного развития предприятий оборонно-промышленного комплекса России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. № 3-1 (23). С. 88-94.
6. Яковлев Г.И., Стрельцов А.В. Особенности формирования и реализации стратегии инновационного развития машиностроительного предприятия // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 1. С. 375–390.
7. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года (разработан Минэкономразвития России). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308166/ (дата обращения: 01.06.2023).
8. Центр раскрытия корпоративной информации. ПАО «КАМАЗ». URL: <https://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=33> (дата обращения: 01.06.2023).

Сведения об авторе:

©**Шумкин Александр Васильевич** – соискатель кафедры логистики и управления, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: a.shumkin2021@yandex.ru.

Information about the author:

©**Shumkin Alexander Vasilievich** – Candidate of Logistics and Management Department, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: a.shumkin2021@yandex.ru.

Н. В. Барсегян, А. И. Ван, А. Р. Уренцова

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИЙ «ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ»
И «ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ» В УСЛОВИЯХ РИСКОВ РАЗВИТИЯ
ЗАКРЫТЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ**

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-00581,
<https://rscf.ru/project/22-28-00581>**

Ключевые слова: технологический суверенитет, импортозамещение, инновационная политика, устойчивое развитие, цифровизация, технологическое развитие.

Исследование направлено на анализ категорий «импортозамещение» и «технологический суверенитет» в условиях политической нестабильности и в условиях рисков развития закрытых инновационных систем. Устранение зависимости от зарубежных технологий, программного обеспечения, оборудования, материалов является условием успешной реализации политики импортозамещения и эффективного функционирования промышленной отрасли России. Определены задачи, на решение которых направлен технологический суверенитет. В настоящее время вопросы технологической и научной кооперации, развитие собственных производств и создание передовых компетенций стали одним из важнейших приоритетов государства в силу внутренних и внешних изменений. В гармонизации развития общества как основы импортозамещения и инструмента перехода к циркулярной экономике особая роль отводится концепции наилучших доступных технологий. Обобщены основные механизмы обеспечения технологического суверенитета. В обеспечении и усилении технологического суверенитета вопросы цифровизации государственного управления и экономики становятся основными. Особое внимание в вопросах цифровизации уделяется подготовке соответствующих кадров. Механизмы, задействованные при реализации политики импортозамещения, способствуют приобретению промышленного опыта с целью обеспечения конкурентоспособности. Сделан вывод, что основное отличие категорий «импортозамещение» и «технологический суверенитет» заключается в том, что первая основана на поиске аналогов зарубежных решений, а вторая предполагает создание собственных технологий и сервисов, которые будут конкурентоспособными на мировом рынке.

N. V. Barsegyan, A. I. Van, A. R. Urentsova

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CATEGORIES «IMPORT SUBSTITUTION»
AND «TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY» UNDER THE CONDITIONS OF RISKS
OF DEVELOPMENT OF CLOSED INNOVATION SYSTEMS**

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project number №22-28-00581, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00581>

Keywords: technological changes, import substitution, innovation policy, established development, civilization, technological development.

The research is aimed at analyzing the categories of «import substitution» and «technological sovereignty» in conditions of political instability and in conditions of risks of development of closed innovation systems. The elimination of dependence on foreign technologies, software, equipment, and materials is a prerequisite for the successful implementation of the import substitution policy and the effective functioning of the Russian industrial sector. The tasks that technological sovereignty is aimed at solving are defined. Currently, the issues of technological and scientific cooperation, the development of own production facilities and the creation of advanced competencies have become one of the most important priorities of the state due to internal and external changes. The concept of the best available technologies plays a special role in the harmonization of the development of society as a basis for import substitution and a tool for the transition to a circular economy. The main mechanisms of ensuring technological sovereignty are summarized. In ensuring and strengthening technological sovereignty, the issues of digitalization of public administration and the economy are becoming the main ones.

Special attention in matters of digitalization is paid to the training of relevant personnel. The mechanisms involved in the implementation of the import substitution policy contribute to the acquisition of industrial experience to ensure competitiveness. It is concluded that the main difference between the categories of «import substitution» and «technological sovereignty» is that the first is based on the search for analogues of foreign solutions, and the second involves the creation of its own technologies and services that will be competitive on the world market.

Повышение уровня благосостояния граждан на разных уровнях управления экономическими системами является основным направлением государственной социально-экономической политики. На действенность реализации государственной политики оказывает влияние ряд факторов, одним из которых является достижение устойчивости развития территорий и страны в целом. В современных условиях политической нестабильности основными проблемами и вызовами страны выступают:

- переход на экономику замкнутого цикла;
- создание и развитие независимого технoэкономического блока;
- развитие потенциала экспортной сельскохозяйственной продукции;
- создание и развитие нового поколения транспортных логистических коридоров со странами Азии;
- повышение качества человеческого капитала и т.д.

Инновационная политика, являясь частью государственной экономической политики, играет ведущую роль в обеспечении условий для стабильного и устойчивого развития как страны в целом, так и отдельных регионов. Одной из основных целей государственной инновационной политики является повышение конкурентоспособности отечественной продукции за счет освоения достижений научно-технического прогресса. Мерой, позволяющей российским предприятиям и организациям в определенных сферах эффективнее приспосабливаться к современным кризисным условиям экономики, является политика импортозамещения.

Политика импортозамещения является ключевым фактором обеспечения отечественной стратегической безопасности. Устранение зависимости от зарубежных технологий, программного обеспечения, оборудования, материалов является условием успешной реализации политики импортозамещения и эффективного функционирования промышленной отрасли России. Вопросам импортозамещения, политики его внедрения, теории и практики концепции реализации, в том числе особенности в условиях санкций, посвящены ряд работ как отечественных, так и зарубежных ученых: Е. Г. Анимица, А. И. Шинкевич, О. С. Михай-

лов, И. Н. Попова, Ю. И. Селиверстов, Г. Брутон и др. [1-7]. В современном экономическом словаре импортозамещение определяется как «уменьшение или прекращение импорта определенного товара посредством производства, выпуска в стране того же или аналогичных товаров» [8]. Роли наилучших доступных технологий в гармонизации развития общества как основы импортозамещения и инструмента перехода к циркулярной экономике особое внимание уделено в исследованиях Ф. Ф. Галимулиной, М. В. Шинкевич, И. А. Зарайченко [9]. Вопросы обеспечения ресурсоэффективности промышленного комплекса как основа обеспечения технологического суверенитета рассматриваются в исследованиях А. И. Шинкевича, С. С. Кудрявцевой, И. Г. Ершовой, А. Миллер, М. Миллер [10, 11].

Основные направления развития промышленности России, ее конкурентоспособности, с учетом обеспечения политики импортозамещения, связаны с такими концепциями, как:

- цифровая трансформация экономики;
- экономика замкнутого цикла;
- «зеленая» экономика;
- устойчивое развитие экономики;
- наилучшие доступные технологии и т.д.

Категория «технологический суверенитет» с 2022 года стал новым направлением развития отечественной экономики. Понятия «импортозамещение» и «технологический суверенитет» используются как аналогичные категории. Однако в 2022 году заместителем председателя Совета безопасности России Д. Медведевым было предложено применять только термин «технологический суверенитет».

На Петербургском международном экономическом форуме 17 июня 2022 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин назвал «сквозной принцип развития России – достижение технологического суверенитета, независимого от иностранных институтов». На этом же форуме было заявлено о необходимости совершить поворот от «абсолютно рыночной промышленной политики к политике обеспечения технологического суверенитета». Следовательно, политика обеспечения технологического суверенитета планируется как комплекс мер, повышающих роль нерыночных механизмов, институтов и практик – государственных и общественных.

По результатам заседаний Совета по стратегическому развитию и национальным проектам была разработана и утверждена концепция технологического развития на период до 2030 г. [12]. Согласно данной концепции:

- импортозамещение «осуществляется в форме локализации на территории Российской Федерации производств и технологий, воспроизведения технологий, либо в форме переориентации трансграничных производственных цепочек на устойчивых (надежных) поставщиков, импортирующих на территорию Российской Федерации товары, услуги и технологии» [12];
- «технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах – исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и производство высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях. Технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами» [12].

Таким образом, под технологическим суверенитетом понимается способность государства обеспечить научно-техническое и промышленное развитие для создания и поддержания собственных технологий, инфраструктуры, обеспечивающей жизненно важные направления, независимость политики, экономики от иностранных технологий [13].

Технологический суверенитет направлен на решение следующих задач:

- обеспечение безопасности, продовольственной независимости;
- повышение уровня фундаментальных технологий, позволяющих создавать продукты, с помощью цифровых двойников, новых материалов, процессоров, сенсоров и прочее;
- развитие сквозных цифровых технологий;
- развитие цифровой трансформации;
- расширение доступности финансовых ресурсов для отечественного высокотехнологичного бизнеса;
- повышение качества подготовки инженеров и IT-специалистов.

Обобщая исследования, сравнительный анализ категорий «импортозамещение» и «технологический суверенитет» можно представить в виде рис. 1.

В настоящее время в силу внутренних и внешних изменений вопросы технологической и научной кооперации, развитие собственных производств и создание передовых компетенций стали одним из важнейших приоритетов государства.

Основные механизмы обеспечения технологического суверенитета представлены на рис. 2.

Рис. 1 – Сравнительный анализ категорий «импортозамещение» и «технологический суверенитет» (обобщено авторами)

Механизмы достижения технологического суверенитета				
Государственный технологический заказ	Развитие сквозных технологий	Проекты-маяки	Национальная технологическая инициатива	Передовые инженерные школы

Рис. 2 – Механизмы обеспечения технологического суверенитета (обобщено авторами)

Под технoэкономикой понимается «перенос части функций институтов на цифровые платформы, ускоренная платформизация экономики» [14]. В связи с этим вопросы цифровизации государственного управления и экономики становятся основными в обеспечении и усилении технологического суверенитета.

Особое внимание в вопросах цифровизации уделяется подготовке соответствующих кадров. Технологический суверенитет невозможен в одной отдельно взятой сфере. Если мы говорим о технологическом суверенитете страны, то мы должны говорить комплексно обо всём развитии в целом. Невозможно развивать промышленность, не имея кадры, с чем мы сейчас сталкиваемся, поэтому тема образования – она ключевая. На развитие цифровой компетентности и цифровых навыков предложен ряд мероприятий, утвержденных Министерством науки и высшего образования:

- дополнительное образование старшеклассников курсов программирования;
- увеличение контрольных цифр приема на ИТ-направления;
- расширение модулей по цифровым компетенциям в вузах и создание цифровых кафедр;
- дополнительное профессиональное образование по ИТ-специальностям.

Предложения Минобрнауки можно разделить на следующие направления (рис. 3).

Таким образом, ключевыми факторами реализации стратегии цифровизации являются кадры, стратегия, технологии, которые должны соответствовать новым реалиям, иметь соответствующие компетенции, позволяющие разработать интеллектуальные алгоритмы для повышения операционной эффективности.

Рис. 3 – Основные предложения по реализации мероприятий цифровизации в условиях технологического суверенитета (обобщено авторами)

Таким образом, обеспечению концепции технологического суверенитета способствуют сквозные измерения:

- исследования и усилия по развитию потенциала в области безопасности и обороны;
- инвестиции в передовые исследования и инновации, а также в цифровизацию;
- устойчивость критически важной инфраструктуры и безопасность поставок;
- развитие технологических инициатив.

Экономическое развитие напрямую связано с развитием внутреннего потенциала, чтобы уменьшить или устранить импортозависимость. Движущей силой политики импортозамещения становятся глобальные экономические кризисы, которые оказывают существенное влияние на цены на сырье, составляющие основную часть экспорта развивающихся экономик. С целью создания возможностей экспорта промышленных товаров необходимо создание собственной инфраструктуры, необходимой для такого производства.

Механизмы, задействованные при реализации политики импортозамещения, способствуют приобретению промышленного опыта с целью обеспечения конкурентоспособности.

В научной литературе касательно развития экономики и инноваций существует две основные позиции:

1) импорт способствует местным технологическим инновациям и технологическому прогрессу: импортная торговля способствует технологическим инновациям, снижая затраты фирм на НИОКР за счет побочных эффектов технологий [15];

2) импорт технологий деконцентрирует ресурсы на исследования и разработки и вытесняет инвестиции во внутренние исследования и разработки, что наносит ущерб инновационному росту. Отечественные НИОКР и зарубежные технологии НИОКР могут иметь эффект замещения из-за затрат на переключение и экономии на масштабах.

Таким образом, импорт может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на технологические инновации. Что касается эффекта распространения технологий, импорт «зеленых» технологий позволяет фирмам приобретать передовые знания и разрабатывать собственные «зеленые» технологии производства. В отличие от независимых исследований и разработок, прямой доступ к передовым иностранным знаниям может сэкономить затраты и время и добиться скачка. Благодаря импорту предприятия в технологически отсталых регионах могут за короткий промежуток времени освоить передовые «зеленые» технологии и стать опытными в их использовании, а также преобразовать импортированные технологии в свои собственные, тем самым увеличивая запас знаний. Кроме того, на основе переваривания и поглощения импортируемых «зеленых» технологий предприятия могут улучшать характеристики своей продукции, повышать ее качество и повышать свою конкурентоспособность. С точки зрения конкурентных эффектов, импорт «зеленых» продуктов и «зеленых» технологий некоторыми предприятиями захватит долю рынка других предприятий в той же отрасли.

Литература

1. Анимица Е.Г., Анимица П.Е., Глумов А.А. Импортозамещение в промышленном производстве региона: концептуально-теоретические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2015. № 3 (43). С. 160-172.
2. Барсегян Н.В., Шинкевич А.И. Импортозамещение как условие обеспечения продовольственной безопасности // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2016. Т. 11. № 4 (42). С. 109-112.
3. Михайлов О.С. Реализация конкурентных преимуществ региона на основе политики импортозамещения // Управление устойчивым развитием. 2023. № 2 (45). С. 23-29.
4. Попова И.Н., Сергеева Т.Л. Импортозамещение в современной России: проблемы и перспективы // BENEFICIUM. 2022. № 2 (43). С. 73-84.
5. Селиверстов Ю.И., Чижова Е.Н. Западным санкциям Россия должна противопоставить импортозамещение и инновации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 5-3. С. 442-449.
6. Шинкевич А.И., Лубнина А.А., Галимулина Ф.Ф. О моделировании видов экономической деятельности в контексте устойчивого инновационного развития высокотехнологичных мезоэкономических систем // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 13. С. 249-254.
7. Bruton H.J. A Reconsideration of Import Substitution // Journal of Economic Literature. 1998. Vol. 36 (2). 903-936.
8. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. Москва: ИНФРА-М, 1999. 479 с.

9. Галимулина Ф.Ф., Шинкевич М.В., Зарайченко И.А. Наилучшие доступные технологии в современной экономике: основа импортозамещения и инструмент перехода к циркулярной экономике // Вестник университета. 2022. № 11. С. 113-120.
10. Miller A., Miller M. Study of the problems of technological integration in the manufacturing industry in Russia // Strategic Management. 2019. Т. 24. Vol. 3. P. 33-42.
11. Shinkevich A.I., Kudryavtseva S.S., Ershova I.G. Modelling of Energy Efficiency Factors of Petrochemical Industry // International Journal of Energy Economics and Policy. 2020. Vol. 10 (3). P. 465-470.
12. Концепция технологического развития на период до 2030 года // Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-п.
13. Технологический суверенитет – план действий. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69019> (дата обращения: 1.06.2023).
14. Барсегян Н.В., Лубнина А.А., Абуталипова Ю.А. Модернизация институтов развития промышленности в условиях технологического суверенитета // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2022. № 6 (97). С. 104-114.
15. Kudryavtseva S.S., Shinkevich A.I., Shvetsov M.Yu., Bordonskaya L.A., Gorlachev V.P., Persidskaya A.E., Shchepkina N.K. National open innovation systems: an evaluation methodology // Journal of Sustainable Development. 2015. Т. 8. № 6. P. 270-278.

Сведения об авторах:

©**Барсегян Наира Вартовна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры логистики и управления, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: n.v.barsegyan@yandex.ru.

©**Ван Алсу Илдаровна** – магистр кафедры логистики и управления, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: alsu.garieva@bk.ru.

©**Уренцова Алиса Радиковна** – начальник отдела по работе с сотрудниками, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: UrentsovaAR@corp.knrtu.ru.

Information about the authors:

©**Barsegyan Naira Vartovna** – Candidate of Economic Sciences Associate Professor of the Department of Logistics and Management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: n.v.barsegyan@yandex.ru.

©**Van Alsu Ildarovna** – Master of the Department of Logistics and Management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: alsu.garieva@bk.ru.

©**Urentsova Alisa Radikovna** – Head of the Employee Relations Department, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation, e-mail: UrentsovaAR@corp.knrtu.ru.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.7:711.4

DOI: 10.55421/2499992X_2023_3_36

А. Г. Зима

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ПЕРИФЕРИЙНОЙ ЗОНЫ ЯДРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Ключевые слова: Санкт-Петербургская агломерация; периферийная зона ядра агломерации; социологический анализ; индекс; социокультурное развитие территории; объекты культурно-досуговой инфраструктуры; муниципальные образования.

В данной работе приведены результаты опроса жителей Санкт-Петербургской агломерации. В рамках социологического анализа применена авторская методика социально-пространственного исследования – определение Индекса социокультурного развития территорий периферийной зоны ядра Санкт-Петербургской агломерации с последующим графическим отображением на карте по муниципальным образованиям. Эта методика позволит социологически оценить актуальность проблемы формирования социокультурных пространств (особенно на периферии ядра агломерации), потребность в культурно-досуговой сфере у жителей с дальнейшим анализом и применением результатов при разработке стратегии развития социально-культурного каркаса в несформированных зонах городской среды, при строительстве объектов культурно-досуговой инфраструктуры в муниципальных образованиях агломерации.

A. G. Zima

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES IN THE PERIPHERAL ZONE OF THE CORE OF THE ST. PETERSBURG AGGLOMERATION

Keywords: St. Petersburg agglomeration; peripheral zone of the agglomeration core; sociological analysis; index; socio-cultural development of the territory; objects of cultural and leisure infrastructure; municipalities.

This paper presents the results of a survey of residents of the St. Petersburg agglomeration. As part of the sociological analysis, the author's method of socio-spatial research was applied – the definition of the Index of Socio-Cultural Development of Territories of the peripheral zone of the core of the St. Petersburg agglomeration with subsequent graphic display on the map by municipalities. This technique will make it possible to sociologically assess the relevance of the problem of the formation of socio-cultural spaces (especially on the periphery of the agglomeration core), the need for cultural and leisure activities among residents with further analysis and application of the results in developing a strategy for the development of a socio-cultural framework in unformed areas of the urban environment, in the construction of cultural and leisure infrastructure facilities in the municipalities of the agglomeration.

Введение

Актуальность исследования. Устойчивое пространственно-планировочное развитие (трансформация) Санкт-Петербургской агломерации является релевантным направлением современных научных градостроительных исследований [1-3]. Система расселения агломерации определяется экстенсивным типом с преобладающим освоением периферийных территорий, а именно периферийной зоны ядра агломерации

[4-6]. Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области (агломерации) на период до 2030 года и с перспективой до 2050 года полноценно не реализуется. В первую очередь, не образуется целостная социокультурная среда на разных архитектурно-градостроительных уровнях, не раскрывается идентичность «места» [7,8]. Важно отметить, что социокультурная градостроительная ткань периферии перестала

быть средообразующей в планировочном каркасе территории, что является серьёзной проблемой.

Рассмотрение данной проблемы релевантно начать с социологического анализа, что позволит социологически оценить актуальность проблемы формирования социокультурных пространств (особенно на периферии ядра агломерации), потребность в культурно-досуговой сфере у жителей с дальнейшим анализом и применением результатов при разработке стратегии развития социально-культурного каркаса в неформированных зонах городской среды, при строительстве объектов культурно-досуговой инфраструктуры в муниципальных образованиях агломерации.

Цель исследования – оценка социокультурного развития территорий Санкт-Петербургской агломерации.

Задачи исследования включают:

1. Проведение опроса жителей при помощи online-сервиса;
1. Графическое отображение результатов опроса на карте (по муниципальным образованиям Санкт-Петербургской агломерации) в соответствии с заданными вопросами с их кратким анализом;
2. Определение Индекса социокультурного развития территорий Санкт-Петербургской агломерации;
3. Определение потребностей жителей агломерации в объектах культурно-досуговой инфраструктуры и в других элементах комфортной городской среды на периферии;
4. Обобщение результатов опроса.

Научная новизна состоит в применении авторской методики определения Индекса социокультурного развития территорий Санкт-Петербургской агломерации (центральных и периферийных), учитывающей функциональный, пространственно-планировочный, социологический и когнитивно-культурологический уровни целостной городской среды.

Методологическая основа исследования базируется на обобщении различных методик социально-пространственного исследования (с разработкой авторской методики): с графическим отображением результатов опроса (параметров среды) на карте (по муниципальным образованиям) (Механика Москвы – Мос-

ковский институт социально-культурных программ) [9,10] и социологического исследования в виде опроса / неформального интервью (кейса) с последующим текстовым отображением, в виде диаграмм (Центр социального проектирования «Платформа» и ИТМО) [11-13].

Опрос жителей проведён при помощи online-сервиса для анкетирования [9,10,14]. Единцей репрезентации в данном исследовании выступает муниципальное образование [9].

Граница исследования – территория Санкт-Петербургской агломерации по Концепции совместного развития Ленинградской области и Санкт-Петербурга (входящие в неё муниципальные образования).

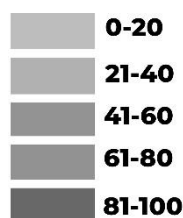
Граница детального рассмотрения – территории со схожими характеристиками, находящиеся в прямой или косвенной зависимости от ядра, за счёт которых происходит расширение границ «реального» города) – периферийной зоны ядра агломерации (муниципальные образования) [15].

Вопросы имеют диапазон ответов по балльной системе – от 0 до 100 для каждого муниципального образования (рис. 1).

На основе общего среднего арифметического значения по всем вопросам определено значение Индекса социокультурного развития территорий, с учётом полученных значений проведено зонирование всех муниципальных образований в соответствии с расположенной выше легендой.

Важным для нашего исследования является анализ результатов ответов респондентов именно по периферийной зоне ядра агломерации, и поэтому в рамках каждого вопроса составлена круговая диаграмма с отображением результатов опроса в виде процентного соотношения, проголосовавших суммарно по всем муниципальным образованиям периферийной зоны за тот или иной ответ респондентов.

Также по каждому вопросу составлена линейчатая диаграмма по возрастному составу респондентов в виде процентного соотношения, проголосовавших за самый популярный ответ. Это позволит комплексно изучить тенденцию по всей периферии, а возрастной срез респондентов покажет, какие возрастные группы населения наиболее восприимчивы к проблемам в культурно-досуговой сфере и заинтересованы в развитии культурной жизни.

Рис. 1 – Легенда: диапазон балльной оценки для каждого муниципального образования

Дополнительно в табличной форме отображены результаты опроса в виде процентного соотношения проголосовавших суммарно по всем муниципальным образованиям периферийной зоны за тот или иной ответ респондентов (с возможностью выбрать по 3 варианта ответа) по вопросу: «Каких объектов культурно-досуговой инфраструктуры Вам не хватает в пешеходной доступности?» Это позволит дифференцировать пожелания жителей по типам культурно-досуговых объектов, с потенциальным учётом которых будет предложена система их размещения.

Уточняющий вопрос к респондентам «Чего, по Вашему мнению, не хватает периферии Санкт-Петербурга и Ленинградской области?» поможет учесть незатронутые аспекты в предложенных вопросах и обобщить результаты опроса.

Результаты и обсуждение

Опрос состоит из 10 вопросов, описание которых с анализом ответов респондентов на них будет изложено ниже.

1 вопрос. В каком муниципальном образовании Вы проживаете (территории в границах агломерации, предполагаемых Концепцией совместного развития Санкт-Петербурга и Ленинградской области)? Респондентам предлагается выбрать муниципальные образования, в которых они проживают. Муниципальные образования агломерации включают внутригородские муниципальные образования Санкт-Петербурга и муниципальные образования Всеволожского муниципального района Ленинградской области и частично Кировского, Гатчинского, Ломоносовского и Тосненского.

2 вопрос. Укажите Ваш возраст.

На основании полученных ответов возрастная структура респондентов составила следующее процентное соотношение, которое отображено на линейчатой диаграмме ниже (рис. 2).

3 вопрос. Хватает ли Вам объектов культурно-досуговой инфраструктуры (открытых и закрытых) в пешеходной доступности? Напишите число от 0 до 100 (ориентируясь на то, что при 0 – очень острая нехватка; а при 100 баллах – нехватки совершенно нет, полностью обеспечен объектами).

В исследовании под объектами культурно-досуговой инфраструктуры понимается: библиотека; музей; театр; кинотеатр; концертный зал; дом и дворец культуры; культурный и досуговый центр; церкви; духовно-просветительский центр; выставочный центр (арт-центр, арт-пространства, галереи, дизайн-центры); временные арт-объекты (инсталляции, граффити); школа искусств (художественная, музыкальная, хореографическая); художественное среднее и высшее учебное заведение (арт и дизайн); молодёжный центр; соседский (комьюнити) центр; креативные культурные кластеры (креативные общественные пространства); развлекательный центр (ТРЦ, ТРК); антикафе; парк культуры и отдыха; этнографические, военно-патриотические парки; тематические парки (зоопарк, дельфинарий, аквапарк, парк аттракционов); цирк; игровой клуб; танц-клуб (караоке, диско, ночной). Отмечается корреляция территориальной удалённости муниципального образования от исторического центра Санкт-Петербурга и нехватки объектов культурно-досуговой инфраструктуры с учётом исторических особенностей территории. Именно в периферийной зоне отмечается наименьшая обеспеченность данными объектами (рис. 3).

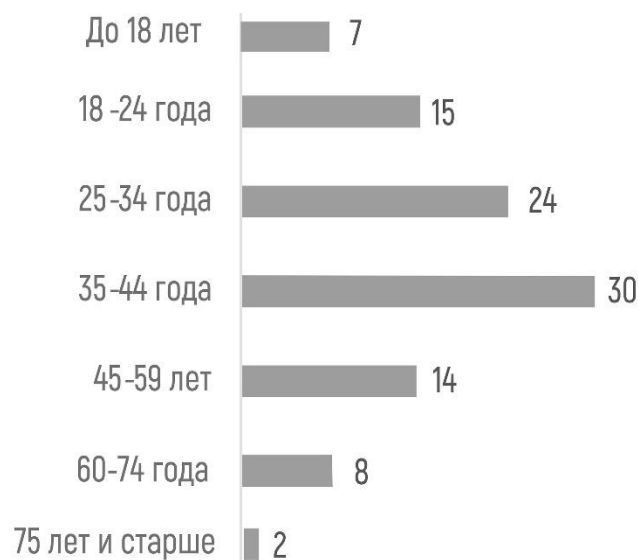

Рис. 2 – Возрастная структура респондентов (процентное соотношение)

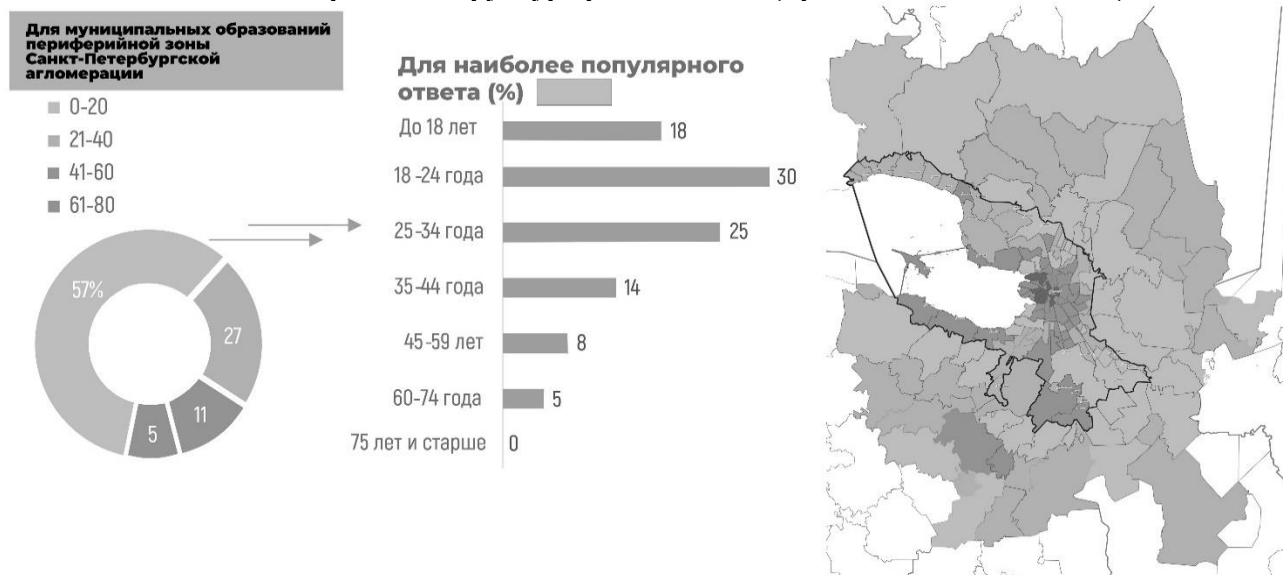

Рис. 3 – Анализ результатов ответов респондентов на 3 вопрос

4 вопрос. Оцените, как соотносится Ваш запрос на местные культурные мероприятия с их наличием в пешеходной доступности? *Напишите число от 0 до 100 (ориентируясь на то, что при 0 – очень острая нехватка, местные культурные мероприятия не проводятся; а при 100 баллах – нехватки культурных мероприятий нет, в районе проходит множество мероприятий, притягивающих местных жителей и туристов).*

Определяется зависимость отсутствия объектов культурно-досуговой инфраструктуры и запроса на культурные местные мероприятия в периферийной зоне агломерации (рис. 4).

5 вопрос. Довольны ли Вы окружающей Вас городской средой (открытыми общественными пространствами)? *Напишите число от 0 до 100 (ориентируясь на то, что при 0 – не до-*

вольны: пространства не сформированы, не благоустроены, в них некомфортно; а при 100 баллах – общественные рекреационные пространства комфортны и прекрасно подходят для проведения досуга).

Идентифицируется корреляционная зависимость между несформированностью открытых рекреационных пешеходных пространств городской среды и культурного насыщения. Недовольство жителей общественными пространствами отмечается в периферийной зоне и других территориях, удалённых от центра, однако это определяется реализуемыми местными программами по благоустройству (в некоторых периферийных муниципальных образованиях развиваются проекты по созданию комфортной городской среды (тактического урбанизма) (рис. 5) [16].

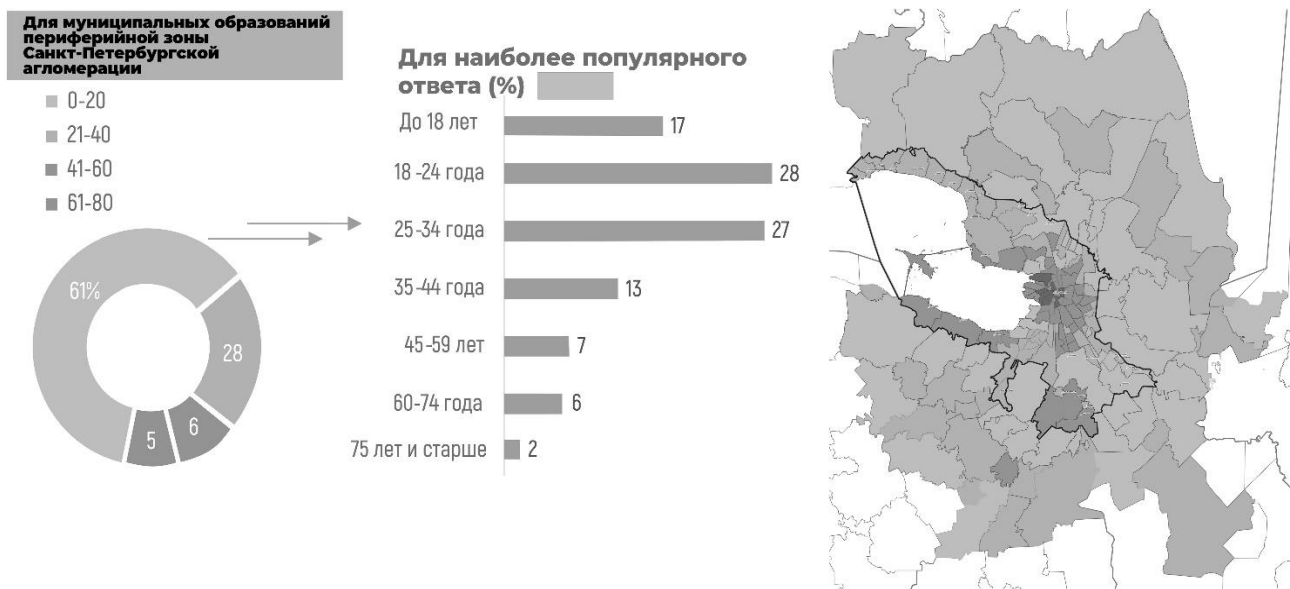

Рис. 4 – Анализ результатов ответов респондентов на 4 вопрос

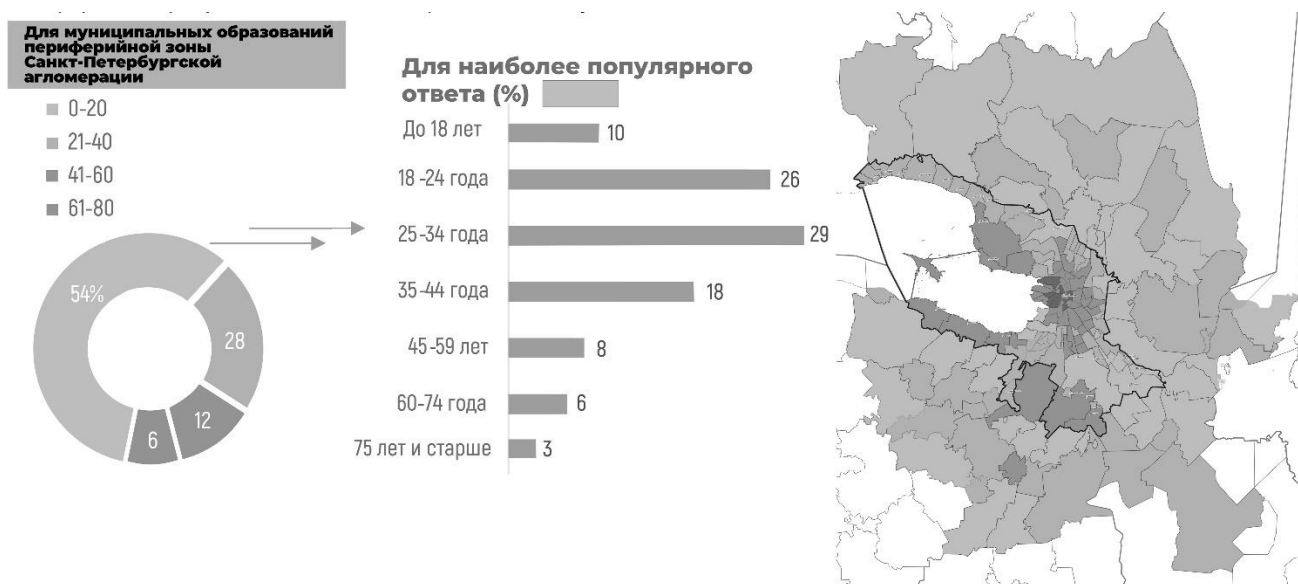

Рис. 5 – Анализ результатов ответов респондентов на 5 вопрос

6 вопрос. Довольны ли Вы социальным взаимодействием, общением, различными коммуникациями, социальными сценариями (сценариями использования территории) в ареале Вашего места проживания? *Напишите число от 0 до 100 (ориентируясь на то, что при 0 – социального взаимодействия между жителями нет; а при 100 баллах – очень активное взаимодействие между жителями, разнообразные сценарии и активности на территории проживания).*

Определяется корреляция между несформированностью открытых рекреационных пешеходных пространств городской среды и низким уровнем социального взаимодействия и различных сценариев территории (особенно в периферийной зоне). Следует отметить, что у жителей пригородов выявлена другая тенденция (ввиду локальных особенностей пригородов по

социальному взаимодействию). Также детерминруется зависимость между запросом на социальные коммуникации и потребностями на это у разных поколений (замещение личного общения дистанционным у подрастающего поколения) (рис. 6) [17].

7 вопрос. Достаточно ли Вам существующей районной (местной) культурной жизни? *Напишите число от 0 до 100 (ориентируясь на то, что при 0 – очень острая нехватка; а при 100 баллах – нехватки культурной жизни совершенно нет, насыщенная культурная жизнь).*

Результаты ответов респондентов отражают зависимость обеспеченности объектами культурно-досуговой инфраструктуры (сформированности утилитарно-функционального, социально-культурного каркаса), степени благоустройства и удобства городской среды для свободного времяпрепровождения, социальных

коммуникаций на территории и её различных сценариев и восприятия жителями своей местной культурной жизни, удовлетворённости ею (рис. 7).

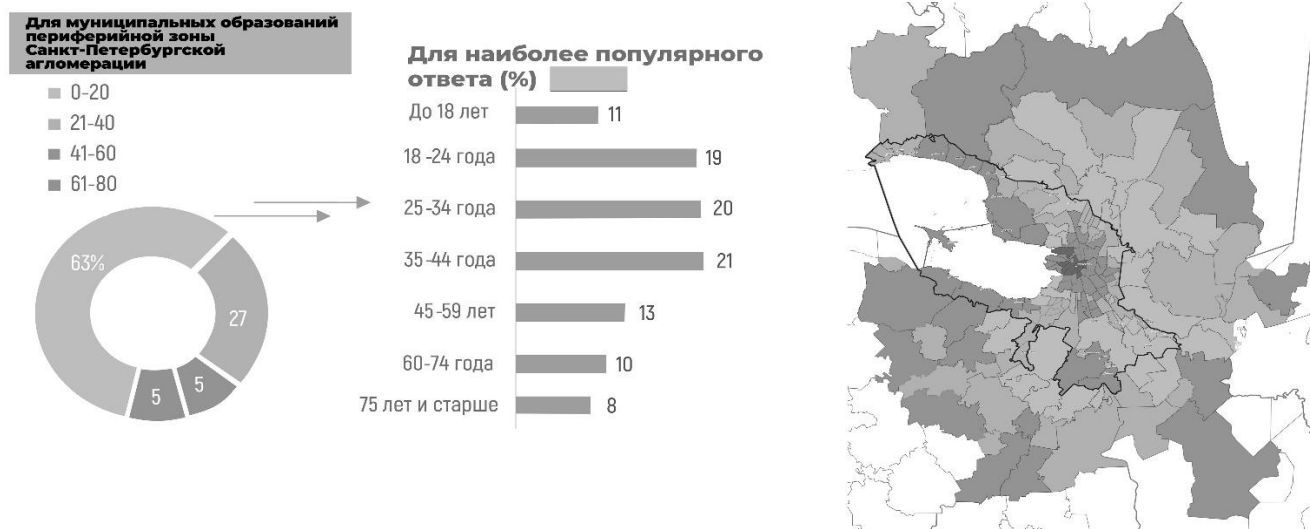

Рис. 6 – Анализ результатов ответов респондентов на 6 вопрос

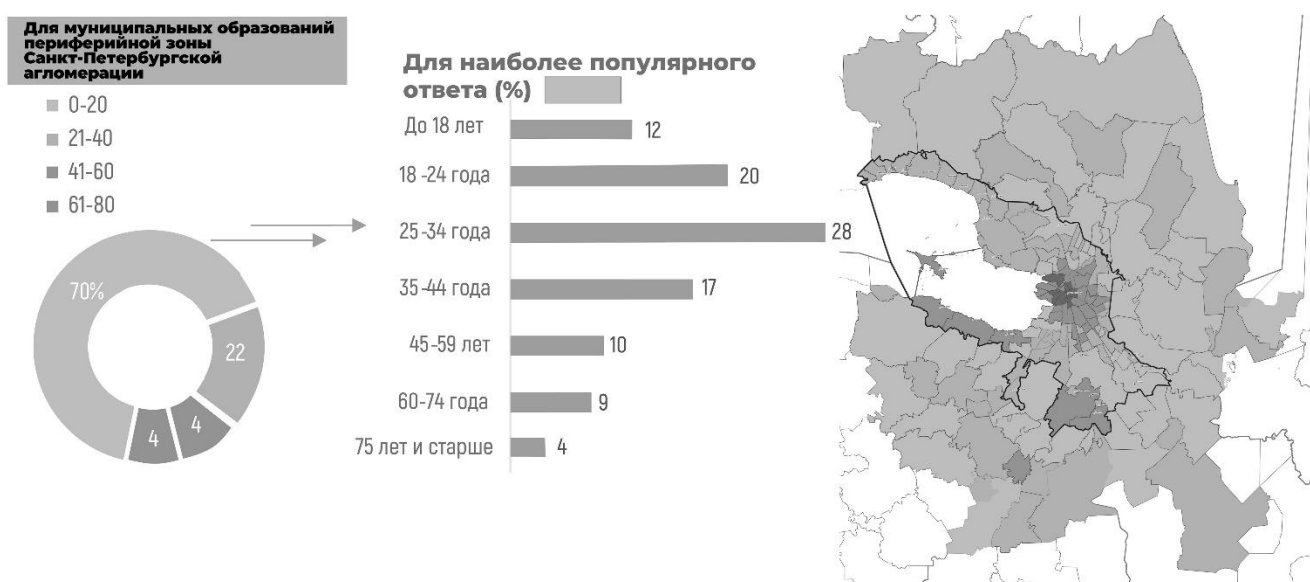

Рис. 7 – Анализ результатов ответов респондентов на 7 вопрос

8 вопрос. Чувствуете ли Вы связь со своим местом жительства, его идентичность, уникальность, культурный код места? *Напишите число от 0 до 100 (ориентируясь на то, что при 0 – идентичности и уникальности у территории нет и(или) потенциал не раскрыт; а при 100 баллах – уникальность и культурный код явно выражены, территория пользуется популярностью среди местных жителей и туристов).*

Важной составляющей при определении Индекса социокультурного развития территории является анализ восприятия жителями своих локаций на когнитивно-психологическом уровне (культурный код), определяющем само-

идентификацию человека со своим местом жительства (на что оказывают влияние располагающиеся на территории объекты историко-культурного, архитектурно-пространственного, природного, культурно-творческого наследия) [8]. Эта составляющая является интегративной и показывает «потерю» идентичности на территориях развивающихся населённых пунктов периферийной зоны (рис. 8).

Индекс социокультурного развития территорий: среднее арифметическое всех предыдущих ответов (от 0 до 100) (рис. 9).

Индекс социокультурного развития территорий периферийной зоны ядра Санкт-Петербургской агломерации преобладающе находится в диапазоне от 0 до 20, что подтверждает

рабочую гипотезу, о периферийной парадигме, по которой создаются тождественные территории со схожими недостатками, зависящие от ядра агломерации, выявлен запрос на трансформацию данной модели развития. Также важно

подчеркнуть, что корреляционная зависимость территориальной удалённости территории от центра и её периферийности, как правило, выявляется, однако отмечаются сформированные в

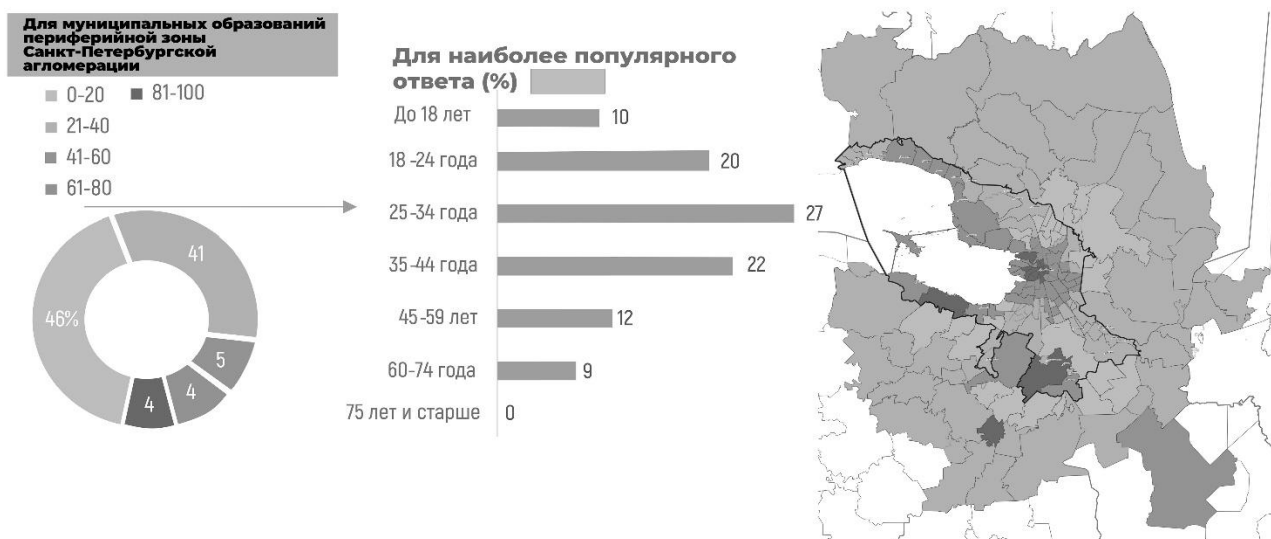

Рис. 8 – Анализ результатов ответов респондентов на 8 вопрос

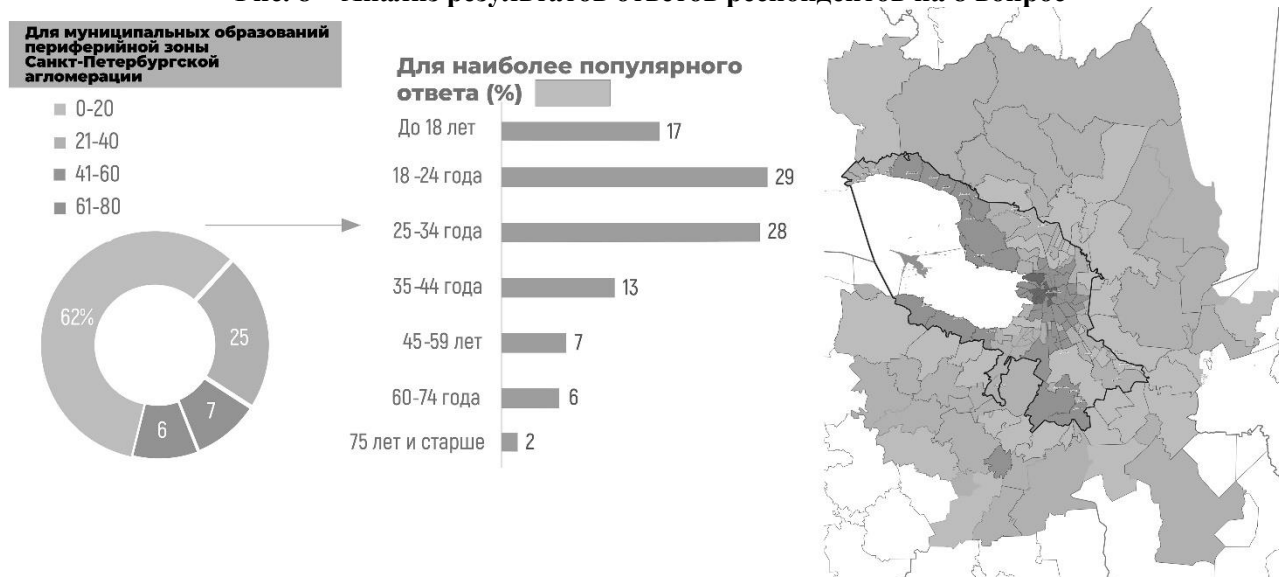

Рис. 9 – Зонирование территории Санкт-Петербургской агломерации по муниципальным образованиям согласно Индексу социокультурного развития территорий

социокультурном плане населённые пункты, отдалённые от исторического центра города, со своей идентичностью, объектами наследия и культурно-досуговой инфраструктурой.

9 вопрос. Каких объектов культурно-досуговой инфраструктуры Вам не хватает в пешеходной доступности? Можно выбрать несколько вариантов.

Выявлен запрос населения на современные типы объектов культурно-досуговой инфраструктуры, креативные общественные пространства, но также и на традиционные типы (на те типы, которые наиболее знакомы жителям, но отсутствуют в периферии) (рис. 10).

Рис. 10 – Анализ результатов ответов респондентов на 9 вопрос

10 вопрос. Чего, по Вашему мнению, не хватает периферии Санкт-Петербурга и Ленинградской области? *Краткий ответ из 3-5 слов (словосочетаний), можно указывать из разных сфер, чего не хватает, и что, по Вашему мне-*

нию, помогло бы изменить, так называемую, периферийность данных территорий.

По ответам респондентов можно отчётливо проследить запрос на формирование социокультурных пространств (рис. 11).

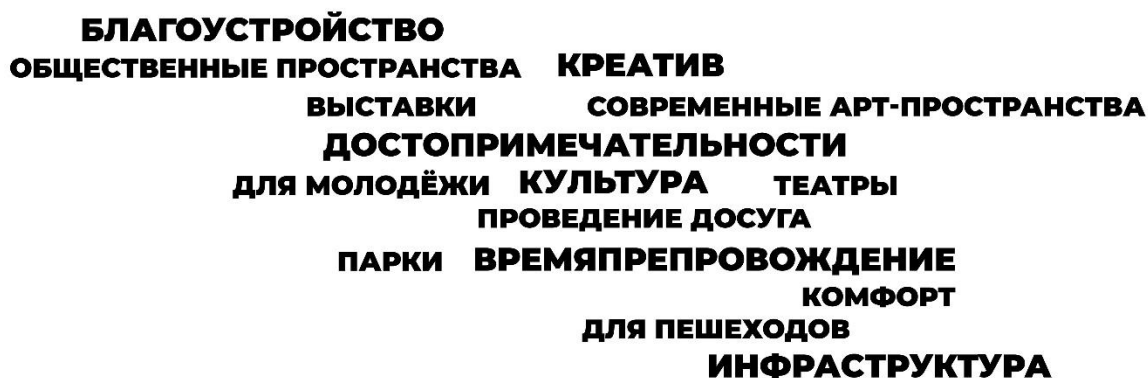

Рис. 11 – Анализ результатов ответов респондентов на 10 вопрос (наиболее популярные ответы)

Заключение

1. Выявлен высокий Индекс социокультурного развития территорий центра Санкт-Петербургской агломерации и низкий – в периферийной зоне. Данная методика включает оценку

территорий: по сформированности функционально-утилитарного, социально-культурного каркаса, социальных коммуникаций на территории и её различных сценариев, культурного кода (архетипа). Дифференцированный преобладающий низкий (0-20) Индекс социокультурного

развития территорий периферии подтверждает рабочую гипотезу.

2. Прямой корреляционной зависимости транспортной удалённости от центра и периферийности территории не выявлено. Периферийность – сложное явление, как правило, свойственное разрастающимся территориям, окружающим «реальный город» – ядро, однако исторически сложившиеся территории, удалённые от центра (Пушкин, Сестрорецк, Павловск, Гатчина и др.) периферией не являются, обладают своими историко-культурными особенностями. Определено, что феномен периферии носит также и ментально-психологический характер.

3. Выявлен запрос населения на развитие современных типов объектов культурно-досуговой инфраструктуры в новых районах. Заметна потребность населения (особенно молодых жителей периферии) на современные виды досуга, интегрированные в рекреационные пешеходные открытые общественные пространства в городской среде (креативные кластеры), невысокий интерес к существующим объектам досуга.

Результаты данной работы планируется использовать в дальнейших исследованиях по поднятой тематике (включая исследования социокультурных пространств периферии ядра агломерации).

Статья подготовлена при финансовой поддержке в форме гранта СПбГАСУ.

Литература

1. Резников И.Л. Выявление границ Санкт-Петербургской городской агломерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2017. Т. 62. № 1. С. 89-103. DOI: 10.21638/11701/spbu07.2017.106.
2. Лосин Л.А., Солодилов В.В. Территориальная структура Санкт-Петербургской городской агломерации // Региональная экономика и развитие территорий: Сборник научных статей. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2019. С. 180-186.
3. Монастырская М.Е., Песляк О.А. Методика определения границ городских агломераций // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2019. № 1. С. 111-121.
4. Зима А.Г. Модель подцентра Санкт-Петербургской агломерации (на примере деревни Новосаратовка). Концепция развития общегородского центра // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2023. № 3. С. 67-83.
5. Лачининский С.С., Сорокин И.С. Пространственная структура и особенности развития поселений Санкт-Петербургской агломерации // Балтийский регион. 2021. Т. 13. № 1. С. 48-69. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-1-3.
6. Зима А.Г., Шило А.А. Потенциалы и стратегии развития периферийных территорий Санкт-Петербургской агломерации (на примере деревни Новосаратовка) // Инженерный вестник Дона. 2022. № 7 (91). С. 373-382.
7. Горгорова Ю.В. Архитектурно-градостроительные уровни территориального брендинга // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2022. № 1(52). С. 101-106. DOI: 10.25628/UNIIP.2022.52.1.017.
8. Альземенова Е.В., Мамаева Ю.В. Идентичность городской среды // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. 2021. № 2 (36). С. 40-47. DOI: 10.52684/2312-3702-2021-36-2-40-47.
9. Пузанов К., Степанцов П. Параметры развития городской среды. «Механика Москвы. Исследование городской среды». Москва: Государственное автономное учреждение города Москвы «Московский институт социально-культурных программ», 2015. 96 с.
10. Пузанов К., Степанцов П. Типы городской среды. «Механика Москвы. Исследование городской среды». Государственное автономное учреждение города Москвы «Московский институт социально-культурных программ», 2015. 38 с.
11. Градостроительная ситуация в Санкт-Петербурге и запрос населения на развитие городской среды URL: https://pltf.ru/wp-content/uploads/2020/09/publicnyydoklad_15.09_fin.pdf (дата обращения: 31.01.2023).
12. Ненько А.Е. Социологические методы изучения общественных пространств. Санкт-Петербург: Университет ИТМО, 2020. 55 с.
13. Ненько А.Е., Галактионова А.А. ГИС общественного участия как инструмент предпроектного исследования в рамках градостроительных проектов // International Journal of Open Information Technologies. 2021. Т. 9. № 4. С. 72-78.
14. Вайсбург А.В. Обзор современных электронных количественных опросных методов социологических исследований // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 185-195. DOI: 10.17223/1998863X/55/19.

15. Махрова А.Г., Бабкин Р.А. Города Московского столичного региона: официальные и реальные // Региональные исследования. 2022. № 1(75). С. 4-16. DOI: 10.5922/1994-5280-2022-1-1.
16. Сотникова О.А., Халеева Т.С., Каширин В.В., Борисов С.А. Комплексное формирование рекреационных зон как фактора устойчивого развития городского пространства Воронежа // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. 2022. № 3(41). С. 95-101. DOI: 10.52684/2312-3702-2022-41-3-95-101.
17. Духанина Е.С., Гельфонд А.Л. Актуальные подходы к архитектурному формированию клубных зданий // Архитектон: известия вузов. 2021. № 3 (75). DOI: 10.47055/1990-4126-2021-3(75)-2.

Сведения об авторе:

©**Зима Андрей Георгиевич** – магистрант кафедры градостроительства, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: zimaandrei@mail.ru.

Information about the author:

©**Zima Andrey Georgievich** – master student of the Department of Urban Planning, St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: zimaandrei@mail.ru.

Э. А. Зинуров

РОЛЬ ПОКОЛЕНЧЕСКИХ КОГОРТ В СОХРАНЕНИИ, УКРЕПЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: когорты, традиции, ценности, укрепление, сохранение, поколение, общество, развитие.

Рассмотрены актуальные проблемы сохранения, укрепления и развития традиционных ценностей современной России в контексте реализации национальных проектов РФ «Культура», «Образование», «Демография». Содержательная сущность категории «ценность», с позиции ее отражения в зависимости от области ее прикладного предназначения, показала, что несмотря на синтез материальных, экономических и духовных составляющих категории «ценность», с философской точки зрения под «ценностью» понимается все что индивидум ценит в окружающем его социуме и связано с мотивацией индивидума, как внутреннего желания действовать определенным образом, понимать и оценивать окружение с позиции своего уровня образования, количества прожитых лет и других отличительных признаков «поколенческого» деления общества на когорты: старшие, средние и юные. В работе рассмотрена дефиниция «традиция» на понятийном уровне как «передавать» материальные и нематериальные предметы другому, но обратили внимание что предмет может быть нематериальным. Приведен обзор в качестве примера восьми традиций татарского народа. Показано, что «традиционные ценности» отражают сущность категории как следование традициям, ценность которых необходимо тиражировать из поколения в поколение. Проведена оценка степени важности традиционных ценностей для поколенческих когорт. Показано, что благодаря социальным действиям поколенческих когорт сохраняются и развиваются культурные традиции и нравственные ценности, позволяющие в современных условиях своевременно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя духовность и общероссийскую идентичность.

E. A. Zinurov

THE ROLE OF GENERATIONAL COHORTS IN THE PRESERVATION, STRENGTHENING AND DEVELOPMENT OF TRADITIONAL VALUES OF MODERN RUSSIA

Keywords: cohorts, traditions, values, strengthening, preservation, generation, society, development.

The actual problems of preserving, strengthening and developing the traditional values of modern Russia in the context of the implementation of the national projects of the Russian Federation «Culture», «Education», «Demography» are considered. The content essence of the “value” category, from the position of its reflection depending on the area of its applied purpose, showed that despite the synthesis of the material, economic and spiritual components of the «value» category, from a philosophical point of view, «value» means everything that an individual values in the surrounding society and is associated with the motivation of the individual as an internal desire to act in a certain way, to understand and evaluate the environment from the standpoint of their level of education, the number of years lived and other distinguishing features of the «generational» division of society into cohorts: older, middle and young. The paper considers the definition of «tradition» at the conceptual level as «transferring» material and intangible objects to another, but noted that the object may not be material. An overview is given as an example of eight traditions of the Tatar people. It is shown that «traditional values» reflect the essence of the category as following traditions, the value of which must be replicated from generation to generation. An assessment was made of the degree of importance of traditional values for generational cohorts. It is shown that thanks to the social actions of generational cohorts, cultural traditions and moral values are preserved and developed, allowing in modern conditions to respond in a timely manner to new challenges and threats, while maintaining spirituality and all-Russian identity.

Сегодняшние реалии таковы, что протекающие процессы в социуме характеризуются ослаблением традиционных связей между поколениями и это разрыв, повторяющийся каждые 15-20 лет, имеет временные лаги обострения.

Сегодня это стало особо заметно, поскольку российское общество столкнулось с ситуацией (СВО), когда принятие решение должно базироваться на принципе единства и сплоченности.

Понимая динамизм времени и упущенные возможности, Президент РФ издает Указ, в котором прописывает направления стратегического развития России на прочном фундаменте традиционных ценностей, более подробно описанных в целевых направлениях национальных проектов «Культура», «Образование», «Демография» и др. [1, 2].

Интерес в современных условиях общественного развития представляют поколения людей, выраженные в форме возрастной стратификации, как некой поколенческой когорты, имеющей свои особенности, свои ценности, свои восприятия окружения, свои коммуникационные процессы, обусловленные временем и местом протекания процессов жизнеобеспечения. В этой ситуации актуализируются вопросы определения роли поколенческих когорт в сохранении, укреплении и развитии традиционных ценностей в условиях российского общества. Большинство жителей, как показывают опросы в ряде российских регионов, выбирают в качестве людей своего поколения десятилетний период в определении возраста.

Однако в рамках данной концепции характер жизнедеятельности представляет собой эффект взаимного изменения социума во времени. С одной стороны, это временное изменение социально-исторического характера (время проживания социума), с другой стороны это субъективное время определенной поколенческой когорты. В результате синтеза вырабатываются общие нормативы временного прохождения жизненных стадий, в результате которых формируется жизненный опыт, то есть «прошлое» как форма-опыт социализации в условиях определенной исторической локализации, продолжающий влиять на образ социальных действий в настоящие и будущие поколения. [3].

В этих условиях облик поколения формируется, а порой и видоизменяется на качественном уровне, ввиду того, что происходят изменения коллективного социального опыта поколения. Достаточно важное значение имеет тот факт, что идентичность общества в целом с определенным поколением представляет собой одну из наиболее значимых социальных достижений. Таким образом, в современной России приобретает особый социальный смысл такой вопрос: как соединяются во времени и пространстве системные ценности нескольких живущих поколений общества, которое включает старшие, средние и юные когорты. И ответить на него может только подход, называемый «поколенческий», используемый как адекватный инструмент общественного понимания с точки зрения временной перспективы его развития.

В нашем исследовании дефиниция «когорты» рассматривается с позиции демографической совокупности сообщества с определенным событием, например, рождением. С этой позиции следует выделить такие периоды как, Greatest Generation (1901-1926 гг.); Silent Generation (1927-1945 гг.); Baby Boomers (1946-1964 гг.); X (икс) (1965-1980 гг.); Millennials, Y (игрек) (1981-1996 гг.); Zomers, Z (зет) (1997-2012 гг.); Alpha, α (2010-сер. 2020 гг.). В российской практике к категории молодежь относятся граждане, начиная с 14-ти лет и до 30 лет, что было принято и выразилось в реализации основных направлений развития молодежной политики в РФ, позднее Государственной думой был одобрен проект, связанный с повышением возрастного периода по категории «молодежь» до 35 лет [4].

Прежде чем перейдем к рассмотрению результатов нашего исследования относительно роли поколенческих когорт в сохранении, укреплении и развитии традиционных ценностей, остановится на дефиниции «традиционные ценности», разбив ее на две составляющие «традиции» и «ценности».

Содержательная сущность категории «ценность» может отражаться в зависимости от области ее прикладного предназначения, например, «ценность» как философская категория отражает социально-культурную или личностную значимость явлений или определенных объектов. В экономике «ценность» определяется в большей степени как категория полезности для потребления, например, ценность белого и черного хлеба может быть определена потребителем как с позиции его стоимости, так и с позиции ценности для организма. В обоих случаях, категория «ценность» коррелирует с понятиями полезность, значимость, важность, но как бы мы не пытались увязать «ценность» как свойство предмета или явления, данная категория отличается высоким уровнем субъективности, то есть сам человек определяет для себя понятие «ценность» в зависимости от заинтересованности и потребностей. Следует отметить, что на ценностные ориентации влияют и такие факторы, как сфера социальной жизнедеятельности, окружающая среда, как сфера обитания со всеми ее проявлениями. Как пример влияния сферы обитания можно рассмотреть категорию «ценности» на шубы, полезность и нужность которой, а значить и ценность, возрастает если человек проживает в климатических условиях, где температура воздуха ниже 0 на 50 и более градусов. А если человек проживает в умеренном климате, то ценность шубы снижается, поскольку потребность в ней, как в средстве защиты от холода сокращается, а в странах, где минусовые

температуры отсутствуют, важность и ценность шубы сводится к нулю. Рассматривая категорию «ценности», с позиции важности и значимости, следует не забывать, что есть материальные ценности, и есть ценности духовные. С позиции человеческих потребностей первоначально удовлетворяются материальные потребности и только после их удовлетворения наступает черед удовлетворения духовных. Хотя не бывает правил без исключения и истории известны такие случаи, когда за то, чтобы привлечь внимание к своей идее человек объявляет голодовку. Таким образом, можно констатировать, что система ценностей играет значимую роль в ежедневной ориентации человека в предметном и социальном окружении, в выражении его отношения к окружающим предметам и явлениям на практике. Приведем еще один пример практической реализации категории «ценность». Бокал, стакан, чашка обладают полезным свойством как емкости для питья и определяются категорией «ценность» как материальное благо. Однако являясь продуктами труда и предметами товарного обмена, определяют свою категорию «ценность» как экономическую, выражаемую в стоимости материального блага. Но если данные предметы представить как предметы искусства, например, инкрустировать золотом, художественной лепкой и другими средствами декорирования, то они могут стать предметами искусства, то есть налицо эстетические ценности (визуализация образа) и духовные ценности (как внутренняя философия душевного состояния) [5].

Несмотря на такой синтез и переход от материальных, экономических и духовных составляющих категории «ценность», с философской точки зрения под «ценностью» понимается все что индивидуум ценит в окружающем его социуме. И это философское понятие связано с мотивацией индивидуума, как внутреннего его желания действовать определенным образом, понимать и оценивать окружение с позиции своего уровня образования, количества прожитых лет и других отличительных признаков «поколенческого» деления общества на когорты: старшие, средние и юные, и как адекватный инструмент общественного понимания с точки зрения временной перспективы развития.

Обратимся к сущности категории «традиции», как составного элемента категории «традиционные ценности». Под традицией следует понимать некие обычаи сложившиеся анонимно под влиянием неких представлений, норм поведения, возможно из накопленного жизненного опыта, которыми руководствуются в своем поведении некий социум как обширная и стабильная группа людей. Например, традиции

пить чай, через два часа после обеда в форме «чайной церемонии», или еженедельные воскресные семейные обеды. Но это на бытовом уровне, а если говорить на уровне регуляторов общественных отношений, то это может выразиться в традициях, которые передаются из поколения в поколение и имеют многовековые пути развития.

Если рассматривать дефиницию «традиция» на понятийном уровне, то полноценный перевод с латинского языка обозначен как «передавать». Так оно и было изначально, когда категория «традиция» использовалось по своему назначению, как форма передачи древними римлянами некоего предмета другому, но обратили внимание что предмет может быть и неодушевленным, то есть нематериальным. Кроме всего прочего, семантические барьеры восприятия все-таки пришлось сглаживать, и категорию «традиция» стали определять как категорию, не созданную индивидом, которая не является продуктом его собственного творческого воображения, ему не принадлежит, и будучи переданным кем-то извне является обычаем.

К сожалению, вот это вот основное отличие часто уходит в человеческом сознании на задний план, уступая место другому, тоже значимому, но производному. Для обыденного сознания слово «традиция» ассоциируется в первую очередь с тем, что связано с прошлым, что утратило новизну и, в силу этого, противостоит развитию и обновлению, что само по себе неизменно, символизирует стабильность вплоть до застоя, избавляет от необходимости осмысливать ситуацию и принимать решение.

Согласно историческим справкам, «традиция» относиться к древним обычаям с утраченным или загадочным происхождением, имеющих период дальнего действия, который существует с незапамятных лет. Если в начальный этап существования «традиции» она передавалась устно, то позднее с появлением поэзии появилась необходимость в сохранении «традиции» как формы передачи в письменном виде. Таким образом, стала сохраняться история «традиции». Иногда традиции рассматривались как что-то важное и неизменное, однако для рассмотрения какой-либо практики как «традицию», необходимо было передать эту традицию как минимум через два поколения. Любые традиции можно адаптировать к имеющимся потребностям современности, а присущие им изменения могут стать частью традиций, имеющих срок давности, исчисляемый веками. Традиции могут меняться, из поколения в поколение, хотя корневая основа их должна быть сохранена без существенных изменений. Таким образом, поколения, которые придерживаются

традиций, не будут замечать сознательно происходящих изменений, даже в том случае, когда традиции будут претерпевать серьезных изменений, то есть на протяжении многих поколений, они будут рассматриваться как неизменные.

Подводя итог категории «традиции», хотелось бы остановиться на ряде тех, которые соблюдает когорта «татар» уже на протяжении многих веков. Татары как древний народ с долгим вековым существованием сумели сохранить свои обычаи и обряды передавая их из поколения в поколение в том самом первоизданном виде как изначально они зарождались и соблюдаются по сей день без изменения. Татарский этнос отличается особой необычной культурой, душевным фольклором, ритуалами и традициями. Так, например, издревле известно о татарском гостеприимстве, как традиции сохранившейся и по сей день. В татарских семьях в традицию вошло и особое воспитание, которое получают девочки, которых с малолетства обучают вести хозяйство, печь национальные блюда, такие как треугольники, зур бэлеш, вак бэлиш, баурсак, токмач, губадия, чак-чак, особо готовят к вступлению в брак. Одной из глубоких традиций является праздничное завершение посевных работ, весенний праздник плуга или по-татарски Сабантуй. По традиции его празднуют в татарских селах, деревнях и городах Татарстана. Это и семейный праздник, поскольку традиции вещают, что на праздник приходят семьями, его любят дети. Кульминацией являются соревнования, игры и скачки на лошадях. Еще одной из традиций татарского народа является татарская свадьба или «никах» с мусульманским обрядом с присутствием муллы. Готовность невесты к хозяйственной жизни показывается на ее мастерстве лепит «кияу пельмэне» – маленькие пельмешки для жениха и его семьи, и насколько маленькими они получаются говорит в пользу заботливой хозяйки. По традиции мерилom заботливости является то, что каждая вылепленная пельмешка должна пройти через обручальное кольцо жениха. Следующей традицией уже после свадьбы является «келин тушу». Связана традиция с приездом невесты в дом жениха, когда свекровь под ноги невестки кладет подушку с целью приобщения ее к жизни в новом доме мягко и нежно ступая, неслышно передвигаясь, сохраняя тишину и покой домочадцев. Ну а когда в новой семье появляется новорожденный по традиции проводится обряд имя наречения – Исем кушу. Приглашается мулла и почтенные старцы, родственники и даже соседи, накрывается стол «аш» по-татарски, с национальными блюдами татарской кухни в их исконных тради-

циях. В осенне-зимний период в деревнях забивают гусей и для их ощипывания собираются вместе молодежь и парни и девушки. За работой они веселятся, знакомятся друг с другом и поют песни. Такая традиция называется праздник гусяного пера «каз умасе». В татарских деревнях до наших дней сохранилась традиция «Карга боткасы», что в переводе означает каша для грачей. По традиции после окончания посевной утром дети ходят по деревне, заглядывая в каждый дом и собирают ингредиенты для каши. В ответ за полученные ингредиенты, дарили комплименты, в случае отказа сулили беды. Затем всей деревней варили кашу в большом казане на открытом воздухе, собирали стол большой на улице и вместе ею лакомились, но часть каши оставляли для грачей как для птиц, символизирующих весну в надежде на хороший урожай [6].

Вот теперь можно сделать синтез категорий «ценности» и «традиции» в единую форму как «традиционные ценности» или «ценности традиций». Первый вариант – «традиционные ценности» можно отнести к описанным выше традициям татарского народа, как многовековые традиции содержащие в себе ценности, которые каждое поколение передает следующему поколению для сохранения традиций. И второе как «ценности традиций» выражается в том, что следует в каждой традиции выделить ценности как рациональное зерно, которые могут быть понятны или не понятны, разделимы или не разделимы. Например, тот же самый праздник плуга, как традиция сохраняется и реализуется ежегодно, собирая на праздник огромные массы людей, но вопрос в том, в чем выражается ценность этой традиции, разделяют ли ее все присутствующие на празднике, или это просто традиция. Рассматривая этот вопрос с позиции субъективности ценности можно сказать, что ценности дифференцированы и имеют возрастные особенности. Так, например, более зрелое возрастное поколение воспринимает ценности традиционного праздника Сабантуй, как праздника семейного и сохраняющего семейные традиции общения на праздничном мероприятии. Люди среднего возраста тоже видят в празднике возможность семейного общения и с детьми, и со своими родителями, общение с которыми позволит не только узнать о текущих новостях семейной жизни, но сохранить традиции семейного диалога. А участие в соревнованиях, играх и скачках повысит авторитет родителей в глазах детей и гордость за своих родителей. Сами же дети, оставаясь в кругу семьи, впитывают от взрослого поколения те ценностные ориентации, которые позволяют им в будущем сохранить

семейные традиции и передавать их следующему поколению. Таким образом, «традиционные ценности» отражают сущность данной категории как следование традициям, ценность которых следует тиражировать из поколения в поколение.

Далее в целях определения роли поколенческих когорт в сохранении, укреплении и развитии традиционных ценностей, проведены исследования, результаты которого отражены в табл.1

В исследовании приняли участие 1200 человек в возрасте от 15 до 61+ лет, в равных долях исследуемых поколенческих когорт, среди них школьники, студенты, рабочая молодежь, служащие, ветераны. Каждому участнику опроса было предоставлено личное право ответить на ряд вопросов с акцентом на определение важности тех или иных ценностей и отметить ценности, утраченные сегодня.

Ввиду того, что ответы на вопросы в когорте Z в зависимости от возраста отличались порой кардинально, когорту разделили на две группы: 15-17 лет и 18-25 лет. Как видим (см. таблица), важность жизни как категории самооценности высоко оценили все поколенческие когорты, в том числе молодежь от 18 до 25 лет, однако молодежь 15-17 лет оценила важность жизни только на 29 %, считая эту категорию утраченной на 81 %. Результаты опроса показали, что ценностные ориентации на семейные традиции и семейную стабильность высоко оцениваются всеми когортами. Категория работа заработок высоко оценена как важная категория

всеми когортами с небольшой динамикой уменьшения важности в зависимости от возраста. Ценность этой категории не утрачена для возрастной группы 15-17 лет. Для остальных когорт утрата ценности варьируется от 13 до 28 %. Преемственность поколений как категорию использования опыта предшествующих поколений высоко оценили по важности молодежь 18-25 лет, однако группа 61+ на 36 % считают ее утраченной.

Базовой единицей анализа поколения в исследовании выступает социальное действие, а совокупность неопределенного множества мотивированных действий обособленных индивидов составляют человеческую деятельность. М. Вебер в своих теоретических подходах определяет понятие «социальное действие» как действие, имеющее сознательную ориентированность индивида и его оклик на ожидания других людей. При этом проявляются коммуникативные связи и соотнесения его действий с прошлым, настоящим и будущим поведения. То есть индивидуальная «акция» всегда нацелена на определенную «реакцию», которую можно хоть и в обобщенном виде, но предположить, что она будет, не зная конечного результата.

Резюмируя, можно отметить, что далеко не всякое действие индивида является социальным. Социальным является действие в среде существования других индивидуумов, которое проявляется и выражается через общественные отношения как отклик-реакция общества к «акции» индивидуума.

Таблица – Оценка традиционных ценностей по степени важности

Поколения	Z (зет): 15-17/18-25 лет		Y (игрек): 26-40 лет		X (икс): 41-60 лет		Buby Boomerrrs 61 +	
	важно	утрачено	важно	утрачено	важно	утрачено	важно	утрачено
Вопросы опроса								
Жизнь самоценность	29 / 81	14 / 11	77	17	68	15,2	68	16
Нравственность	43/57	14/36	61	28	60	21	64	20
Работа как заработок	71 / 75	0 / 13	72	17	64	16	56	28
Инициативность	43 / 66	29 / 23	61	27	45	28	28	48
Законность, безопасность индивида	29 / 49	71 / 42	54	35	51	28	64	24
Семья, стабильность, традиции	29 / 68	43 / 22	62	26	53	29	76	8
Использование опыта поколений	29 / 60	14 / 29	29	57	55	23	68	16
Независимость, индивидуальность	43 / 69	29 / 22	65	26	48	31	40	36

Согласно классификации по М. Веберу, различают четыре формы социального действия:

- рациональное по отношению к достигаемой цели;
- ценностно-рациональное как вера в ценности и рациональность;

– эмоциональное (аффективное);
– традиционное, ориентированное на
обычаи и привычки социума.

Также для нашего исследования важно развитием теории социального действия как центрального понятия социального поведения (Ф. Знанецкий, Р. Мак-Аивер, Г. Беккер, неовеберянцы, Ю. Хабермас).

Мы исследуем образ социальных действий в глазах разных поколений, оценивающих себя и других. Возникающий портрет позволяет отражать реакцию и восприятие социальных

действий различных поколений, что важно для выстраивания общей идентичности и совместной жизнедеятельности в актуальном историческом, социокультурном временном пространстве современной России [7].

В рамках заключения, отметим, что благодаря социальным действиям поколенческих когорт сохраняются и развиваются культурные традиции и нравственные ценности, позволяющие в современных условиях своевременно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя духовность и общероссийскую идентичность.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://russiaeu.ru/ru/novosti/ukaz-prezidenta-rossiyskoy-federacii-ot-09112022-no-809-ob-utverzhdenii-osnov#/> (дата обращения: 7.03.2023).
2. Национальный проект «Культура»: Федеральные проекты. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/about/> (дата обращения: 10.03.2023).
3. Ахмадуллин И.Р. Магистральные векторы развития бизнес-элиты: федеральный и региональный уровни // Управление устойчивым развитием. 2018. № 1 (14). С. 35-39.
4. Мочалова Н.В. Развитие духовности и нравственности у молодежи средствами международного сетевого взаимодействия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7-1. С. 79-82.
5. Кемеров В.Е., Керимов Т.Х. Современный философский словарь. Москва: Академический проект, 2020. 823 с.
6. Восемь традиций татарского народа, которые соблюдаются по сей день. URL: <https://weproject.media/articles/detail/8-traditsiy-tatarskogo-naroda-kotorye-soblyudayutsya-po-sey-den/> (дата обращения: 10.03.2023).
7. Зинурова Р.И. Социокультурные параметры гражданского активизма поколения ЗЕТ // Управление устойчивым развитием. 2022. № 2 (39). С.24-29.

Сведения об авторе:

©**Зинуров Эрик Альбертович** – аспирант кафедры государственного управления, истории, социологии, Институт управления инновациями, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: erick.zinurov@gmail.com.

Information about the author:

©**Zinurov Erick Albertovich** – Postgraduate student, Department of Public administration, History, Sociology, Institut of Innovation Management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: erick.zinurov@gmail.com.

Е. В. Волкова, Г. И. Васильев

ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ – ЧЕЛОВЕК РЕЛИГИОЗНЫЙ

Ключевые слова: политическая жизнь общества, религиозные взгляды, отчуждение от своего собственного «я», личность, ощущение одиночества в современном мире, платформы политических партий, выборная гонка, этнический показатель населения, образование граждан, внешнее и внутреннее политическое пространство.

Эта статья о влиянии религиозных взглядов на политическую активность в обществе. В исследовании применялись методы опроса, которые были реализованы через программу «Анкетолог». Авторы изучали особенности религиозных убеждений в соответствии с политическими платформами правящих партий. Исследование также рассматривает современного человека в век цифровизации, его внутреннюю тревогу и состояние. Предложено новое определение политического и религиозного типа личности. Политический тип личности – это современный тип человека, которому не безразлична его каждодневная жизнь в обществе. Это личность, которая интересуется платформами правящих партий и видит свое будущее в соответствии с развитием общества. Под религиозным типом личности предлагается понимать человека, ищущего духовный и нравственный фундамент в современном мире. Религиозный человек – это человек, знающий основы своей традиционной религии и проповедующий базовые ценности в обществе. Доказано, что изучение социальной типологии личности под воздействием религиозного и политического влияния может способствовать государственному контролю общества в целом.

E. V. Volkova, G. I. Vasilyev

POLITICAL HUMAN – RELIGIOUS HUMAN

Keywords: political life of a society, religious views, estrangement from your own personality, feeling of loneliness in the modern world, platforms of the political parties, electoral race, ethnic index of population, citizens education, internal and external political space.

This article is about the influence of religious views on political activity in the society. Survey methods were used in this research and were implemented through the Anketologist program. The authors studied correlates of religious convictions in accordance with political platforms of ruling parties. The research considers a modern human in the century of digitization, his/her internal anxiety and state. A new definition of a political and religious type of a personality was suggested. The author gave the definition of this phenomenon. A political type of a personality is a modern type of a person who is sensitive to his/her everyday life in the society. This is a personality who is interested in the platforms of ruling political parties and sees her/his future in accordance with developing a society. Under the religious type of a personality, we mean a person who seeks spiritual and moral basis in the modern world. This is a person knowing the foundation of his/ her traditional religion and propagating basic values in the society. It is proved that the study of the social typology of personality under the implement of political and religious influence can promote state control of a society as a whole.

Почему мы решили назвать нашу работу «Человек политический – человек религиозный»? Просто потому, что мы хотели познакомить читателя с теми теоретическими и практическими основами этой проблемы, которая сегодня обсуждается в отечественной и зарубежной литературе. Мы проанализировали несколько монографических исследований по этому вопросу и обнаружили следующее. Американский социолог и политолог М. Липсет в своей книге «Человек политический» на основании анализа проведенного им социологического исследова-

ния говорит о взаимосвязи политических убеждений людей в разных странах с их религиозными взглядами. Он выявил прямую зависимость электорального поведения граждан от их вероисповеданий [1]. Американский философ Э. Хоффер в своей книге «Человек убежденный» исследовал социальные типы людей и степень их участия в массовых движениях. Любопытен его взгляд на религиозный аспект в этом вопросе. Э. Хоффер подтверждает взаимосвязь религиозных убеждений человека с его активным участием в массовых движениях в борьбе за власть. В своей работе он высказывает мысль о

том, что «сильный так же может быть рабом, как и слабый» [2, с. 26]. Вера в человеке делает его уверенным. А там, где власть соединена с верой, там наступает правовое положение государства и ограждение его от всего нового. Труды Э. Хомффера в современных жизненных реалиях как никогда актуальны, поскольку он заявляет, что человек с необузданной верой может породить безрассудную черную силу из «слов», «лозунга», «рекламы», «медийного логотипа». Популярность его работ сегодня обеспечивается тем, что он проводит параллель между религиозным характером массовых движений и их последующим отождествлением с национальным движением. В работах присутствует мысль о том, что нацизм зарождается с религией и фанатичной верой и обязательно с верой в будущее. Далее мы изучили работу немецкого социолога и философа Э. Фромма «Здоровое общество». Автор повествует нам о том, что человек очень зависит от окружающей среды и являет собой «чистый лист бумаги, на который общество и культура наносят свои письмена» [3, с. 16]. Э. Фромм выявил основу человеческой природы – «Преобразуя окружающий мир, человек вместе с тем изменяет в ходе истории и самого себя» [3, с. 16]. Таким образом человек становится своим собственным творением. Работы Э. Фромма приобрели актуальность в нашу эпоху политических трансформаций, поскольку именно он высказывает мысль о том, что целые народы и социальные группы можно длительное время поработать и эксплуатировать, а в качестве ответной реакции у них развивается апатия и наблюдается деградация умов и утрата мастерских компетенций и любой инициативы. У людей накапливается ненависть и желание разрушать, они готовы уничтожить самих себя, своих правителей и существующий режим. Любопытны исследования отечественных ученых, а именно А. Р. Тузикова, в которых он неоднократно подчеркивает, что основу для политической деятельности в обществе составляет идеология, которая представляет собой определенный набор систем ценностей. Касаясь современных «идеологий» А. Р. Тузиков предложил для современного этапа развития общества использовать термин «идеологический дискурс». Идеологический дискурс очень часто связан с верой в определенные идеи, идеалы и направлен на конструирование социальной реальности [4]. В работах швейцарского психиатра и педагога К. Юнга представлены психологические типы людей и доказано, что в каждом человеке заложены частицы мироздания с рождения человека, то есть присутствует его религиозное начало [5].

Таким образом, на основании изученного теоретического материала, актуальность

данного исследования рассматривается с позиции управляемости социумом и опоры на людей с традиционными религиозными взглядами, влияние их мировоззрения на политическую активность в российском обществе. На первый взгляд нам кажется, что мы живем в турбулентном хаотичном мире. Но у этого мира свои законы. Человек есть тайна и тайна – неисчерпаемая. Сегодня мы понимаем, что человек отчужден от природы, от самого себя, именно его традиционные религиозные убеждения дают ему непоколебимую основу чувствовать себя в жизни уверенно. Именно традиционная религия, будь то православие или ислам, с ее определённой системой взглядов, верой в сверхъестественное, включающая в себя свод моральных норм и типов поведения, обрядов, культовых действий и объединение людей в организации помогает сегодня человеку найти опору в жизни. Безусловно, этот фундамент способствует ориентации человека в политическом пространстве, управлении своей жизнью, дает понимание, как развивается гражданское общество, в котором он живет, и в каком политическом направлении оно движется, чьи интересы представляет. Так просто личность со своими убеждениями не сотрешь, и человек, исповедовавший традиционные религиозные устои, всегда несет определенную стратегическую стабильность в обществе.

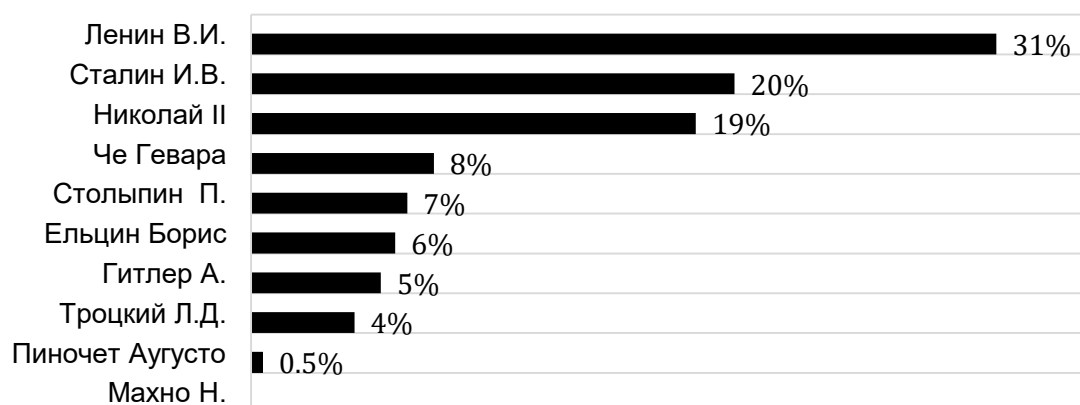
Исходя из вышесказанного, в нашем исследовании была сделана попытка провести анализ ожиданий, присущих различным политическим партиям и представителям различных религиозных конфессий, и выявить существование зависимости между политическими и религиозными взглядами. Цель работы – выявить религиозные аспекты личности у политического человека (образ прошлого, видение современного мира и образ будущего у сторонников различных политических партий и религиозных конфессий), определить степень религиозности среди сторонников тех или иных политических взглядов и степень их приверженности радикальным решениям общественно-политических проблем.

Для измерения этого научного феномена мы выбрали метод опроса, как наиболее распространенный социологический метод систематизации полученной информации. В нашем исследовании было опрошено 200 респондентов, преимущественно представителей студенческой молодежи. В нашем эксперименте в качестве метода сбора информации мы использовали опрос в форме индивидуального анкетирования с открытыми и закрытыми вопросами. Разработка самих вопросов является авторской [6]. Мы постарались использовать смешанные типы

вопросов, основываясь на материалах коллективного учебного пособия-практикума Ж. В. Пузановой, И. В. Троцюк, М. И. Витковской и применить анкету, созданную в программе «Анкетолог» [6, 7].

Построение доказательной базы исследования осуществлялось нами через качественный подход. Для анализа респондентам было предложено ответить на четыре типов вопроса, которые были сгруппированы по тематике исследования. В первой части вопросов была собрана информация, связанная с политической идеологией и пропагандировавшими ее лидерами. Вторую часть вопросов составили вопросы направленные на получение информации о проповедовании личностью религиозных мировоззрений. Третья группа вопросов устанавливала взаимосвязь между двумя социальными типами людей («человеком политическим» и «человеком религиозным») и направлена на то, чтобы определить эти два научных феномена в литературе. Четвертой части вопросов направлена на получение социально-демографических характеристик респондентов.

Итак, для того чтобы определить, кто же такой «человек политический» сегодня, респондентам были предложены завуалированные вопросы. А именно, предлагалось ответить, кто из политических деятелей вызывает чувство идеологической поддержки, политическую симпатию к его взглядам. На рис. 1 показано распределение ответов респондентов на данный вопрос.

Рис. 1 – Лидеры, вызывающие идеологическую поддержку, симпатию

щие черты с религиозным экстремизмом. Это связано с тем, что как в религиозных сектах, так и в радикальных политических группах на уровне идеологии проповедуется радикальный образ будущего, например, общество, лишённое полностью геев, буржуев, неверных и т.д. Мы можем утверждать, что религиозный экстремизм, преимущественно выраженный в формате различных религиозных сект, может выступать

Большинство респондентов (31 %) выбрали В. И. Ленина, как носителя пролетарской идеологии. Более 20 % опрошенных отдали свои голоса в пользу И. В. Сталина, несмотря на тот факт, что его правящая политика была тоталитарной. Поддерживают политику Николая II 19 % респондентов, поскольку при этом российском императоре отмечался рост уровня жизни, рост сельского хозяйства и экономики, промышленности и культуры. Одновременно с экономическим взлётом в период с 1894 по 1917 отмечался и рост напряжённости во внутренней политике, что привело к революции и смене государственного строя. Политические режимы, связанные с нацизмом и военной диктатурой непопулярны среди опрошенных. Это и понятно, потому что все эти правящие режимы были связаны с насилием по отношению к людям. Так, 66 % респондентов высказались о неприемлемости гитлеровской идеологии.

На вопрос «Как вы оцениваете нынешнее политическое и социально-экономическое положение дел в Российской Федерации», 15 % опрошенных выбрали вариант ответа «хорошо», 40 % – «удовлетворительно». 27 % – «плохо». Респондентам также были заданы вопросы о будущем нашей страны и мира в целом, была попытка выявления апокалиптических настроений среди сторонников тех или иных политических и религиозных течений. Надо отметить, что политический радикализм имеет об-

альтернативой и заменой политического экстремизма. Особенно это заметно в странах с политическими режимами, построенными на фундаменталистских, крайне консервативных идеологических дискурсах (например, Афганистан после вывода ограниченного контингента ВС СССР и т.д.). Политическая идеология в США также всегда опиралась на религиозные взгляды

верующих, используя их цели, желания и требования в качестве политической платформы на выборах правящих партий. Хотя практика последних лет показала, что радикальные политические взгляды способствуют росту мелких религиозных сект и у адептов таких сект, как правило, присутствует навязчивая идея «быть в рядах тех, у кого весьма высок уровень политической нетерпимости» [1].

В настоящее время проведено множество исследований связей между религиозными воззрениями и конфессиями и развитием демократических институтов в обществе. При этом политическая система, как и религиозная, дает широкие возможности для социальной мобильности и запуска «социальных лифтов».

Нами был проведен анализ взаимосвязи между религиозными воззрениями респондентов, их политическими взглядами и их представлениями образа будущего с учетом наличия радикальных взглядов, зачастую присущих молодежи.

Давая оценку религиозным убеждениям респондентов, мы составили блок вопросов с целью выявить их принадлежность к определенному вероисповеданию и их религиозные убеждения. Согласно полученным данным доля сторонников ислама составила 24 %, сторонников христианства – 25 %, атеистов – 25 %. Также, из-за того, что целевой аудиторией в исследовании являлись, в основном, студенты, 8 % выбрали другие конфессии, а 18 % респондентов указали, что придерживаются агностических

философских взглядов. Платформу этому течению составляет своеобразный постулат, что мир непознаваем и человек ничего не может знать о Боге. Однако, если мы посмотрим суммарную составляющую агностиков и атеистов, то можно заключить, что 43 % не исповедуют никакую религию. Это совпадает с результатами опроса ВЦИОМ, проведенным в 2019 году [8].

Степень религиозности опрашиваемых представителей молодежи мы определяли через выяснение их отношения к вере (табл. 1).

Анализируя приведенные данные, мы можем констатировать тот факт, что религиозные службы регулярно посещают всего около 3 % опрошенных. Изредка ходят на религиозные службы 12 % респондентов. Основной причиной для непосещения религиозных заведений 26 % респондентов назвали нехватку времени. Однако стоит отметить, что, именно это количество опрошенных заявило о том, что они веруют глубоко в душе. Учитывая тот факт, что мы к опросу привлекали, в основном, студенческую аудиторию, обращает на себя внимание то, что 35 % респондентов указали, что веруют только в самого себя.

Что же касается образа будущего, то исследование не выявило сильных апокалиптических настроений ни в целом, ни среди представителей различных конфессий, ни среди представителей политических партий. С оптимизмом и осторожным оптимизмом на будущее всего человечества смотрит 67 % респондентов (табл. 2).

Таблица 1 – Степень религиозности

Варианты	Доля опрошенных
Стараюсь регулярно посещать религиозные службы	3 %
Изредка хожу на религиозные службы (примерно 1-2 раза в год)	12 %
Религиозные заведения не посещаю, но читаю молитвы дома	6 %
Религиозные заведения не посещаю из-за нехватки времени, но верю глубоко в душе	26 %
Верую только в самого себя	35 %
Другое	8 %
Ничего из вышеперечисленного	10 %

Таблица 2 – Взгляды на будущее

Варианты	Доля опрошенных
с оптимизмом;	20 %
с осторожным оптимизмом	47 %
скорее с пессимизмом	21 %
пессимистически настроен	12 %

Однако, 11 % опрошенных студентов считает, что скоро наступит апокалипсис – конец света, и что антихрист для христиан уже управляет миром. Эти данные, несомненно, не могут не вызывать настороженности. Разумеется, на достаточно высокий процент негативно смотрящих на будущее всего человечества респондентов влияет и внешний фон, и возросшие угрозы глобальных катаклизмов во всех сферах жизни (от эпидемий до глобальных военных конфликтов).

Стремясь вывить политическую активность в социальной среде студенческой молодежи, мы предложили ответить респондентам на вопрос о том, кто должен решать вопросы в управлении государством и обществом. Полученные результаты взаимосвязи между религиозными и политическими взглядами о роли народа в управлении государством оказались довольно интересными: 58 % респондентов считают, что государством должен управлять народ (из них 55 % отнесли себя к христианам, 30 % к мусульманам, 15 % к другим конфессиям или атеистам). При этом 39 % отнесли себя к тем, кому интересны политические взгляды политической партии «Единая Россия», 30 % опрошенных поддерживают КПРФ, сторонники же остальных партий составляют менее 10 %. Остались аполитичными 21 % респондентов.

Религиозные настроения в российском обществе, по мнению респондентов, учитывают все политические партии. При этом больше внимание религиозному аспекту по мнению опрошенных уделяет партия «Единая Россия» (53 %), затем идут КПРФ (14 %) и ЛДПР (7 %).

Результаты исследования показывают, что среди респондентов, симпатизирующих КПРФ, доля относящих себя к той или иной религии составляет 45 %. Среди респондентов, симпатизирующих ЛДПР, доля относящих себя к верующим людям составляет 34 %. Среди респондентов, симпатизирующих партии «Единая Россия», доля относящих себя к верующим людям составляет 27 %. Таким образом, существует взаимосвязь между религиозными взглядами респондентов и их поддержкой определенных политических партий. Мы установили, что здесь не могло обойтись без погрешностей, потому что в исследовании принимали участие респонденты (представители молодежи) у которых еще четко не сформировались как политические платформы, так и религиозные взгляды. На этом основании мы считаем, что исследование зависимости электорального поведения от религиозных взглядов является самостоятельным научным направлением, в котором обязательно должны присутствовать региональные, ценностные, образовательные и имущественные компоненты для изучения этого феномена.

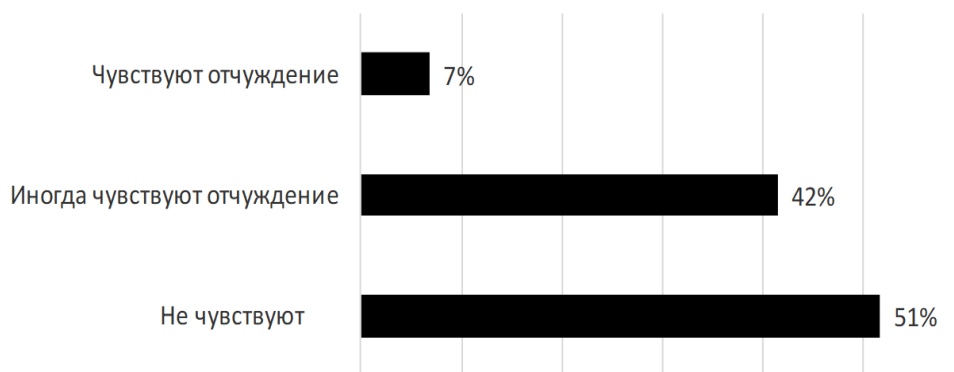

Рис. 2 – Ощущение отчужденности от своего собственного «я»

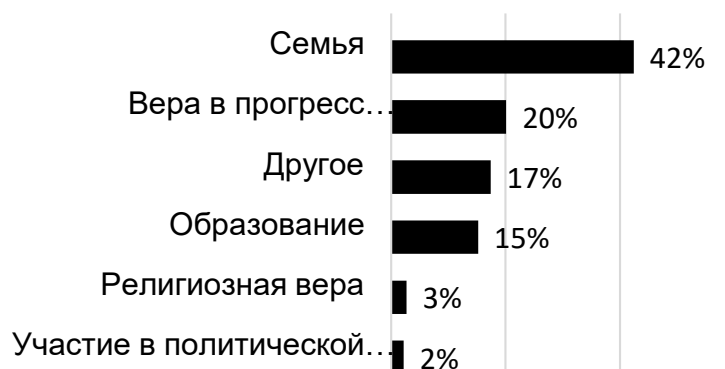

Рис. 3 – Мотиваторы уверенности в жизни

Современная окружающая среда – агрессивна. Несмотря на то, что еще Аристотель говорил, что «человек – животное социальное», он, порой, себя очень чувствует отчужденно от этой окружающей среды и самого себя [9]. Одновременно и визуально находясь в социальной среде, он отстраняется от нее, старается изолироваться. Такую картину мы наблюдаем и в наш век цифровизации. Нам был интересен этот вопрос с религиозной точки зрения, в той ее части, которая соприкасается с религией. Не смогут ли религиозные убеждения человека занять эту пустоту и придать ей душевную наполняемость. В нашем исследовании респондентам было предложено ответить на вопросы о том, ощущают ли они отчужденность от своего собственного «я» в современном мире и о том, что помогает им обрести уверенность в жизни. Рис. 2 показывает распределение ответов респондентов по первому вопросу, рис. 3 – по второму.

Мы, со своей стороны, можем лишь дать небольшой комментарий и оценки по предоставленным ответам. Результаты, представленные на рис. 2 свидетельствуют, что действительно почти поровну распределилось число респондентов, которые не чувствуют себя отчужденными от общества и теми, кто ощущает такое отчуждение. Отмечая участие в опросе молодежной студенческой аудитории, надо признать тот факт, что гипотеза нашего предположения о за-

мене душевной пустоты в человеческой личности религией под влиянием различных обстоятельств не подтвердилась. Все-таки молодежь больше видит опору в семье (42 %), образовании (15 %) и вере в прогресс человечества и науку (20 %). Однако при ответе на вопрос «Если Вы человек верующий, то, что Вам дает вера в Бога?», респонденты указывают в первую очередь на спокойствие, уверенность в будущем и надежду (рис. 4).

При разработке вопросов относительно социальных типов, таких как интеллигент и лидер, нам было важно проследить взаимосвязь при характеристике этих типов с политической и религиозной составляющей общества. Какую же картину, мы получили в итоге? 51 % респондентов считают, что интеллигент – это человек, кто создает и распространяет культуру, т.е. символический мир человека, включающий искусство, науку и религию, то есть религия облагораживает человека, делает его умнее и терпимее, как показывает опрос, изменяет отношение к человеку в обществе. Однако, стоит обратить внимание на тот тревожный факт, что почти 25 % респондентов считают, что интеллект может поставить свои знания и умственные способности на службу антигуманистическим ценностям, как это делали немецкие ученые-медики, проводившие эксперименты на людях. Более подробные данные представлены в рис. 5.

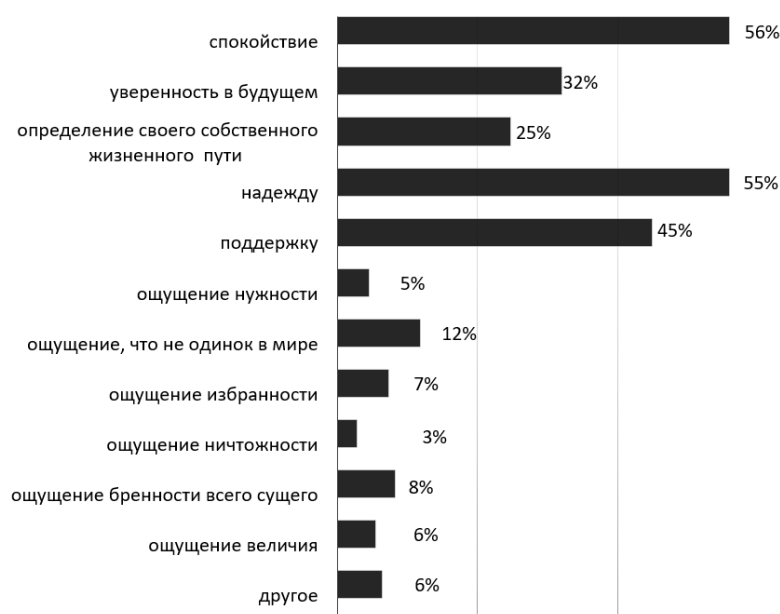

Рис. 4 – Ассоциативные ощущения внутреннего «Я»

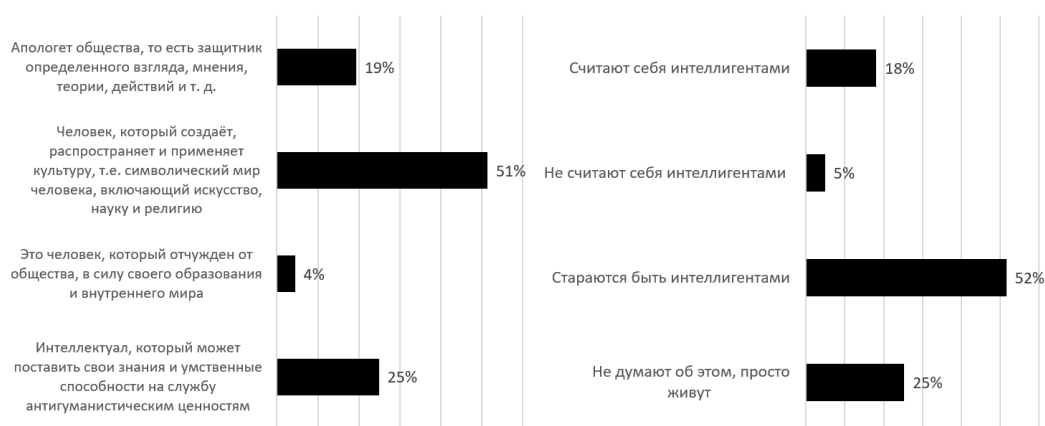

Рис. 5 – Определение интеллигентности и стремление быть интеллигентом

Также мы сочли необходимым включить в анкету вопросы, связанные с лидерскими качествами, поскольку лидер – это человек, который способен организовать, прежде всего, свою собственную жизнь и нести за нее ответственность. Поэтому наличие лидерских качеств у человека никогда не оставит его равнодушным как по отношению к его политическим воззрениям, так и к религиозным. Итак, полученные ответы на вопрос, о том считают ли себя респонденты «лидерами по своей природе», распределилась следующим образом: положительно ответили на этот вопрос 42 % респондентов, а 38 % опрошенных указали, что не знают, могут ли они отнести себя к лидерам. При этом 20 % студентов ответили, что лидерами себя не считают. При этом примечательно, что, отвечая на вопрос об оценках поведения лидера, 84 % анкетированных определили лидера как человека с «призванием», у которого чувство справедливости и преданности делу, обычно ассоциируется с политическим призванием или религиозной нравственной основой, который знает, что он служит правому делу, видит в оппонентах сознательных или невольных агентов врага, определяется ли этот враг как работодатель, капиталистическая система или коммунистические партии. И только 16 % респондентов усматривают в лидере «бюрократа», заботящегося только о продвижении своих собственных интересов.

Изучение человека в обществе всегда нужно рассматривать как определенный феномен из более общих социологических и психологических взаимоотношений и зависимостей. Однако здесь должен всегда соблюдаться принцип единства всех основополагающих наук и интегративных подходов. Изучение личности всегда должно рассматриваться в контексте единства всех общественно-политических наук.

Подводя итоги нашего исследования, на основании полученных данных по вопросам о

политических установках респондентов, их религиозных взглядов и ценностных ориентаций, мы смогли выделить два социальных типа личности, в рамках изучаемого нами научного исследования – человека политического и человека религиозного [10]. Под политическим типом личности мы подразумеваем современного человека, которому небезразлична жизнь в обществе, интересующегося политическими платформами правящих партий с электоральным активным поведением и видящим свое будущее неотделимо от общества, в котором живет. Определяя религиозный тип личности, мы характеризуем данный феномен как личность, твердо знающую основы своей традиционной религии и проповедующую базовые духовно-нравственные ценности в обществе [11, 12].

Таким образом, новизна нашего исследования заключается в том, что выделение феномена как политического человека, так и религиозного создает возможность для прогнозирования развития общества с постоянными и незатухающими конфликтами и общества гармонии. Данный вывод был сделан нами на основании ответов на вопросы относительно стабильности в обществе, ощущения человека в социальной среде и т.д. Эти два типа личности можно рассматривать, «как социальные единицы, которые могли бы в одно и то же время поддерживать как политический раскол, так и политический консенсус» [1, с. 29].

В ходе нашего исследования мы пришли к заключению, что по мнению молодежной аудитории, религия, идеология и политика тесно связаны между собой, ибо все эти формы деятельности дают ответы на главные онтологические вопросы и вопросы идеологического дискурса: кем мы были, кто мы сейчас, кем мы будем, и чем мы отличаемся от других – кто свои, а кто «чужие». Следовательно, человек политический, занимающий активную социальную по-

зицию, будет и человеком религиозным, верующим в определенное будущее, достижение которого порой нельзя объяснить объективными причинами. Более того, достаточно часто различные политические идеологии, приобретая статус государственных, общенациональных идеологий, становятся «светскими религиями» со всеми атрибутами религиозных верований.

В целом анализ полученных ответов респондентов, принявших участие в нашем исследовании, в очередной раз доказал, что религия, как система взглядов, как сфера общественного сознания активно влияет на развитие общества

и на политические и социальные процессы, обеспечивая стабильность в целом, а социально-экономическая и политическая обстановка в обществе, без всякого сомнения, заставляет эволюционировать религиозные взгляды.

Мы предполагаем, что это исследование положит начало новому научному поиску в части влияния религии на социальную стабильность общества и рассмотрение религии, особенно в институционализированной форме, как функциональной альтернативы политическому радикализму и экстремизму.

Литература

1. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. Москва: Мысль, 2016. 612 с.
2. Хоффер Э. Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. Москва: Интеллектуальная Литература, 2020. 200 с.
3. Эрих Ф. Здоровое общество. Москва: Издательство АСТ, 2022. 528 с.
4. Тузиков А. Р. Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурса масс медиа. Москва: Социально-гуманитарные знания, 2002.
5. Юнг К.Г. Психологические типы. Москва: Академический проект, 2021. 544 с.
6. Волкова Е.В., Васильев Г.И. Социальная типология личности с позиций либертарианской идеологии в современном обществе // Управление устойчивым развитием. 2022. № 4 (41). С. 44-51.
7. Пузанова Ж.В., Троцюк И.В., Витковская М.И. Практикум по курсу «Методология и методика социологических исследований». Москва: Издательский дом «высшее образование и наука», 2016. 272 с.
8. ВЦИОМ. Православная вера и таинство крещения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnaaya-vera-i-tainstvo-kreshheniya> (дата обращения: 12.02.2023)
9. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль, 1983. С. 376-644.
10. Волкова Е.В. Социальная типология личности //Управление устойчивым развитием. 2021. № 2 (33). С. 90-96.
11. Волкова Е.В. Научный генезис феномена «личность» // Перспективы науки. 2020. № 4 (127). С. 164-168.
12. Волкова Е.В. Анализ ценностных ориентаций // Глобальный научный потенциал. 2020. № 3. С. 55-62.

Сведения об авторах:

©**Волкова Елена Вячеславовна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Иностранные языки в профессиональной коммуникации», Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: wolfkova@mail.ru.

©**Васильев Глеб Иванович** – старший преподаватель кафедры «Государственного управления, истории и социологии», Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: glebvas@mail.ru.

Information about the authors:

©**Volkova Elena Vyacheslavovna** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign languages in professional communication, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: wolfkova@mail.ru.

©**Vasilyev Gleb Ivanovich** – senior teacher of the Department of Public administration, history and sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: glebvas@mail.ru.

А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова

**РОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНЧЕСТВА И ПРОБЛЕМА
НАЦИОНАЛЬНОГО НАРРАТИВА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)**

Ключевые слова: гражданская идентичность, национальный нарратив, студенчество, Великая Отечественная война.

Формирование устойчивой гражданской идентичности российского студенчества невозможно без освоения курса отечественной истории. Однако, изучение истории страны – это не просто запоминание набора определенных фактов, но, и прежде всего, понимание сущности происходящих социально-экономических, политических и культурных процессов, наряду с усвоением основ их научной и ценностной интерпретации. Проблема заключается в недостаточной определенности нового национального нарратива, хронологических рамок российской истории, ее методологических оснований, ее социального субъекта, принципов оценивания событий и критериев маркировки героев и антигероев. На наш взгляд, функциональным представляется опора на цивилизационный подход и трактовка России как страны-цивилизации, и, соответственно, ее история должна выглядеть как ретроспектива диалектики социально-экономического, политического и культурного развития территорий и народов входящих в ареал российской цивилизации. Именно российский народ в его этническом разнообразии функционально показывать субъектом исторического процесса. Огромное значение в формировании общегражданской идентичности студенчества в контексте развертывания указанного выше нарратива является изучение событий Великой Отечественной войны в единстве ее триумфальных и трагических страниц. Здесь национальный нарратив призван показать, что налицо был факт столкновения, по сути, двух цивилизаций (западной и российской) и благодаря чему удалось одержать столь трудную, но великую Победу.

A. R. Tuzikov, R. I. Zinurova

**RUSSIAN CIVIL IDENTITY OF STUDENTS AND THE PROBLEM OF NATIONAL
NARRATIVE IN RUSSIAN HISTORY (BY THE EXAMPLE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR)**

Keywords: civic identity, national narrative, students, Great Patriotic War.

The formation of a stable civic identity of Russian students is impossible without mastering the course of national history. However, studying the history of a country is not just memorizing a set of certain facts, but, above all, understanding the essence of the ongoing socio-economic, political and cultural processes, along with mastering the basics of their scientific and value interpretation. The problem lies in the lack of certainty of the new national narrative, the chronological framework of Russian history, its methodological foundations, its social subject, the principles for evaluating events and the criteria for marking heroes and anti-heroes. In our opinion, it seems functional to rely on the civilizational approach and interpretation of Russia as a country-civilization, and, accordingly, its history should look like a retrospective of the dialectics of the socio-economic, political and cultural development of the territories and peoples included in the area of Russian civilization. It is the Russian people in their ethnic diversity that can be functionally shown as the subject of the historical process. The study of the events of the Great Patriotic War in the unity of its triumphant and tragic pages is of great importance in the formation of a common civil identity of students in the context of the deployment of the above narrative. Here, the national narrative is intended to show that there was a fact of a clash in essence between two civilizations (Western and Russian), and thanks to which it was possible to win such a difficult but great Victory.

Изучение отечественной истории для российской молодежи это не просто часть программы высшего образования, но и, прежде всего, основа формирования общероссийской гражданской идентичности. Являясь наукой, история в тоже

время не свободна от трансляции национальных и цивилизационных ценностей, задающих интерпретации фактического материала дисциплины.

В соответствии с Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ

государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (п. 24 б) целями государственной политики являются сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сбережение исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю, в том числе на жизнь и творчество выдающихся деятелей России [1].

Введение в программы всех направлений подготовки в вузах страны нового курса «Основы российской государственности» также актуализирует значимость исторического образования нашего студенчества. Одной из проблем современного курса истории России в вузах является отсутствие или недостаточная внятность национального и цивилизационного нарративов. Авторы статьи неоднократно обращались в своих публикациях к вопросам идеологического обеспечения работы с сознанием молодого поколения, в том числе и социологической концептуализации формирования его идентичности [2-4].

В данном случае имеется в виду последовательного рассказа внутренне логически и ценностно связанных исторических событий и биографий значимых для нашей страны исторических деятелей. В самом общем плане он предполагает ответ на следующие вопросы:

1. Где начало нашей истории? 2. Народы России. Кто они? Динамика их взаимодействия. 3. Как протекало освоение пространства и его особенности. 4. Культурно-цивилизационные характеристики России. 5. Какие практиковались социально-экономические модели развития и чем они были обусловлены? 6. Обзор и анализ исторической динамики политических традиций и институтов. И наконец, позиционный фокус исторического нарратива России. Другими словами, от имени кого строится и презентуется национальный исторический нарратив. «Безсубъектность» прикрытая ширмой «абсолютной объективности» вряд ли тут функциональна с учетом стоящих перед курсом отечественной истории задач. По нашему мнению, нарратив дисциплины «История России» функционально выстраивать из цивилизационного фокуса и в контексте динамики проявления понятия «многонациональный российский народ». При этом, конечно, крайне важно одновременно и не потерять «русскость» (и в этническом, и в культурном смысле), но и не забывать показывать историческую роль всех народов «делавших» историю России. Речь идет о показе «цветущей сложности» и потенциала развития многонационального народа России в разрезе диалектики конфликтности и сотрудничества

Важно также показать особенности российских ответов на внутренние и внешние вызовы

различных эпох. На этой основе возможна выработка у студентов сбалансированной шкалы для оценочных суждений «светлых» и «темных» страниц в нашей истории.

Конечно же, нарратив невозможен без нацеленности на формирование российского патриотизма и конструирования образов героев и антигероев.

В данном контексте особая роль принадлежит изучению Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Ниже мы приводим опыт построения такого нарратива для событий начала войны и до 1944 года, когда фактически завершился разгром войск немцев и их союзников на территории СССР. В нем важно отразить и раскрыть цели наших противников, направленные на уничтожение России как государства и цивилизации, как экзистенциальную угрозу для существования российского народа. Также важно в условиях развернувшейся информационно-идеологической и гибридной войны на исторических примерах и фактах продемонстрировать и героизм воинов и тружеников тыла, и трагические страницы, и триумф нашего оружия и полководческой мысли.

Патриотизм неотделим от оборонного сознания. Однако вера в миролюбивость стран-конкурентов, довольно распространена среди нашего студенчества. Так наше исследование казанских студентов (N=1000) в 2021 году показало, что 1) считают угрозы значительными – 15,5 %; 2) считают незначительными – 29,6 %; 3) считают, что есть только террористические угрозы – 21,5 %; 4) 13,2 % полагают, что военных угроз нет совсем и 20,2 % затрудняются что-либо сказать [5].

Потенциальные угрозы со стороны НАТО осенью 2021 года 23 % респондентов считали незначительными, со стороны нынешнего режима Украины – 29,6 %. [6] Последующие события как известно опровергли эти мнения.

История Отечественной войны еще и наглядный кейс, что, к сожалению, старый римский тезис “*si vis pacem para bellum*” сохраняет свою актуальность.

Та война и Победа прочно вошли в сознание десятков миллионов наших соотечественников, не случайно в наш язык вошли такие обороты как «до войны» и «после войны»; не случайно такую популярность обрело движение «Бессмертный полк»; не случайно, по данным социологов ВЦИОМ, последние пять лет День Победы остается для россиян наиболее важным праздником в череде ежегодных торжеств и событий (67 %). Мы с коллегами также неоднократно проводили изучение настроений студентов нашего вуза и по их итогам гордость за Победу стабильно лидирует (до 85 % опрошенных указали на это) среди объектов гордости в современной России. Можно сказать, что память о той Войне и Победе составляет ядро

современной общероссийской идентичности. Образно об это сказано в известной песне: «На Руси нет семьи такой, где не памятен был свой герой / И глаза молодых солдат с фотографий увядших глядят...».

Многие не задумываются, что после 1945 года мы все до последних лет жили в условиях так называемой ялтинско-потсдамской системы мирового порядка, закрепившего итоги Второй Мировой, определившего виновников войны и права победителей. СССР по итогам той Войны стал постоянным членом Совета Безопасности ООН, т.е. де-юре был признан мировой державой.

Не случайно, в современных условиях борьбы за новое мироустройство и систему безопасности, фактически развязана «Война Памяти», когда просто переписываются страницы, ранее общепризнанной истории, из преступников пытаются сделать «героев» и «борцов за свободу», а нашу страну, как правопреемницу СССР пытаются сделать чуть ли не виновницей развязывания Второй Мировой и представить «оккупантом» тех стран и народов, которые еще не так давно по историческим меркам клялись нам в «вечной дружбе». Справедливости надо отметить, что в лице их политических элит и части народа в Великой Отечественной Войне они выступали союзниками и пособниками Германии. Достаточно назвать такие страны, как Финляндия, Словакия, Хорватия, Венгрия, Италия, Румыния, Болгария («братушки» увы нас не раз предавали...). К концу июля 1941 года войска союзников Германии насчитывали около 30 % сил вторжения. В войну с нами вступили не только страны-сателлиты Германии, но и добровольцы формирований ваффен-СС из Франции, Голландии, Норвегии, Дании и др. стран. О том, что творилось руками «вновь обретенных сторонников» Гитлера из числа бывших советских граждан воевавших, как сейчас любят представлять в постсоветских странах, за «свободу и против Сталина», то на эту тему существует сейчас обширная литература. Ограничусь упоминанием того, что пулеметчики, расстреливающие евреев в Бабьем Яру, были НЕ из числа немецких военнослужащих, а погромы в Литве также осуществили в первый месяц войны НЕ немцы и белорусскую деревню Хатынь, хотя и на основе решений немецкого командования, сожгли вместе с жителями НЕ немцы.... Палачами были каратели 118-го полицейского украинского батальона...

Итак, 22 июня ровно в 4 утра... началась самая кровавая на сегодняшний день Война, унесшая жизни десятков миллионов советских людей и мирных граждан и военнослужащих. При этом Гитлер не скрывал, что война с СССР отличается от тех войн, которые вермахт вел на Западе. Это война на уничтожение СССР как государства и советского

народа как субъекта истории. План «Ост», регламентировавший освоение земель европейской части СССР от 15 июля 1941 прямо указывалось «на необходимость онемечивания и организации заселения новых земель немцами. На основании указаний рейхсфюрера СС (Г.Гиммлера) заселению подлежат в первую очередь следующие области: 1) Ингерманландия (Петербургская область), 2) Готская область – Готенгау (Крым и Херсонская область, ранее Таврия); далее к заселению предлагается 3) Мемель-Наревская область (район Белостока и Западная Литва).... Задача по онемечиванию будет считаться выполненной в том случае, если, во-первых, земля целиком и полностью перейдет в немецкие руки, во-вторых, когда владельцы собственного дела, чиновники, служащие, квалифицированные рабочие и их семьи будут немецкими... **Лица чуждых народностей не могут быть владельцами городских земельных участков...**» [7]. **«7 января 1946 года на Нюрнбергском процессе состоялся допрос обергруппенфюрера СС Эриха фон дем Бах-Зелевского.** Как свидетель обвинения. Бах-Зелевский – наместник рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера в Белоруссии и Центральной России, сообщил о совещании в замке Вевельсбург, состоявшемся незадолго до начала войны против Советского Союза: на этой встрече глава СС сказал своим ближайшим соратникам» [8], что «целью похода на Россию является сокращение числа славян на 30 миллионов человек» [9]. «В 1946 г. были опубликованы записи министра иностранных дел Италии графа **Галеаццо Чиано**. Согласно его заметкам, Геринг, так ловко изображавший перед высоким судом полное неведение, сказал дипломату союзной державы 25 ноября 1941 года: «В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдет; ведь некоторые народы необходимо сокращать» [8]. Понятно, что нацисты постарались скрыть прямые письменные свидетельства своих преступных планов и, видимо, небезуспешно, однако их дела говорят сами за себя.

По оценкам известного демографа В. Земкова в суммарную цифру прямых и косвенных (т.е. связанных с войной) потерь 26,6 млн. были включены и около 7 миллионов тех, кто умер так сказать по «естественным причинам» (старость и хронические болезни). Тем не менее, на долю военных потерь убитыми и умершими, то они составляли не менее 11,5 млн. Речь идет об общем числе военнослужащих, не доживших до конца войны, и их условно подразделяют на три группы: 1) боевые потери (примерно 7 млн., что сопоставимо с потерями вермахта и сателлитов); 2) не боевые потери (свыше 0,5 млн. человек – заболевшие, несчастный случай, расстреляны за трусость и т.п.); 3) **умершие в плену (почти 4 млн.!!!)** [10]. Прямые граждан-

ские потери (от бомбежек, голода, убитые добровольцы и т.п.) составляют по оценкам уже упомянутого В.Земского как минимум **свыше 4,5 млн. человек!!! Можно дискутировать с В.Земсковым о деталях и цифрах, но итог дискуссий один – геноцид был! Если 8,5 погибших в плену и гражданских лиц это не геноцид, то что??? Думается очень правильно, хотя и с большим опозданием Государственная Дума, 22.03 2023 года признала преступные деяния немецко-фашистских захватчиков и их пособников в отношении мирного населения СССР геноцидом народов Советского Союза!**

Великая Отечественная стала войной за существование нашего народа и страны, причем войной с крайне сильным и опасным во всех отношениях противником. Тем значимей явилась наша Победа, причем Победа и фронта, и тыла. Хотелось бы остановиться на самых знаковых сражениях. «Зарей Победы» назвали сражение под Москвой осенью и зимой 1941/42 года. 30 сентября 1941 года германские войска начали наступление. К слову, под Москвой в районе Бородина в 1941 году в рядах вермахта сражались части из французских добровольцев. К началу ноября сохранялась тяжелая обстановка, противник близко подошел к Москве. 5 декабря советские войска перешли в контрнаступление с целью разгромить наиболее опасные группировки вермахта, угрожавшие столице с севера и юга. Под ударами Красной армии немецко-фашистские войска постепенно вытеснялись на запад. В результате контрнаступления и общего наступления к середине апреля немецкие войска были отброшены на запад на 150–400 км, освобождены Московская и Тульская области, многие районы Калининской и Смоленской областей. Некоторые историки полагают не без оснований, что московская битва означала стратегическое изменение всей ситуации в пользу СССР.

В мае 1942 года под влиянием успешного наступления И.В. Сталин провозгласил 1942 год годом освобождения всей территории СССР от захватчиков. Однако, летом 1942 года после неудачного наступления Красной Армии (тогда так называлась будущая Советская Армия) под Харьковом вермахт и войска его союзников подошли к Сталинграду и вышли к Волге. Создавалась прямая угроза нефтяным перевозкам с бакинских месторождений.

28 июля был издан знаменитый приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 227, известный в литературе как «Ни шагу назад».

Весь сентябрь немцы пытались сбросить наши войска в Волгу. Сталинградская битва 1942–1943 года началась на правом берегу Дона, в ней участвовало более 2 млн человек, в том числе армии Италии, Румынии, Венгрии и Хорватии.

Сталинградская битва была отмечена самыми кровавыми уличными боями в разрушенном Сталинграде и невероятным героизмом советских солдат трех фронтов, который потряс немцев, уничтожил группу армий «В» и подорвал их боевой дух.

В ходе Сталинградской битвы символическими стали бои за дом Павлова, Мамаев курган. Неувядаемой славой покрыли себя бойцы генералов В. Чуйкова, А. Родимцева, А. Еременко, М. Шумилова, Н. Ватутина, К. Рокоссовского и др. В ходе боев за Сталинград были разработаны планы контрнаступления «Большой Сатурн» и «Уран». К сожалению, удался только «Уран» (окружение 6 армии Паулюса) и «Малый Сатурн» (Среднедонская наступательная операция. Советские войска прорвали оборону противника и разгромили основные силы 8-й итальянской армии, оперативной группы «Холлитт» и 3-й румынской армии). 19 ноября войска Юго-западного (Н. Ф. Ватутин) и Донского фронтов (К. К. Рокоссовский) после мощнейшей артподготовки (ее вели 3500 орудий) атаковали противника. 20 ноября началось наступление Сталинградского фронта (А. И. Еременко).

23 ноября в районе Калача-на-Дону огромная фашистская группировка, пытавшаяся захватить Сталинград, была окружена. Попытки танковых дивизий Манштейна пробить коридор к Паулюсу были отбиты (смотрите фильм «Горячий снег»). В январе 1943-го 6-я армия советскими ударами была разделена на две части и в основном уничтожена...

Под Сталинградом немцы и их союзники потеряли – внимание – 1,5 млн (!) чел. (вермахт 900 000 чел., итальянцы, румыны, венгры, хорваты 600 000).

Потери Красной Армии в этой продолжительной и кровопролитной битве – около 1 млн. 130 тыс. человек (из них около 480 тыс. человек – безвозвратные).

Две стрелковые дивизии, сформированные из наших земляков, – 120-я и 147-я, принимали участие в Сталинградской эпопее. Наши земляки воевали во всех подразделениях и родах войск. Многие погибли. По архивным данным только на территории современной Волгоградской области погибло и умерло от ран не менее 22 тысяч солдат и офицеров из ТАССР. В уличных боях погибло 811 татарстанцев. Каждый пятый погиб в 1943 году во время контрнаступления...

Значение Сталинградской битвы – общий перелом в ходе всей Второй мировой войны. Сталинград стал символом победы советской армии и советских людей над гитлеровскими оккупантами.

В январе 1943 года была прорвана блокада Ленинграда. В марте 1943 года под влиянием поражения в Сталинградской битве немцы очистили

территорию Ржевско-Вяземского выступа и более уже никогда не угрожали безопасности Москвы. Теперь всему миру стало понятно, что СССР не проиграет войну нацистской Германии, а будет и дальше наступать до полного поражения гитлеровского блока. В Германии был объявлен общенациональный траур.

Советское командование, планировавшее перейти в наступление ещё весной, после получения разведанных пересмотрело свои планы – было решено измотать наступление противника сильными оборонительными боями и затем перейти в контрнаступление. Почти три месяца – апрель, май, июнь – стороны готовились к решающему сражению. «К началу Курской битвы советское командование сумело сосредоточить в районе Курской дуги и в резерве 1909 тыс. человек, более 26,5 тыс. орудий и миномётов, свыше 4,9 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок (САУ), около 2,9 тыс. самолетов. Силы противника насчитывали свыше 900 тыс. человек, около 10 тыс. орудий и миномётов, до 2700 танков и штурмовых орудий, около 2050 самолетов» [11].

Советскими войсками командовали такие прославленные полководцы как Жуков, Ватутин, Конев, Рокоссовский. Им противостояли не менее опытные немецкие генералы – Манштейн, Модель, Гот. На южной стороне Курского выступа основными были знаменитые бои под Прохоровкой, проходившие 10-12 июля. Здесь противник в результате крупнейшего в истории танкового сражения был также остановлен, хотя и с большими потерями в танках с нашей стороны.

К середине июля наступление германских войск выдохлось. 17 июля началось контрнаступление Красной Армии на значительной полосе на севере и юге от Курской дуги. К 23 августа, заняв территории к северу и югу, советские войска развили успех. В результате разгрома сил вермахта в Курской битве, Германия оказалась больше не в состоянии проводить наступательные операции на Восточном фронте.

К тому же в ночь с 9 на 10 июля началась высадка союзников в Сицилии, которая продолжалась до 17 августа 1943 года. На тот момент, это была крупнейшая морская десантная операция. Курская битва до сих пор дает пищу для размышлений и вкладок тактического и стратегического характера, являясь одной из величайших битв в истории человечества.

Противник был еще достаточно силен, достаточно сказать, что в результате того, что на Германию работала экономика практически всей Западной и Восточной Европы плюс военнопленные и остарбайтеры (вывезенная в Германию часть населения с оккупированных территорий СССР) в вермахт можно было мобилизовать сотни тысяч мужчин невзирая на экономические ограничения.

По указанию Гимmlера стали формироваться так называемые восточные батальоны СС (из бывших граждан СССР), которые наряду с иностранными легионами СС влились в вооруженные силы Германии. Военное производство Германии (опираясь на подземные заводы) достигло своего пика в 1944 году. В июле 1944 года немецкая промышленность достигла высшей точки своего развития в этой войне – за первое полугодие заводы Рейха выпустили более 16 тыс. самолетов, 8,3 тыс. танков, штурмовых орудий. Берлин провёл несколько мобилизаций, и численность его вооружённых сил составляла 324 дивизии и 5 бригад. Немецкое командование и пропаганда во всеуслышание говорили, что не пустят «орды большевиков» в Европу и «спасут европейскую культуру и цивилизацию». Германия ждала наступление Красной Армии на юге и юго-западе, однако, разработанная Ставкой ВГК операция «Багратион» (при прямом участии К. К. Рокоссовского) была нацелена на прорыв фронта в Белоруссии. В чем-то это была месть вермахту за июнь 1941 года.

С советской стороны в операции участвовало 2,33 млн бойцов и командиров (а также 1-я армия Войска Польского – 4 пехотные дивизии, кавалерийская и танковая бригады, 80 тыс. чел.). На вооружении этих войск имелось более 31 тыс. орудий и миномётов (калибром 76 мм и выше), более 5,2 тыс. танков и самоходных орудий, более 6 тыс. самолетов. Они действовали в составе четырёх фронтов: 1-й Прибалтийский фронт (генерал армии И. Х. Баграмян); 3-й Белорусский фронт (генерал-полковник И. Д. Черняховский); 2-й Белорусский фронт (генерал-полковник Г. Ф. Захаров); 1-й Белорусский фронт (генерал армии К. К. Рокоссовский). Координатором действий 1-го и 2-го Белорусских фронтов был Г. К. Жуков, а координатором действий 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов был начальник Генштаба А. М. Василевский. Приняла участие в операции и Днепровская военная флотилия. Наступление началось утром 23 июня 1944 года рано утром и неожиданно для немцев (все как в 1941 только наоборот). Неожиданности способствовала и скрытная переброска танков через болотистые местности, чего противник не предполагал.

Под Витебском Красная Армия успешно прорвала немецкую оборону и уже 25 июня окружила западнее города пять дивизий противника. Ликвидация витебского «котла» завершилась к утру 27 июня, в этот же день освободили Оршу.

Бобруйская наступательная операция должна была создать южную «клешню» огромного окружения, задуманного советской Ставкой. Эту операцию целиком проводил наиболее мощный из фронтов – 1-й Белорусский под командой К. К. Рокоссовского. 27 июня основные силы вермахта по-

пали в «котёл». К утру 29 июня Бобруйск был полностью освобождён. В результате разгрома 9-й армии оба фланга группы армий «Центр» были открыты, а дорога на Минск свободна с северо-востока и юго-востока. 3 июля 2-й танковый корпус Бурдейного ворвался в Минск с северо-западного направления. В это же время с южного направления к городу подошли передовые части Рокоссовского. Уже к обеду 3 июля Минск освободили. Красная Армия фактически отомстила за «котлы» 1941 года.

С 5 по 20 июля 1944 года силами 3-го Белорусского фронта под командованием И. Д. Черняховского была проведена Вильнюсская операция. Последние очаги сопротивления были подавлены в Вильнюсе 13 июля. Было уничтожено до 8 тыс. немцев, взято в плен 5 тыс. человек. 1-й Прибалтийский фронт Баграмяна получил задачу выйти к морю, чтобы отрезать группу «Север». 31 июля это было сделано. 2-й Белорусский фронт наступал на запад – на Гродно и Белосток. 27 июля Белосток был взят. **Советские воины вышли к довоенной границе Советского Союза. 1-й Белорусский фронт продолжил наступать в направлении Барановичи-Брест.** 20 июля части Рокоссовского с ходу форсировали Буг. Немцы не успели создать по нему линию обороны. 25 июля был создан «котёл» под Брестом, но 28-го остатки окруженной немецкой группы прорвались из него (немцы потеряли 7 тыс. человек убитыми). Надо отметить, что бои отличались ожесточённостью, пленных мало, но было очень много убитых немцев. **22 июля части 2-й танковой армии (была придана фронту во время второй фазы операции) вышли к Люблину. В конце июля – начале августа фронт Рокоссовского захватил два больших плацдарма за Вислой.**

Это было крупнейшим поражением вермахта. На фронте в 1100 километров было достигнуто продвижение войск на глубину до 600 км. Реально состоялась месть вермахту за котлы и поражения 1941 года. Советская армия потеряла до 178,5 тыс. погибшими, пропавшими без вести и пленными, а также 587,3 тыс. ранеными и больными. **Общие потери немцев – около 400 тыс. человек (по другим данным более 500 тыс.).** Впервые за всю войну наблюдалась массовая сдача солдат и офицеров вермахта в плен. Колонны пленных (около 70 тыс. человек) 17 июля 1944 года увидят москвичи на Садовом кольце («Операция «Большой вальс»).

Это была последняя крупная операция, где массово участвовали союзники Гитлера. Ко 2-й армии вермахта были приписаны 4 венгерские дивизии, в том числе одна кавалерийская.

До сих пор нет точных сведений, сколько земляков мы потеряли в ходе освободительных

боев в Белоруссии. Согласно исследованиям заведующего музеем Великой Отечественной войны в Казанском кремле М. Черепанова установлены места гибели свыше 10 тысяч солдат и офицеров из Татарии, но еще столько же человек считаются без вести пропавшими. С каждым днем становится все меньше участников тех событий....

Советская Армия летом 1944 года стояла на границах Европы и уже ворвалась на территорию Польши, освобождая ее от гитлеровцев. В конце августа после победных боев Красной Армии из войны вышла Румыния и объявила войну Германии. 5 сентября специальной нотой СССР объявил войну Болгарии. Болгарская армия не оказала сопротивления, произошла смена власти и Болгария вышла из войны 9 сентября. Часть болгарской армии и партизаны продолжили воевать на стороне СССР. Также в сентябре из войны вышла Финляндия. Впереди были сражения за Будапешт, Прагу, Кенигсберг, Берлинская операция. Но об этом отдельный рассказ.

Лишь в 1965 году День Победы вновь стал нерабочим и был широко отмечен на государственном уровне. В юбилейные годы на Красную площадь вернулись военные парады. В сентябре 1967 года был наконец-то введен ряд льгот для Героев Советского Союза, а позднее и для полных кавалеров орденов Славы. Различные льготы получили и все участники войны. Но к ежемесячным выплатам за боевые ордена и медали государство так и не решилось вернуться. Несмотря на попытку добиться этого, предпринятую 14 июня 1955 года маршалом Жуковым...

Произведения литературы и искусства – значимый инструмент иллюстрации национального нарратива. Причем не только в его триумфальной тональности. Жизнь диалектична.

О проблемах наших вернувшихся с войны солдат и офицеров очень образно сказал «поэт-фронтовик Борис Слуцкий, закончивший войну в звании майора, был уволен из армии по инвалидности и долгие годы не мог получить никакой работы. Его стихи с протокольной точностью зафиксировали послевоенную драму «поколения победителей»:

*Когда мы вернулись с войны,
я понял, что мы не нужны.
Захлебываясь от ностальгии,
от несовершенной вины,
я понял: иные, другие,
совсем не такие нужны.
Господствовала прямота,
и вскользь сообщалось людям,
что заняты ваши места
и освободить их не будем...*

Сегодня, спустя почти 80 лет после Победы, мы только начинаем понимать, как же нужны

сейчас именно такие. Отважные, неуступчивые, колючие. Люди первого часа войны, без которых не бывает ни боевых, ни мирных побед» [12].

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 25.05.2023).
2. Тузиков А.Р. Идеи демократии: социологическая интерпретация // Социологические исследования. 2005. № 3 (251). С. 35-38.
3. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Концептуализация социокультурных аспектов формирования идентичности современной молодежи в рамках теории идеологии // Управление устойчивым развитием. 2015. № 1 (01). С. 39-44.
4. Тузиков А.Р. Концепция идеологии и идеологического дискурса в современной социологии - методология исследования социокультурных особенностей молодежного экстремизма в мировом пространстве // Вестник казанского технологического университета. 2011. № 17. С. 222-229.
5. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Социокультурные особенности идентификационных процессов в среде российского студенчества: учебное пособие. Казань: Изд-во КНИТУ, 2021. 144 с.
6. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Особенности патриотического сознания казанского студенчества средних специальных учебных заведений. Учебное пособие. Казань: Изд-во КНИТУ, 2021. 134 с.
7. Электронная библиотека исторических документов. Выдержка из Генерального плана «Ост». Правовые, экономические и пространственные принципы обустройства на Востоке (Берлин-Далем, 28 мая 1942 г.) URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/51688-vyderzhka-iz-generalnogo-plana-locale-nil-ost-locale-nil-pravovye-ekonomicheskije-i-prostranstvennye-printsiipy-obustroystva-na-vostoke-berlin-dalem-28-maya-1942-g> (дата обращения: 25.05.2023).
8. Яковлев Е.Н. Совещание в Вевельсбурге, План голода и «окончательное решение»: истоки нацистского замысла о геноциде народов СССР // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 2 (25). С. 71-160.
9. Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945-1 October 1946 (IMT), Nuremberg, 1947–1949. URL: https://www.loc.gov/item/2011525338_NT_Vol-XXII (дата обращения: 25.05.2023).
10. Земсков В.Н. Священная война. О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (в поисках истины). URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=1571> (дата обращения: 25.05.2023).
11. Курская битва. URL: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=11795520@cmsArticle (дата обращения: 25.05.2023).
12. Электронный научно-исторический журнал «Родина». Творцы и затворники Победы. Редакционное послесловие о людях первого часа войны. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/05/rodina-1chas.html> (дата обращения: 25.05.2023).

Сведения об авторах:

©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой государственного управления, истории, социологии, зам. директора Института управлениями инновациями, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института управлениями инновациями, зав. каф. менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: rushazi@rambler.ru.

Information about the authors:

©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Head of the Department for Public Administration, History, Sociology, Deputy Director of the Institute of Innovation Management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

©**Zinurova Raushaniia Ilshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Institute of Innovation Management, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

Т. С. Соловьева**ТРУДОВАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ: КЕЙС ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01986,
<https://rscf.ru/project/22-28-01986/>**

Ключевые слова: трудовая мобильность, карьерная мобильность, пространственная мобильность, трудовая миграция, регион.

Трудовая мобильность представляет процесс смены индивидом места работы и его позиции в системе общественного разделения труда. В условиях нарастания общей социально-экономической неопределенности трудовая мобильность выступает значимым направлением адаптации населения к происходящим изменениям. Данный феномен играет важную роль в повышении конкурентоспособности работников и организаций, решении кадровых проблем, росту производительности труда, трансформации занятости и экономическому развитию в целом. Целью настоящей статьи является анализ процессов трудовой мобильности на региональном уровне. Информационную базу исследования составили результаты мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, который с 1997 г. проводится ФГБУН ВолНИЦ РАН. Период исследования ограничен 2018-2022 гг., что обусловлено возможностью проследить влияние эпидемиологического и геополитического факторов на трудовую мобильность работников. В работе рассмотрены вопросы, касающиеся трудовой и карьерной мобильности, а также трудовой миграции. Определено, что несмотря на внешние макроэкономические шоки, интенсивность процессов трудовой мобильности сохраняется на одном уровне. Так, за свою трудовую жизнь только порядка четверти населения ни разу не меняли работу. При этом в большей степени это характерно для тех, кто работает по специальности, полученной в образовательной организации, и проживает в сельской местности. Восходящая карьерная мобильность присуща около трети жителей области, а нисходящая – примерно 10-13 %. Позитивные изменения в данном отношении чаще наблюдаются у горожан с высшим образованием. Аналогичная ситуация имеет место и в плане дальнейшего карьерного роста. Выявлено, что пространственная трудовая мобильность населения невелика, и также более свойственна сельским жителям. В контексте вероятности переезда в связи со сменой работы вологжане в значительной степени инертны, потенциально готова к этому четверть опрошенных. В заключение обоснована необходимость стимулирования процессов трудовой мобильности, как на индивидуальном, так и на организационном и общественном уровнях.

T. S. Soloveva**LABOR MOBILITY OF THE POPULATION: THE CASE OF THE VOLOGDA OBLAST**

**The reported study was funded by RSF within the scientific project no. 22-28-01986,
<https://rscf.ru/project/22-28-01986/>**

Keywords: labor mobility; career mobility; spatial mobility; labor migration; region

Labor mobility represents the process of an individual changing their workplace and their position in the system of social division of labor. While general socio-economic uncertainty is increasing, labor mobility constitutes a significant direction of the population's adapting to the ongoing changes. This phenomenon plays an important role in increasing the competitiveness of employees and organizations, solving personnel problems, increasing labor productivity, transforming employment and encourages economic development in general. The purpose of the article is to analyze the processes of labor mobility at the regional level. The research is based on the data of the results of monitoring the quality of the labor potential of the Vologda Oblast population. The monitoring has been carried out since 1997 by the FSBSI VolRSC RAS. The study period covers 2018-2022, which is due to the possibility to trace the influence of epidemiological and geopolitical factors on the labor mobility of workers. The paper considers issues related to labor and career mobility, as well as labor migration. The study shows that despite external macroeconomic shocks, the intensity of labor mobility processes remains at the same level. So, during their working life, only about a quarter of the population have never changed jobs. Moreover, this is more typical for those who work in a specialty obtained in an educational organization and

live in rural areas. Upward career mobility is inherent to about a third of the region residents, and downward one is true for about 10-13 %. Positive changes in this regard are more often observed among citizens with higher education. A similar situation is taking place in terms of further career growth. The study reveals that the spatial labor mobility of the population is low, and is more a characteristic of rural residents, too. In the context of the probability of moving due to a job change, Vologda residents are relatively inactive, potentially a quarter of respondents are ready for this. In conclusion, the study substantiates the need for stimulating the processes of labor mobility, both at the individual, organizational and social levels.

В настоящее время в мире непрерывно происходят те или иные изменения. При этом к его неопределенности, сложности и изменчивости VUCA-мира в постковидный период добавились нелинейность, непостижимость, хрупкость и тревожность BANI-мира [1]. Эти тенденции напрямую влияют и на социум, который также становится более сложным и нелинейным [2]. В подобных условиях возрастает значимость мобильности, гибкости и умения адаптироваться к тем или иным трансформациям. Данные качества играют большую роль в сфере труда и занятости населения. Мобильность как своевременное реагирование на различные социально-экономические изменения существенно повышает конкурентоспособность работника и его шансы на достойную занятость, карьерный рост, снижает риски вовлеченности в неустойчивые трудовые отношения.

Трудовая мобильность как вид социальной мобильности представляет собой перемещение индивидов из одной социальной позиции в другую, сопровождающееся сменой места работы, должности, профессии, места проживания или их комбинации. Учет ее тенденций является значимым в региональной социальной политике, так как они напрямую влияют на процессы воспроизводства трудовых ресурсов и реализацию трудового потенциала работников. В зависимости от направления перемещения трудовая мобильность может быть вертикальной (карьерная) и горизонтальной (смена места работы, профессии, трудовая миграция), либо иметь признаки обоих видов (например, при одновременном повышении в должности, смене места работы и переезде в другой населенный пункт). При этом трудовая мобильность может носить как добровольный, так и вынужденный характер. Так, в случае желания более полно реализовать свой потенциал и продвинуться по карьерной лестнице мобильность будет добровольной. Однако необходимость адаптироваться к происходящим изменениям зачастую вынуждает людей быть более мобильными. В частности, в период трансформационного кризиса 1990-х гг. свою профессию сменило около 42 % работающего населения нашей страны [3]. По данным сервиса HeadHunter 2020 года, в современной

России за последние 10 лет поменяли профессию 33 % опрошенных и еще 51 % хотели бы в перспективе это осуществить [4].

Исследование, проведенное порталом Работа.ру, показало, что в 2023 году 32 % россиян планируют поменять работу при любых обстоятельствах [5]. Кроме того, 54 % респондентов согласны на смену работы при получении ими хорошего предложения. При этом из тех, кто уже готов сменить профессию, 86 % делают определенные шаги для этого (изучают имеющиеся вакансии, выбирают подходящие специальности или уже получают желаемое образование). Результаты опроса сервиса Зарплата.ру среди работающих жителей РФ свидетельствуют о том, что меняли место работы более трех раз за жизнь порядка 52 % населения, причем это всегда сопровождалось ростом заработной платы [6]. 20 % опрошенных увольнялись с работы хотя бы один раз, но в то же время переходили на другую работу в пределах той же отрасли. Ключевым фактором, побуждающим к смене места работы, выступает низкая заработная плата. Немаловажное значение также имеет отсутствие перспектив роста, ненормированный режим работы и высокая нагрузка. В целом для российских работников характерен достаточно высокий уровень мобильности: каждый пятый ежегодно меняет работу или перемещается на внутреннем/внешнем рынке труда [7, с. 212].

С точки зрения трудовой миграции значительная часть населения является довольно инертной. Так, по данным опросов НАФИ, около 70 % жителей страны не готовы переехать в другой населенный пункт/регион с целью лучшего трудоустройства [8]. Причем большая готовность отличает проживающих в средних и крупных городах. Даже в случае потери работы большая часть россиян предпочитает миграционную стратегию переобучение (39 %), работу за меньшую заработную плату (22 %) либо вообще уход с рынка труда (6 %) [9]. Готовность к переезду демонстрирует треть населения, а главной причиной возникновения желания отъезда из места постоянного проживания выступает отсутствие хорошей работы (53 %).

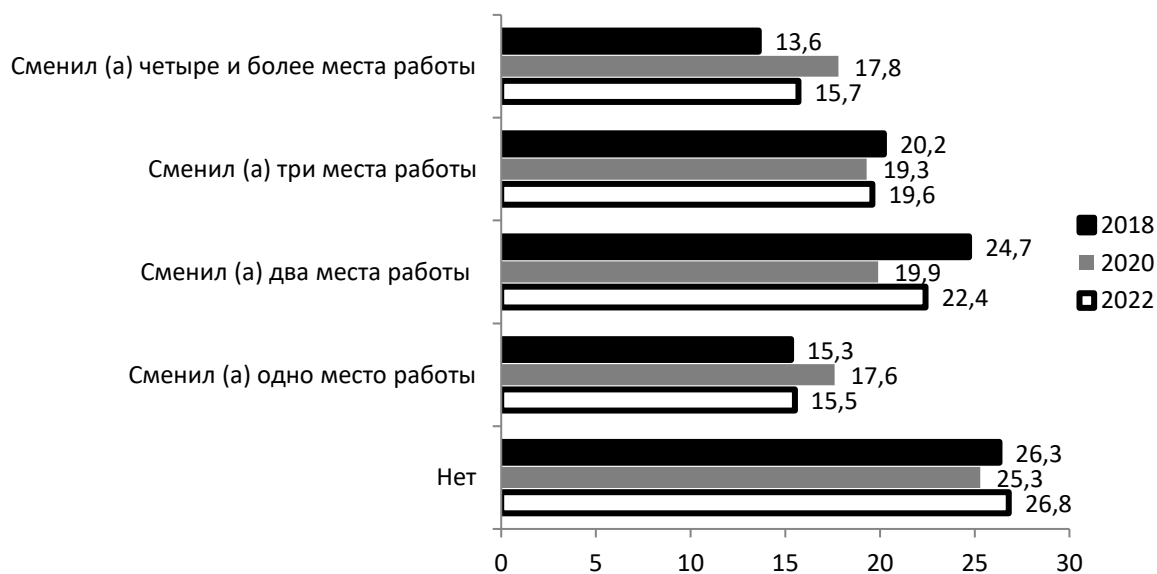
Целью настоящей статьи является анализ региональных тенденций трудовой мобильности на примере Вологодской области. Выбор

данного субъекта РФ с одной стороны, обусловлен его типичностью по многим социально-экономическим показателям в общероссийском контексте [10, с. 129], с другой стороны – наличием большого массива эмпирических данных. Информационную базу исследования составили данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, проводимого ФГБУН ВолНИЦ РАН с 1997 г. Объем выборочной совокупности (население трудоспособного возраста) – 1500 человек. Выборка квотная по полу и возрасту. Ошибка выборки – 3 %. В рамках настоящей работы мы остановились на периоде исследования 2018 г. (время относительной социально-экономической стабильности), 2020 г. (влияние эпидемиологического фактора), 2022 г. (влияние геополитической напряженности), с целью определения возможного воздействия данных внешних шоков на процессы трудовой мобильности.

Как свидетельствуют данные мониторинга, несмотря на нестабильность последних лет, обусловленную кризисными явлениями в экономике в контексте эпидемиологического и геополитического вызовов, трудовая мобильность жителей Вологодской области остается практически неизменной (рис. 1). Общий коэффициент трудовой мобильности (отношение численности индивидов, поменявших работу, к общей численности совокупности) на протяжении всего периода остаётся на уровне 72-75 %.

Каждый четвертый вологжанин в течение своей трудовой жизни ни разу не менял ра-

боту. В большей степени это характерно для молодого и среднего поколения, имеющего высшее образование. Значительная же часть населения (73-75 %) меняла место работы, причем порядка 16 % – сменили одно, около 22 % – два, 20 % – три, 16 % – четыре места работы. Результаты опроса подтверждаются и данными ФОМ о количестве мест работы россиян за всю их жизнь, которые являются практически идентичными региональным [11]. Более мобильными при этом являются жители крупных городов региона в сравнении с населением районов. Среди причин смены места работы чаще всего фигурируют низкая заработная плата, плохие условия труда и личные обстоятельства. Менее популярными факторами выступают сокращение штата, тяжелый характер труда и отсутствие карьерных перспектив. При этом, как показывают исследования, трудовая мобильность воспринимается работниками не как шанс повысить свой социальный статус, а как перемещение между аналогичными позициями в поисках лучшей из худших возможностей [12, с. 59]. Такое отношение может негативно сказываться на мотивации к прохождению обучения и трудовой активности в целом. Вместе с тем, как показывает практика, работники значительно выигрывают даже от горизонтального роста внутри одной организации [13], поскольку осваивая новые сферы деятельности, повышается не только специфический человеческий капитал, но и ценность индивида на рынке труда в целом.

Рис. 1 – Распределение ответов на вопрос «Меняли ли Вы место работы в течение своей трудовой жизни?», % (данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2018-2022 гг.)

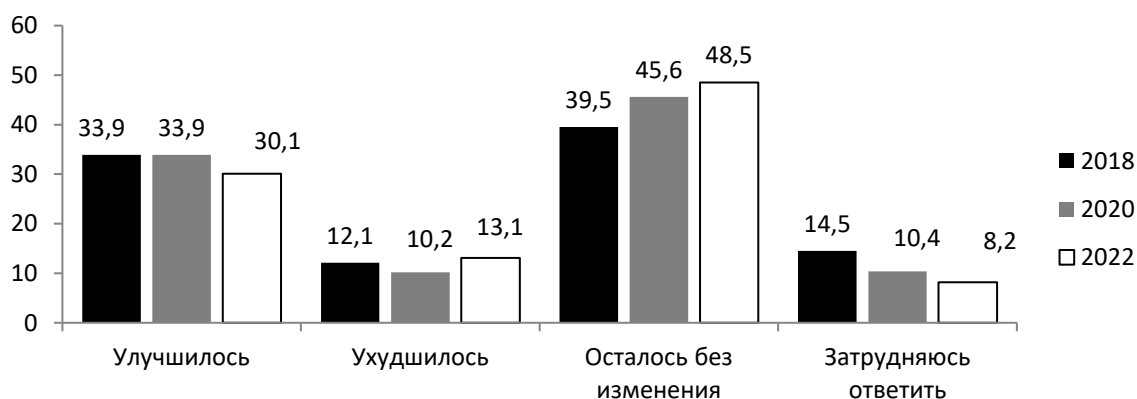
Интенсивность трудовой мобильности имеет определенную связь с тем, работает ли человек по специальности, полученной в учреждении профессионального образования (табл. 1). Среди населения, которое не меняло места работы, почти 70 % трудится по специальности. Напротив, из категории мобильных вологжан, по специальности работает на 30 % меньше (40 %). Можно предположить, что при осознанном выборе профессии и специальности, а также последующей реализации полученных знаний и умений на практике снижается риск возникновения ситуации несоответствия квалификации требованиям рабочих мест, поскольку, как показывают исследования, от 30-50 % работников, сменивших профессию, «вынуждены работать в условиях, когда их квалификация не соответствует требованиям работы» [14, с. 108].

Карьера играет значимую роль в трудовой жизни современного человека, способствуя повышению профессиональной активности и удовлетворенности результатами своего труда. С данным утверждением согласны и вологжане: для 63 % жителей работа является, прежде всего, способом сделать карьеру. В то же время должностное положение большинства населения не меняется (рис. 2). Причем за период 2018-2022 гг. доля нейтральных оценок выросла по-

чти на 10 п.п. Повышение по карьерной лестнице отмечает около трети жителей области, и каждый десятый – понижение своего положения. Необходимо отметить, что внешняя макроэкономическая нестабильность также мало повлияла на показатели карьерной мобильности. Удельный вес населения, демонстрирующего должностной рост и потерю карьерных позиций, сохраняется на уровне 30-34 % и 10-13 % соответственно. Улучшение должностного положения более характерно для людей среднего возраста, имеющих высшее образование и проживающих в крупных городах региона. Стабильность потоков карьерной мобильности подтверждает и факт практически полностью идентичной ее структуры, как за пятилетний период, так и за предыдущие год и полгода относительно времени проведения опроса. Коэффициенты общей карьерной мобильности, а также восходящей и нисходящей карьерной мобильности (отношение численности индивидов, изменивших свое должностное положение в целом/поднявшихся и опустившихся по карьерной лестнице, к общей численности совокупности) также свидетельствуют о стабильности данных процессов. Первый показатель принимает значения в диапазоне 43-46 %, второй – 30-34 %, третий – 10-13 %.

Таблица 1 – Смена места работы в зависимости от работы по специальности, % (данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018-2022 гг.)

Вариант ответа	Не менял (а) место работы	Менял(а) место работы
Да	68,4	40,2
Работаю по схожей специальности	13,1	33,9
Нет	10,2	15,6
Не получал(а) специальности	8,2	10,3

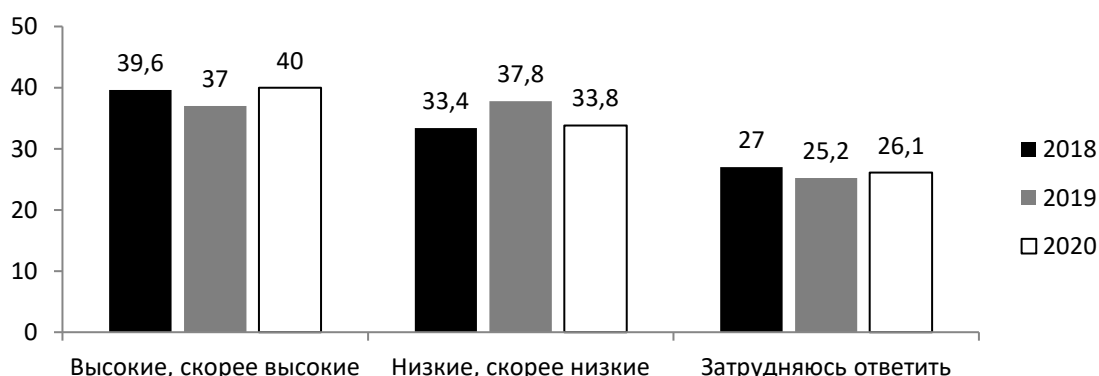
Рис. 2 – Изменение должностного положения вологжан за последние пять лет на момент опроса, % (данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018-2022 гг.)

С точки зрения профессиональных перспектив в плане карьерного роста самооценки населения также являются достаточно стабильными (рис. 3). Так, за весь период наблюдений около 40 % жителей региона описывают свои карьерные возможности как «высокие» и «скорее высокие». Порядка трети вологжан отмечают, что вероятность их карьерного продвижения можно охарактеризовать как низкую. При этом более серьезные перспективы в данном плане обозначает население, проживающее в городах, чем в сельской местности (43 % против 29 % соответственно). Также необходимо отметить довольно высокую долю вологжан, затруднившихся с оценкой своих шансов на карьерный рост, что может быть связано с общей социально-экономической неопределенностью либо с непрозрачностью самой системы продвижения по службе в конкретной организации.

Пространственная трудовая мобильность имеет большое значение в процессах перераспределения рабочей силы, смягчая напряженность на региональных и муниципальных рынках труда. Для работников она также является способом адаптироваться к кризисным явлениям и поддержать приемлемый уровень жизни. Данные Всероссийской переписи насе-

ления 2020 года свидетельствуют о том, что порядка 85 % занятого населения Вологодской области работает в населенном пункте своего проживания и 95 % – на территории региона проживания (табл. 2). Доля работающих в другом субъекте РФ или другой стране невелика и составляет менее 1,5 %.

Данные мониторинга подтверждают результаты переписи: большинство населения Вологодской области работает там же, где и проживает (рис. 4). Доля же тех, кто выезжает на работу за пределы своего населенного пункта, в среднем по региону составляет около 7 %. При этом в районах их представительство почти в пять раз выше, и в основном это люди, работающие в другом населенном пункте своего муниципалитета, чаще маятниковые мигранты. Таким образом, возвратная трудовая мобильность наиболее присуща жителям сельской местности. Это может быть связано с тем, что, с одной стороны, они не могут найти работу, отвечающую их требованиям, по месту жительства, а с другой – тем, что они не могут позволить себе переезд на постоянной основе в силу высокой стоимости жилья по месту работы. Материалы переписи населения 2020 года также демонстрируют ориентацию вологжан на перемещения в пределах

Рис. 3 – Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете перспективы своего карьерного роста?», % (данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018-2022 гг.)

Таблица 2 – Занятое население Вологодской области в зависимости от места нахождения работы, чел. [15].

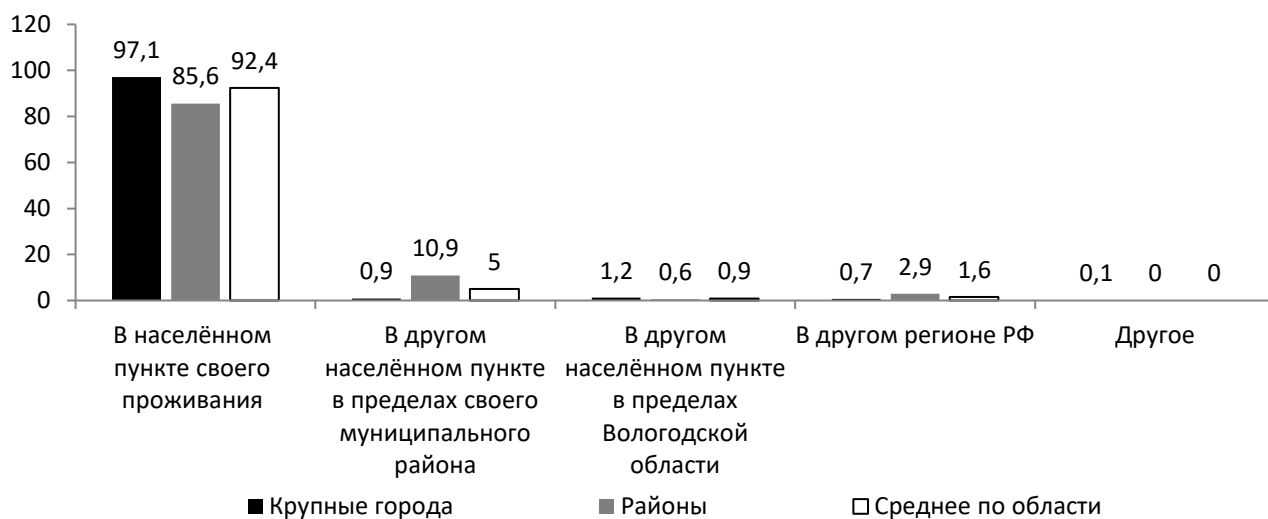
Место нахождения работы	Всего	Указавшие статус занятости
<i>Всего</i>	<i>386 750</i>	<i>375 953</i>
в том числе работающие:		
на территории своего субъекта	367 761	365 930
из них на территории своего населенного пункта	328 725	327 041
на территории другого субъекта	5 099	5 080
на территории иностранного государства	98	97
не указавшие территорию нахождения работы	13 792	4 846

региона и маятниковую миграцию [15]. Вероятно, для жителей области важным фактором является возможность регулярно возвращаться домой, поэтому миграция за пределы региона, в т.ч. более длительные формы возвратной миграции (вахта, отходничество) гораздо менее популярны. Виртуальная трудовая мобильность (удаленная работа) распространена незначительно (около 2 % занятого населения, трудящегося за пределами своего населённого пункта). Специалисты подчеркивают, что трудовая миграция в большей степени позитивно влияет на высококвалифицированных работников в силу того, что у них имеются соответствующие ресурсы для адаптации и успешности на территории прибытия [16]. Для людей с невысокой квалификацией шансы найти работу при переезде в два-три раза ниже, чем у тех, кто ищет работу в своем населенном пункте.

В целом значительная часть населения области (50 %) довольно инертна по отношению к возможности переезда в другой населенный пункт с более привлекательными условиями труда (табл. 3). Потенциальную готовность к пространственной трудовой мобильности проявляет четверть жителей региона. Однако реализация этих намерений на

практике достаточно невысока: в настоящее время порядка 3-6 % вологжан осуществили переезд по причине, связанной со сменой места работы. В большей степени готово к мобильности и ее реальному воплощению население, имеющее заработную плату на уровне выше двух прожиточных минимумов. Вероятно, это обусловлено тем, что финансовая составляющая во многом определяет стартовые ресурсные возможности для переезда.

Наиболее значимыми условиями, которые могут оказать влияние на принятие положительного решения о работе в другом населенном пункте (рис. 5), являются более высокий уровень оплаты труда (92 %), возможность регулярно возвращаться домой (89 %), предоставление социальных гарантий по месту работы (87 %) и комфортность условий доставки на работу (85 %). Менее важны для вологжан благоприятность экологической обстановки, безопасность и комфортность городской среды, хотя достаточно высокая доля утвердительных ответов (по 76 % соответственно) скорее говорит о том, что данные факторы также имеют вес, однако не выходят на первый план при расстановке приоритетов

Рис. 4 – Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, где Вы сейчас работаете?», % (данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018-2022 гг.)

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы готовы переехать в другой населённый пункт страны с более привлекательными условиями труда?», % (данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018-2022 гг.)

Вариант ответа	2018	2020	2022
Готов и уже реализую	2,9	5,1	5,7
Готов	25,5	24	24,1
Не готов	50,8	46,7	49,4
Затрудняюсь ответить	20,9	24,3	20,8

Рис. 5 – Значимость различных условий для согласия населения работать в другом населённом пункте, вариант «достаточно, очень важно», % (Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 гг.)

Таким образом, процессы трудовой мобильности являются достаточно значимыми не только на индивидуальном (для работника), но и на организационном и общественном уровнях (для конкретных организаций, отраслей, экономики в целом). Работник получает выгоды в виде возможности более полно реализовать свой трудовой потенциал, повысить уровень дохода и конкурентоспособность на рынке труда. От внутрифирменной и межфирменной мобильности выигрывают и работник, и работодатель. Первый чувствует большую уверенность в себе, повышает специфический и общий человеческий капитал, второй – может более свободно решать возникающие кадровые вопросы. Эксперты Банка РФ подчеркивают, что низкая мобильность на рынке труда выступает одним из барьеров, затормаживающих структурную перестройку экономики [17, с. 21-25].

Исследование показывает достаточную стабильность показателей трудовой и карьерной мобильности вологжан. Определено, что в течение всей трудовой жизни три четверти жителей региона сменили хотя бы одно место работы. Каждый пятый из них поменял два или три места работы. В то же время эпидемиологический и геополитический факторы не оказали значимого влияния на данные процессы. В отношении карьерной мобильности представительство продвинувшихся по службе и получивших понижение в должности также сохраняются на уровне 30-34 % и 10-13 % соответственно. Однако в дальнейшем, принимая

во внимание общую геополитическую напряженность, усиливающуюся социально-экономическую неопределенность, а также возможную реакцию рынка труда, оценить развитие ситуации в плане трудовой и карьерной мобильности довольно затруднительно.

В отношении пространственной трудовой мобильности активность жителей региона невысока. Вахтовая работа и маятниковая миграция характерны для 1,5 % и 5 % населения соответственно. Потенциал трудовой миграции с точки зрения переезда в населенный пункт с более привлекательными условиями труда достаточно существенен: четверть респондентов готовы к этому, но на практике это реализуется только 3-6 % населения. Это обусловлено укоренившимися в России традициями «оседлости», важностью имеющих социальных связей, значительными издержками на покупку или аренду жилья, «ловушками бедности» (недостаточный размер дохода для переезда, несмотря на его выгоды и преимущества) и т.д. В то же время, принимая во внимание долю вологжан, которые затруднились оценить возможность переезда, при создании необходимых условий для реализации миграционных намерений имеется определенный потенциал для развития населенных пунктов различного масштаба. Проведенный анализ также подтвердил данные аналогичных исследований [18, с. 415] в плане меньшей выраженности процессов и установок на смену места работы и профессиональную мобильность в сельской местности, где выше потенциал территориальной мобильности и его

реализация. Учитывая вышеизложенное, сохраняется значимость стимулирования трудовой мобильности населения как направления социальной

политики на различных уровнях управления. Реализация мероприятий в данном отношении позитивно скажется как на работниках, работодателях и экономике в целом.

Литература

1. Cascio J. Facing the age of chaos. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (дата обращения: 05.05.2023).
2. Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. Москва: МГИМО-Университет, 2012. 306 с.
3. Sabirianova K. Z. The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia // Journal of Comparative Economics. 2002. Vol. 30 (1). P. 191-217.
4. Хотите поменять профессию? Осторожно: не жгите мосты! URL: <https://spb.hh.ru/article/24650> (дата обращения: 05.05.2023).
5. Одинцов Е. Опрос: каждый третий россиянин планирует сменить работу в 2023 году. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/01/02/19410043.shtml> (дата обращения: 05.05.2023).
6. Россияне рассказали, когда и почему увольняются с работы. URL: <https://www.journal.zarplata.ru/russians-told-us-when-and-why-they-quit-their-jobs/> (дата обращения: 05.05.2023).
7. Гимпельсон В.Е. Капелюшников Р.И., Шарунина А.В. «Дороги, которые мы выбираем»: перемещения на внешнем и внутреннем рынках труда // Экономический журнал ВШЭ. 2016. Т. 20. № 2. С. 201-242.
8. Четверть россиян готовы к переезду в другой регион ради высокой заработной платы. URL: <https://nafi.ru/analytics/chetvert-rossiyan-gotovy-k-pereezdu-v-drugoy-region-radi-vysokoy-zarabotnoy-platy/> (дата обращения: 05.05.2023).
9. Адаптация к изменениям: россияне готовы учиться и переезжать в другие города. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/424478358.html> (дата обращения: 05.05.2023).
10. Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений). Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 446 с.
11. Трудовая мобильность. Готовы ли россияне менять работу? И на каких условиях? URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14656> (дата обращения: 05.05.2023).
12. Зудина А.А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 3. С. 27-63.
13. «При той же должности зарплата выросла в 2,5 раза»: время прокачивать трудовую мобильность. URL: <https://www.journal.zarplata.ru/pri-toi-zhie-dolzhnosti-zarplata-vyroslo-v-2-5-raza-vriemia-prokachivat-trudovuiu-mobilnost/> (дата обращения: 05.05.2023).
14. Орехова И.М. Альтернативные формы занятости как способ адаптации к изменениям экономической ситуации на российском рынке труда // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 108-112.
15. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. URL: <https://35.rosstat.gov.ru/folder/58468> (дата обращения: 05.05.2023).
16. Sigaud T. La mobilité géographique un atout pour l'emploi? // Connaissance de l'emploi. 2016. Vol. 3124. P. 58-63.
17. О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования. № 3 (62). Москва: Центральный банк Российской Федерации, 2023. 26 с.
18. Реутов Е.В., Реутова М.Н. Ментальность жителей российской провинции: устремленность в будущее и способы его достижения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. № 44 (3). С. 410-418. DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-3-410-418.

Сведения об авторе:

©**Соловьева Татьяна Сергеевна** – старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Российская Федерация, Вологда, e-mail: solo_86@list.ru.

Information about the author:

©**Soloveva Tatiana Sergeevna** – senior researcher, Federal state budgetary institution of science «Vologda research center of Russian academy of sciences» (VolRC RAS), Russian Federation, Vologda, e-mail: solo_86@list.ru.

Р. И. Зинурова, А. Р. Тузиков

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА РИСКА: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Ключевые слова: общество риска, социальный риск, конфессиональный риск, объективные и субъективные факторы риска, индикаторы риска, социальные ценности, социальная синергетика, вероятностно-статистический анализ.

Современное общество в концепциях XX-XXI вв. интерпретируется как «общество риска». Масштаб и интенсивность миграционных процессов меняют социальную структуру стран, регионов, формируют новые механизмы взаимодействия различных этнических и конфессиональных групп. Социальные изменения воспринимаются населением как ситуации риска. В статье рассматриваются современные концепции анализа общества риска, представленные в работах отечественных и зарубежных исследователей. Раскрываются психологические и социальные механизмы восприятия риска индивидом, населением в целом и реакция общества на ситуацию. Представлена система индикаторов внешней среды, приводящих к ситуации риска. Обозначена роль коммуникационного взаимодействия и информации в возникновении данного положения. Предлагается рассмотреть ситуации, приводящие к риску с точки зрения синергетического подхода и вероятностно-статистического исследования. Дается анализ конфессиональных рисков, характерных для Республики Татарстан.

R. I. Zinurova, A. R. Tuzikov

CONCEPTUALIZATION OF THE RISK SOCIETY: ETHNO-CONFESSIONAL FEATURES

Keywords: risk society, social risk, confessional risk, objective and subjective risk factors, risk indicators, social values, social synergetics, probabilistic-statistical analysis.

Modern society in the concepts of the XX-XXI centuries is interpreted as a «risk society». The scale and intensity of migration processes change the social structure of countries and regions, form new mechanisms of interaction between different ethnic and religious groups. Social changes are perceived by the population as situations of risk. The article discusses the modern concepts of risk society analysis, presented in the works of domestic and foreign researchers. The psychological and social mechanisms of perception of risk by the individual and the population as a whole, the reaction of society to the situation of risk are revealed. A system of environmental indicators leading to a risk situation is presented. The role of communication interaction and information is indicated in the occurrence of a risk situation. It is proposed to consider situations leading to risk in terms of a synergistic approach and probabilistic-statistical analysis. An analysis of confessional risks characteristic of the Republic of Tatarstan is given.

Введение

Современное общество, характеризующееся стремительными изменениями, конфликтностью, предъявляет особые требования к гражданам, для которых значимым становится субъективное чувство защищенности, уверенности в стабильности настоящего и будущего. Все большую роль играют превентивные меры в формировании у населения механизмов повышенной саморефлексии социального поведения, подтверждая тем самым постулат У. Бека о принципах построения современного общества [1]. Теория общества риска, появившаяся в 80-е гг. XX в., находит подтверждение в обыденной жизни, показывая, насколько важным сегодня является самосознание граждан, возможность и

готовность принятия взвешенных решений на основе знаний о последствиях тех или иных событий.

В современном мире локальные конфликты приобретают глобальный характер, если они «замешаны» на конфессиональной и межэтнической неприязни. Манипуляции с этническим, религиозным, национальным сознанием часто непредсказуемы по своим последствиям, финалом нередко становятся многолетние войны на почве межэтнических, межконфессиональных конфликтов. Научное сообщество призвано выявлять потенциальные риски в межконфессиональной среде, находить механизмы их нейтрализации и предлагать превентивные меры по избеганию подобных конфлик-

тов [2-4]. Современная гуманитарная наука особое внимание уделяет рискам конфессиональным, которые затрагивают не только межэтнические отношения, внутри самих религий происходят процессы, отражающие мировые глобальные изменения. Ученые-востоковеды все чаще говорят о реисламизации, идут дискуссии внутри христианского мира о правомерности конфессиональных событий на Украине.

Несомненно, ислам играет важную роль, особенно в последнее время, формируя ценности и определяя социальное поведение людей, как в религиозной, так и в светской жизни. Исследования в области теоретического осмысления исторического и современного ислама позволили авторам акцентировать внимание на следующих этноконфессиональных рисках, характерных для нашей страны. Прежде всего, речь идет о столкновении «традиционной» и «новой» интерпретациях ислама, о риске межпоколенческой расщепленности религиозного сознания, когда поколение родителей и детей по-разному интерпретируют каноны ислама.

Молодежь для современной религии – открытое пространство, требующее религиозного наполнения. Признание значительной частью молодого поколения себя верующими нельзя однозначно интерпретировать как стремительный подъем религиозности, показатель глубоких изменений в мировоззрении. Видимо, это своеобразная «реакция на изменение государственной идеологии, когда жесткий идеологический контроль сменился ориентацией на демократические нормы, в том числе и в вопросах вероисповедания. Появилась возможность для удовлетворения как личного любопытства, столь свойственного для молодежи, так и духовных или интеллектуальных ее запросов посредством религии [5-7]. Размытость, неопределенность и поверхностность религиозных представлений молодых людей может быть соотнесена с выделенным в современном американском и западноевропейском обществах новым типом религиозности, представляющей собой сочетание научного любопытства и религиозной веры с элементами старых и новых религий, теософии, астрологии и прочими подобными явлениями» [5].

Стремительное распространение среди российской молодежи ислама сопровождается «традиционной» и «новой» интерпретацией ислама. И это, по мнению Л. В. Сагитовой, не только конфликт «отцов и детей», но и борьба за сферы влияния верующих. Поскольку «теологически подготовленные молодые имамы способны просто объяснить сложный язык Корана и дать ясные, понятные каждому наставления и

духовные ориентиры, в отличие от формализованного и догматического подхода к учению «старых» имамов. И то, что деятельность «молодых» социально эффективна, укрепляет их позиции и увеличивает число приверженцев» [8, с. 105]. Ислам является «важнейшим ресурсом в поиске экономических и политических союзников для региональных администраций и мусульманских институтов в условиях новых политических реалий и рыночной экономики». [8, с. 105]. Это еще один риск в сфере взаимного влияния конфессиональных практик и политической власти, имеющий последствия для политического устройства государства.

В сфере религиозного образования в России конфессиональные риски затрагивают вопросы базовой подготовки исламских лидеров. Известный факт, что «новый» ислам формируется духовными наставниками, получившими исламское образование в арабских странах. В системе ценностей «нового» ислама – плюрализм религиозного мышления, указывающий на факт влияния процессов глобализации. Риск для России заключается в том, что формирование новой системы религиозных ценностей с учетом влияния глобальных процессов, может стать основой кризиса религии в нашей стране. Как отмечает российский востоковед А. В. Малашенко, в России «хотят видеть «старый», традиционный ислам, главным достоинством которого было восстановление утерянных и полузабытых при советской власти ценностей, обретение которых станет барьером на пути его оппозиционности» [9, с. 18].

На открытии IV заседания Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир» Президент Татарстана Р. Н. Минниханов выступил с инициативой создания Академии молодых лидеров, что, по его мнению, должно стать завершающим этапом системы отечественного религиозного образования. Инициативу поддержал Президент Российской Федерации В. В. Путин [10].

Риски проживания в регионах с разнообразием этноконфессиональных особенностей связаны с обострением чувства конфессиональной идентичности. Сегодня в полиэтнической и поликонфессиональной России проводится большое количество мероприятий, посвященных ценностям и традициям исламской культуры и повседневным практикам, имеющим важное просветительское значение для общества. Это форум мусульманской молодежи, конкурсы исламской поэзии, распространение халляльной продукции, бутиков с религиозной атрибутикой и литературой, регулярная демонстрация модной исламской одежды, проведение

всероссийских конкурсов красоты среди мусульманок, функционирование курсов подготовки мусульманских жен, фестивали мусульманского кино, конкурсы на лучшее произведение об исламе, спортивные соревнования среди мусульманских мечетей. Однако в отдельных регионах России были попытки создания политических партий с уклоном в конфессиональную сторону, создания исламского банка с перечислением денег от закята. Верующие положительно настроены на внесение элементов религиозности в городское пространство, светскую жизнь общества, «исламизацию» общественной жизни, что может вызывать непонимание, неприятие и даже агрессию со стороны других этнических и конфессиональных групп.

Миграционные процессы, социальная динамика групп и слоев общества в последнее время становятся более интенсивными и масштабными. Объективные показатели этих процессов дополняются субъективными факторами, требующими углубленного изучения и анализа. Как о постоянной константе ценностной составляющей в научном сообществе конституируется идея смены ценностной парадигмы, предусматривающей замену понятия «равенства» на «безопасное существование в социуме». При этом взаимосвязь двух ценностных позиций очевидна. Многие социальные риски в сфере межконфессиональных и межэтнических отношений основываются на несоблюдении принципов равенства социальных групп.

Цель и задачи

Методологические основы, концептуальные положения, социальные законы, раскрывающие механизмы функционирования современного общества, разрабатывались не одно десятилетие. Значительное место в современных исследованиях отводится изучению рисков. Предметом данной работы явился анализ актуальных теорий рискологии, позволяющих определить методологические принципы социологического изучения совместного территориального проживания граждан различной этнической и конфессиональной принадлежности. Мы рассматриваем социальную динамику и миграционные процессы в обществе на основе социокультурного подхода и интеграции объективных и субъективных факторов совместного проживания, формируя теоретические обоснования конкретного исследования в регионе.

Каковы ресурсы принятия решений государственными органами в ситуации риска, степень и модус восприятия ситуации риска жителями региона? Чем обусловлена специфика по-

ведения представителей различных конфессиональных и этнических групп в ситуации избегания риска, какими будут ответная реакция в ситуации риска и выбор путей решения проблемы? Анализ теорий, интерпретирующих ситуацию риска, позволит получить ответы на заданные вопросы и решить задачи интеграции знаний в определении концептуальной составляющей изучения рисков конкретного региона.

Одной из исследовательских проблем обозначена проблема неравного размещения рисков для различных сегментов в обществе. Риски в обществе распределены неравномерно, им подвергаются люди, в наименьшей степени способные с ними справиться. Необходимо проанализировать процессы и механизмы, посредством которых риск навязывается людям политической и экономической властью, а оценка приемлемости риска принадлежит социальным институтам [11, с. 27].

Результаты и обсуждение

Современное общество социальными науками рассматривается в характеристиках общества риска. Риск определяется как потенциальная возможность угрозы будущих материальных, физических, психологических, социальных, духовных потерь (ущерб здоровью, жизни, имуществу, обусловленных субъективным решением) [11, с. 25].

Происходящий в современном обществе процесс изменения ценностной составляющей, замены ценности социальной справедливости и равенства на ценность безопасности, отмечен исследователями еще в прошлом веке. Появляются понятия динамики общества риска, производства рисков, исследуются риски, приводящие к нежелательным последствиям для всех групп населения. Политические и экономические государственные структуры нацелены на выявление причин, приводящих к ситуации, оцениваемой как риск, прежде всего это дестабилизация политической обстановки в стране. Бедность и маргинализация населения, экологические катастрофы также являются примерами подобного рода рисков. Причинно-следственные связи «риск-избегание ситуации риска» — основа управленческого планирования в различных сферах жизнедеятельности общества.

При этом открытыми остаются вопросы о субъективной составляющей ситуации риска, о возможности с большой долей вероятности просчитать возникновение того или иного риска, а также определить, какую роль играет информация в наделении смыслами ситуации, приводящей к нежелательным последствиям для человека и об-

щества. Дискуссионными остаются вопросы единой мировой терминологии в интерпретации однотипных ситуаций, что наглядно демонстрирует настоящий политический процесс.

В настоящее время наука предлагает новые подходы к методологии формирования государственно-общественных отношений в стране. Теории глобализации и глокализации, мультикультурализма, постиндустриального общества, теории социальных систем и макдональдизации создают теоретические подходы для объяснения современных общественных практик. Интегративные социологические и постмодернистские теории описывают современное общество. В социологии риска выделяют два основных подхода в интерпретации современного общества, определяемого как общество риска. В основе первого – наличие причинно – следственных связей в развитии событий. Применение данного подхода лежит в основе государственных систем регулирования рисков, базирующихся на статистических данных, количественных показателях. Данный подход в научной литературе представлен как реалистический, когда риск становится реальной опасностью с прогнозируемыми последствиями.

Социокультурное направление в изучении рисков отражено в работах М. Дугласа, У. Бека, Э. Гидденса, М. Фуко. Основное различие теорий социокультурного направления заключается в определении риска как объективно существующей опасности в конкретных социокультурных условиях, либо основным становится понятие «восприятие риска» как продукт «исторически, политически и социально обусловленного взгляда на мир» [12, с. 7]. Сложные формы социальной организации современной жизни ведут к возникновению различного рода рисков. Социальные условия жизни людей влияют на восприятие событий, позволяют по-разному интерпретировать социальные изменения, приводящие к неопределенным последствиям. А. Плоу и Ш. Кримской утверждают, что «любые решения должны приниматься ради людей, а их больше всего беспокоит потеря контроля над собственной судьбой. Поэтому измерение риска может пригодиться не само по себе, но лишь в зависимости от конкретного социокультурного контекста» [13, с. 17-18].

Помимо теоретических конструктов феномена риска выделяют ряд ключевых особенностей риска как социального явления. К таким особенностям можно отнести положительный и отрицательный потенциал риска, его способность приводить в действие инновационные механизмы, запускающие социальные изменения, создавать новые маршруты взаимодействия социальных групп. Поскольку в современном мире ценятся быстрая реакция и включение адаптационных ме-

ханизмов к ситуациям риска, риск влияет на формирование социальных качеств людей. Риск формирует реакции со стороны государственных структур и влияет на внедрение превентивных механизмов в социальные процессы. Отметим еще раз взаимное влияние ситуации риска и подвижности социальных структур общества вследствие миграционных процессов.

Коммуникации – основа современного общества, и актуальность изучения роли о взаимодействиях сегодня возрастает. Современное общество можно определить как «информационное общество», с позиции теории Д. Белла и «технологической» теории Э. Тоффлера. Существенным для научного сообщества является вопрос: «Какие знания, ценности и нормативные предписания становятся риском в обществе, чья социальная организация ориентирована на производство и потребление информации, а социальные позиции и личностная идентичность индивидов все в большей степени определяются рисками? Какова связь знания, информации, коммуникации и риска в институциональном и личностном пространстве современного социума?» [14, с. 12].

У. Бек, обращаясь к осмыслению современного состояния общества, пишет об «обществе риска» с точки зрения социологических императивов, связывая риски как естественное состояние общества, которое порождает эти риски, прежде всего с неравенством классов и социальных слоев, неравным доступом и распределением ресурсов, местом проживания и экологией рабочего пространства, нарушенными представлениями о достоинстве человека и доверии. Риски затрагивают при этом все слои населения. Риски бедности XIX в. в настоящее время сменяются рисками квалификации и здоровья. У. Бек обеспокоен рисками экологическими, которые впоследствии могут быть катастрофическими, и любые действия по спасению ситуации окажутся бессмысленными. «Игнорирование и без того невидимых рисков, которое ищет – и действительно находит (например, ситуация в третьем мире) – все новые и новые оправдания в устранении бросающейся в глаза бедности, и есть та политическая и культурная почва, на которой произрастают и процветают риски и опасные ситуации. Во взаимном наложении и конкуренции проблемных ситуаций классового, индустриального и рыночного общества, с одной стороны, и ситуаций общества риска – с другой, побеждает в сложившихся условиях и масштабах релевантности логика производства богатства – и именно поэтому, в конце концов, побеждает общество риска» [1, с. 32].

Приведем основные положения и комментарии теории общества риска У. Бека:

1. Современные риски самовоспроизводящиеся, они присущи процессу модернизации. Их

рефлексия создает новые потребности, а соответственно, порождает и новые риски. Это нормальное явление современного общества и результат коллективных решений в «пользу техноэкономических преимуществ и новых возможностей, основанных на трактовке опасностей просто как издержек прогресса». Кроме того, «высокодифференцированному разделению труда соответствует всеобщее соучастие в преступлении, а этому соучастию – всеобщая безответственность» [1, с. 38].

2. Постиндустриальные риски и опасности (прежде всего ядерной войны и экологического загрязнения планеты) являются глобальными (в пространстве и во времени), неконтролируемыми и угрожают еще не рожденным поколениям. Они некомпенсируемы, к ним не применимы обычные процедуры калькуляции и возмещения ущерба (страхования). Поэтому общество риска есть общество неопределенности [1, с. 68].

3. Риски поздней модернизации, как правило, невидимы, не воспринимаются органами чувств человека (например, радиация). «Органами» их восприятия являются научные теории и эксперименты. Следовательно, риски – дело договоренности политиков и экспертов, т. е. они – одновременно нечто реальное и нереальное...» [1].

4. В индустриальном обществе бытие определяет сознание, в то время как в обществе риска сознание (знание) определяет бытие. Последний факт поднимает вопрос о роли науки в обществе риска. С одной стороны, без науки рисков как бы не существует, что порождает веру в науку, с другой стороны, наука не может установить окончательных причинно-следственных связей (ведь абсолютная безошибочность вообще противоречит существу процесса научного познания), что порождает ее критику. Повышение же стандартов научности, настаивание на чистоте научного анализа до минимума сужает круг признанных и требующих активного вмешательства рисков.

Второй аспект проблемы заключается в разрыве между научной и социальной рациональностью. Наука «фиксирует» риски, население их «воспринимает». И эти оценки не совпадают, поскольку социальные определения рисков не зависят от их научной состоятельности. Например, беспрепятственное производство рисков изнутри подрывает авторитет предприятий с высокой производительностью труда, на которую ориентируется научная рациональность. Так, при восприятии рисков рациональность обретает социальный характер, т. е. становится вероятной или спорной. Существуют и вопросы, на которые эксперты вообще не могут дать ответ. Однако следует понимать, что «научный рационализм без социального

пуст, а социальный без научного – слеп!» [13, с. 29-31].

5. Особенности производства и распространения современных рисков предполагают глубокие изменения во всей социальной системе: возникают новые ценности, жизненные стереотипы и формы социального действия, изменяется социальная структура. В индустриальном обществе его главной движущей силой является нужда, а идеалом – равенство. В обществе риска главная движущая сила – страх, а идеал – безопасность. Когда происходит катастрофа, все классовые преимущества и различия исчезают. В случае реализации вторичных рисков срабатывает «эффект бумеранга»: производители рисков (богатые слои населения) становятся их потребителями [1, с. 40-71].

6. В современном обществе до сих пор преобладает инструментальный (технический) подход к проблеме риска и отсутствует понимание того, что главным источником рисков являются сами процессы модернизации общества, процессы принятия решений как таковые [13, с. 29-31].

Социальная рефлексия – это процесс социального обучения, для которого первостепенное значение имеют сомнение и критическое отношение к происходящему. «Под рефлексией понимается социальное осознание и осмысление происходящих изменений. Она включает как публичную, так и научную рефлексию, наличие альтернативных оценок, профессиональных практик, а также дискуссии внутри организаций и профессиональных кругов по поводу собственного развития. По мнению У.Бека, современное общество недостаточно рефлексивно. Только в радикализации модернизации и рефлексии он видит выход из его институционального кризиса. Рефлексивность должна породить новую рефлексию – радикальную социетальную самокритику и самоограничение общества, а также его самоопределение и переопределение» [13, с. 32].

Э. Гидденс раскрывает процессы колонизации будущего, взаимовлияния системного и жизненного миров и риски, связанные с переходом ценностей системного мира в жизненное пространство, например семейные и дружеские взаимоотношения. По Э. Гидденсу, можно выделить следующие основные параметры современности, касающиеся колонизации будущего:

- уменьшение риска для жизни индивидов, большие зоны их безопасности в повседневной жизни, колонизированные абстрактными системами;
- образование институционально ограниченной среды риска;
- контроль риска как ключевой аспект современной рефлексивности;

– риск возникновения событий со значительными последствиями как результат глобализации;

– противодействие всех указанных факторов перепадам внутренне нестабильного «климата риска» [15, с. 107-111].

Рутинные практики индивидов легко контролируются, обеспечивают их жизнь стабильным существованием, это то, что мы называем «повседневными практиками людей». Проблема заключается в том, что в обыденное пространство людей внедряется большое количество инновационных технологий с техническими характеристиками объектов внедрения. Что, в свою очередь, порождает риски экологические и технологические, которые трудно предсказуемы. Осознание человеком такого рода рисков становится также рутинной практикой.

Психологические тенденции в изучении рисков направлены на восприятие респондентами ситуации риска и изучение механизмов выбора альтернативного решения и социального поведения в ситуации риска. Существуют закономерности, позволяющие разграничить степень восприятия риска различными категориями граждан. Речь идет о профессионалах-экспертах в конкретной области и простых гражданах. Знания экспертов способствуют восприятию информации с точки зрения принятия рефлексивного решения, а также поднимают статус профессии или статус ученого. Непрофессионалы-обычные граждане, воспринимают событие риска или опасность с точки зрения изменений, вносимых в рутинную практику, порождающих чувство неопределенности и даже страха, которое люди по вполне понятным причинам хотели бы избежать. Либо население отрицает возможность риска, в отличие от экспертов, которые видят этот риск. Таким образом, контроль над риском становится причиной различного восприятия ситуации. При этом эксперты субъективны, они соотносят себя с различными научными школами, по-разному интерпретирующими одни и те же события [11, с. 83-87].

Поведенческий подход к изучению риска Н. Лумана основывается на принципах комплексности или неограниченности возможности установления взаимосвязей между различными элементами социальных систем. У человека в ситуации риска есть выбор между множеством возможностей, он, как считает Н. Луман, обладает редукцией комплексности. Его жизнь зависит от выбранного решения проблемы. Вероятностный характер реальности ученый представляет через понятие контингентности, что означает неопределенность будущего. Нет поведения, по Н. Луману, свободного от риска, а знания человека о ситуации субъективны. Его жизнь определяется мерой его ответственности за принятые решения. Главное,

что ущерба, наносимого от неправильного выбора, можно избежать. История сама становится контингентной, т. е. зависимой от альтернативного выбора и возможностей временных, ресурсных и факторов. «С точки зрения настоящего будущее неопределенно, в то время, как уже теперь точно известно, будущее будет определено с точки зрения его желательности или нежелательности. Только теперь еще нельзя сказать, как именно. ... С другой стороны, то, что может произойти в будущем, зависит от решения, которое следует принять в настоящем. Ибо о риске говорят только в тех случаях, когда может быть принято решение, без которого не возникло бы ущерба». [16, р. 25]

Применяя терминологию двух различий: «риск/надежность» и «риск/опасность», Н. Луман критично относится к первому различию, считая невозможным определить абсолютную надежность систем; одна и та же информация может быть интерпретирована учеными с различных научных позиций. Различение «риск/надежность» относится к математическим методам подсчета риска по надежности систем. «Риск/опасность» определяет будущий ущерб как результат процессов в окружающей среде. При ущербе же, как следствии решения, мы говорим о риске принятия решения. Различение «риск/надежность» раскрывает проблему измерения, различение «риск/опасность» подчеркивает, что применительно к риску определенную роль играет решение [13].

Когда речь идет о рисках, Н. Луман видит выход из ситуации риска в изменении структурных связей в социальных системах. Но, к сожалению, для современного общества характерны тенденции приверженности социальным связям и неприятию инновационных изменений, особенно когда речь заходит об исламской идеологии. Современное общество, используя новые технологии, сохраняет опыт и привычки прошлого [13].

Политик считает главным – избегать социальных конфликтов, стремится принять такие решения, которые бы положительно влияли на его имидж. Эффективность управления, по Н. Луману, определяется не количеством рисков, которые не состоялись, а соотношением предусмотренных и непредусмотренных рисков.

«Детерминантами разного отношения к риску в различных социальных группах могут выступать социально-экономические и социально-политические характеристики, мировоззренческие (культурные) установки, личный опыт, общественное внимание к рассматриваемой проблеме, доверие к органам власти и средствам массовой информации и многое другое» [13, с. 37].

Анализируя влияние мировоззренческих установок на восприятие ситуации риска, М. Дуглас приходит к выводу о том, что индивиды стараются поддержать привычный уклад жизни и в ситуации риска выбирают поведение, способствующее этому процессу. Культурные ценности и предпочтения также влияют на восприятие ситуации и выбор поведения в ситуации риска, а различные формы общественных отношений должны порождать отличающиеся друг от друга представления о том, что есть риск.

В научной литературе выделяются следующие группы рисков – риск социальных отклонений, технологический или экологический риск, а также экономический риск.

Соотношение модели поведения с видами рисков показывает, что выбирая иерархическую модель поведения, которая часто встречается в мусульманской среде, риск социальных отклонений воспринимается крайне отрицательно, так как нарушает социальный порядок. Представители этой модели поведения опасаются экономического риска, например безработицы, поскольку происходит ослабление социальной системы, и меньше боятся технологических опасностей, считая, что при соблюдении правил эксплуатации технических систем этот риск возможно контролировать.

Эгалитарная модель поведения не относит социальные отклонения к максимально рискованным; основной риск представители этой модели видят в сфере технологий и экономики. Например, бедность считают крайне опасной для населения.

Индивидуалисты положительно относятся к социальным изменениям, что связано с ценностью свободы выбора, и к технологическим рискам как инновационным прорывам и предпринимательской деятельности. Рынок очень важен для этой категории, поэтому просматривается крайне отрицательное отношение к экономическим рискам [13, с. 37-41].

Приведем пример еще одной типологии мировоззренческих установок или «картин мира»:

- предпринимательская – ориентированная на достижение успеха, реализацию жизненных целей, принятие конкуренции и неравенства;
- фаталистическая – предполагающая подчинение любым жизненным обстоятельствам;
- технологического энтузиазма – рассматривающая развитие технологии как путь к общественному благосостоянию;
- соглашательская – согласия с любыми решениями властных структур [11, с. 32].

Современные теории в объяснении современного мира включают синергетический подход. Социальная синергетика основывается на совершенно новом понятийном аппарате и иной си-

стеме измерений общественных событий, их анализа и интерпретации. Главные философские принципы в построении синергетической модели общества включают принципы объективности, причинности и системности, принципы структурно-функционального анализа и мотивационной теории, принципы информатизации, а также принципы неравновесной термодинамики, нелинейности и самоорганизации [17].

В научной литературе подробно раскрываются основные положения социально-синергетического подхода. К таковым ученые относят: единство общества и природы; законы самоорганизации в открытых нелинейных системах; диссипативные процессы, сформированные на механизме выкристаллизовывания порядка из хаоса с распространением этого явления на общество; принципы нелинейного мышления с использованием бифуркационных моделей развития и соответствующих показателей в анализе динамики социальных систем; процедуры эмпирической проверки перспективных идей и гипотез общественного развития методами социологии с помощью ее инструментария и учета синергетического подхода и нелинейного мышления [17].

С точки зрения синергетики социологическое исследование риска включает ряд социологических методов качественного характера. К таким методам относится метод ментальных карт. Данный метод позволяет учитывать не только объективные показатели, которыми оперируют государственные органы, но и мнение населения о существующих проблемах, определяемых как ситуации риска. При этом, как было отмечено выше, мнение экспертов не всегда совпадает с мнением населения и даже бывает противоположным. Ментальная карта как механизм синергетического направления в социологии имеет ряд преимуществ. Это создание социальных технологий в конкретном социокультурном пространстве с учетом реального состояния отдельного частного случая. Это также возможность применения концепции сложных неравновесных систем к определенной модели общества, где вероятность наступления события может быть просчитана. Для исключения ошибки исследования необходимо выявить и исключить те факторы риска, которые не определяются населением таковыми с целью не обострять обстановку в регионе.

Ментальная карта увеличивает роль информации в наделении смыслами той или иной ситуации в регионе, что находит отражение в процедурах социологического исследования. Информация в синергетике, с точки зрения теоретика синергетического подхода Г. Хакена, наделена конкретным смыслом. Ученым применяется термин «аттрактор», под которым он понимает состояние

системы, которое как бы притягивает к себе множество траекторий развития, возможных после точки бифуркаций. А «смысл сигналу можно приписать только в том случае, если мы примем во внимание отклик того, кто принял сигнал. Так мы приходим к понятию относительной значимости сигналов» [18]. Сигналы могут быть наделены смыслом или быть бессмысленными.

Процесс зарождения смысла любой информации, по Г. Хакену, становится возможным при возникновении особого рода информационной среды, существование которой поддерживается отдельными частями системы. Эти части, вступая во взаимодействия, порождают новое системное качество: возможность когерентной, кооперативной деятельности. Именно данная информационная среда и поставляет им конкретную информацию: каким образом возможно поддержание коллективной (кооперативной) деятельности. Коллективное поведение оказывается наиболее выгодным для всей сложно организованной системы. Система может переходить в различные состояния, и ей необходима информация о том, каким образом осуществлять выбор. Выбор поведения системы может быть предопределен как генетической информацией, например коллективной памятью, либо влиянием окружающей среды. Полезность информации или ее бесполезность, проверяется только путем взаимодействия с окружающей средой [18, с. 38].

Г. Хакен на примере формирования общественного мнения как коллективного явления показывает, как с точки зрения синергии мнение группы влияет на отдельного члена коллектива. При этом определяется особое значение внешних факторов, которые могут оказывать на социальную систему воздействие с целью изменения ее структуры. Система состоит из порядков различного уровня. Она может переходить из равновесного состояния в неравновесное, сохраняя при этом устойчивые параметры [14].

Пониманию субъективных факторов в оценке рисков поможет обращение к динамической модели информации Д. С. Чернавского. Ученый пишет, что ценность информации субъективна, в одном случае ценность одного и того же количества информации может быть достаточно высокой, а в другом – равной нулю. Анализ информации с точки зрения ее ценности ставит перед исследователями вопрос о механизмах возникновения ценной информации, ее эволюции. По мнению Д. С. Чернавского, наиболее актуальными на сегодняшний день являются исследования того, как ценность информации эволюционирует: неценная информация преобразуется в ценную, бессмысленная – в осмысленную, и наоборот [18].

Таким образом, информация наделяется смыслом, становится ценной или не наделена ценностью в зависимости от рецепции или выбора, продиктованного по указанию авторитетных источников. Информация обретает ценность независимо от своего первоначального состояния. В обществе существует иерархия информации, идут процессы кодирования информации в соответствии с реальными предметами и действиями. Ценная кодовая информация представляется как коллективное поведение или общественная деятельность. Информация определяет коллективный разум, ответственное отношение к жизни. Тем самым, теория Д. С. Чернавского включает в себя смыслы саморефлексирующей системы У. Бека и Э. Гидденса. На этих точках соприкосновения различных философских и социологических подходов к анализу современного состояния общества формируется новый взгляд на информационное интеллектуальное пространство.

Влияние множества траекторий развития событий, изменение условий и влияние внешних факторов в точке бифуркации могут привести к изменению состояния системы и ее новой самоорганизации. В ситуации риска такой траекторией вектора развития социальной системы могут стать отношения социальных групп, основанные на единой системе ценностей.

Существует ряд концепций, разрабатывающих теорию риска с позиции вероятностно-статистического анализа. К подобному роду концепциям относится концепция Старра и Виппла, согласно которой, обладая знаниями об объективных показателях ситуации риска, можно говорить об осведомленности населения, степени осознанности риска и поведении людей на основе альтернативности и добровольности выбора [13, с. 46].

Первичным для оценки ситуации риска является просчет возможных последствий событий с целью устранения рисков. В науке существуют подходы к определению риска как констатации опасности, угрозы физического благополучия. Такой риск наиболее остро переживается людьми и может быть определен как витальный риск. Второй подход выявляет риск с позиции действий субъекта в направлении альтернативного выбора. Два варианта взаимно дополняют друг друга, по своей сути рассматривая признание факта опасности и действия по выбору варианта выхода из ситуации опасности, в сторону рискованного или консервативного.

Коллектив ученых Института социологии РАН предлагает собственные эмпирические индикаторы риска. К ним относятся: риск-компенсация, когда люди готовы получить материальную компенсацию за риск проживания рядом с вредным предприятием (это возможность иметь жилье, дотации, страховку либо участие в прибылях);

риск-выгода – вероятность ущерба, связанная с проживанием или работой на вредном производстве, против социальных выгод и гарантий (занятость, доход, инфраструктура); риск-восприятие (тревожность) – степень опасности для здоровья жителей ряда угроз (рисков) по информации из СМИ; риск-защищенность – уровень личной социальной защищенности по заданным ситуациям; риск-допустимость – допустимость семи типов риска; риск-решение – индивидуальный выбор (решение) в ситуации: учет технологического риска при решении ряда экономических и социальных проблем региона [13, с. 176].

В качестве независимых переменных, влияющих на риск-установки, риск-отношения и риск-восприятия определены следующие: социально-демографические показатели (пол, возраст, семейное положение, наличие детей, доход, характер занятости); самоидентификация (от индивидуалистической до космополитической); отношение к вере (от веры в широком смысле до неверия); самооценка состояния и динамики здоровья; личностные особенности (ведущий/ведомый, вид локуса контроля); риск-опыт (факт пережитых потерь и ущерба); самооценка социальной защищенности; факт проживания в условиях технологического риска (например, существование градообразующего химического производства); социально-культурные/мировоззренческие стереотипы («картины мира») [13, с. 177].

Изучение социально-психологических особенностей людей в ситуации риска проводится на стыке различных научных дисциплин. Интеграция научных знаний: философских, социологических и психологических создает предпосылки для изучения механизмов формирования мнений людей относительно своего поведения в ситуации риска, влияния на этот процесс различных факторов. Целью исследований становится деятельность государственных органов по организации мероприятий, направленных на предотвращение ситуаций риска в конкретном регионе. Людью риск воспринимается как настоящее. Он может быть актуализирован как в различных формах – ожидания и воспоминания, рационального анализа и сценария, прогноза и оценочного высказывания о негативном событии. Риск рефлексировается в ментальном и социально-коммуникативном пространстве. Риск, по мнению Дж. Беннета, выражает «фундаментальную неопределенность и всеобщую рискованность бытия», репрезентирует предел способности контроля и планирования событий жизни человеком, предопределяет сферу пограничных или даже критических феноменов социальной реальности, которые имеют место на границе физического, психического и социального мира [14, с. 14].

Риск интерпретируется людьми как желательное или нежелательное событие в зависимости от необратимости альтернативного выбора или добровольного создания ситуации риска вследствие психологических особенностей (риск занятия альпинизмом, например). Риск направлен на реализацию конкретной цели, либо риск – это опасность, требующая действий, ее предупреждающих в будущем. Главным тогда становится наличие ресурсной базы настоящего по его предотвращению, а также ценностной составляющей и установок на выбор механизма, препятствующего нежелательным последствиям ситуации риска в дальнейшем.

Таким образом, риск содержит механизмы внутренней организации, выполняет определенные функции в обществе, проявляется на различных уровнях социальной организации жизни и ограничен временными рамками.

Группы методов, применимых к анализу ситуации риска – это метод экстраполяции и метод каузального объяснения.

Метод экстраполяции позволяет создавать прогнозы развития событий в единой траектории, без вариативности развития будущих событий на основе анализа и типологизации предыдущего опыта.

Метод каузального объяснения позволяет исследовать причинно-следственные взаимосвязи. «Метод экстраполяции служит прогнозированию будущего, цель каузального метода – в анализе причин, а все вместе они являются средствами идентификации и минимизации риска. Эти методы отражают главным образом позицию математической аксиоматики, в соответствии с которой риск связан с комбинацией упорядоченных каузальных связей, точнее, циклических процессов, и случайных событий. Случайность выражается в двух измерениях: в вероятности для одного определенного события («неопределенности первого порядка»), во втором случае она связана с распределением неблагоприятных событий при заданной вероятности («неопределенность второго порядка») [11, с. 21-22].

Выводы

Вышеназванные теории наделяют риск следующими характеристиками: контингентностью, рефлексивностью, нелинейностью, системностью, коммуникативностью.

Культурно-антропологический подход М. Дугласа определяет риск как состояние неустойчивости между традиционным и инновационным знанием [20], обратной реакцией субъекта на кризисы конструирования индивидуальной повседневной реальности.

В соответствии с социальным подходом риск представляется как смысл и ценность, как характеристика, выражающая специфику современных социальных коммуникаций. Риск в этом аспекте перестает пониматься негативно и становится нормой, частью жизненного мира. В своей основе риск – это результат неправильного функционирования механизмов конструирования и воспроизводства социальной реальности через разрушение повседневности, гарантирующей человеку «онтологическую безопасность». [21, с. 114]

Уровни восприятия социального риска представлены в двух характеристиках: «Мы-отношения» – (социальный риск воспринимается человеком как угроза, и, соответственно, требует выстраивания определенной жизненной стратегии) и «Они-отношения» – (негативные последствия не затрагивают жизненный мир субъекта и его ближайшее окружение, либо субъекту о них неизвестно).

Риск может быть интерпретирован как интерсубъективное понятие в трех реальностях: «в индивидуально-групповых (личностных) практиках классификации и типизации общественных явлений, организующих формы восприятия, понимания, оценки и проектирования людьми собственной жизни; в коммуникативных обменах людей репертуарно-ролевыми наборами своего места в социальной структуре относительно других групп (самоопределения и определения себя с позиции других); в сознании отдельного «представителя» группы, выражающего свое отношение к ситуациям «здесь-и-теперь» репертуарами оценок в горизонте идеалов, утопий, проектов «наилучшего» общественного устройства» [14].

Субъективно поведение человека в ситуации риска можно выявить по степени реализации им принципов свободного выбора и ответственности. Риск в современной динамичной жизни – это осознание моральных, этических последствий внедрения различного рода инновационных технологий в социальную жизнь (не столько технологических, сколько социальных). Риск определяет свободу выбора альтернативных решений, направленных на изменение социальных условий существования в сторону повышения благосостояния, стабильности. Чаще всего у населения диагностируется тревожное состояние, связанное с политическими и экономическими трудностями в зоне совместного проживания различных конфессиональных и этнических групп. Решения, принимаемые населением в ситуации риска, зависят от степени контролируемости ситуации. Наблюдая связь психологических состояний людей, их пассивность или активность в решении насущных проблем, можно говорить о трех составляющих. Это осведомленность населения о ситуации, вызывающей опасение, осуществление контроля при решении проблемы и свобода выбора альтернативных решений. Говоря о ситуации риска в масштабе социума, нельзя забывать, что тревожное состояние всегда индивидуально, а личный контроль и готовность к действию – взаимосвязанные процессы.

Выбор альтернативного варианта решения проблемы обусловлен наличием всевозможных объективных и субъективных факторов, и при этом он может быть дополнен включением в этот процесс этических основ жизни людей, моральных и ценностных составляющих.

Литература

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И., Гаязова Э.Б., Алексеев С.А. Социокультурные особенности молодежного экстремизма. Казань: Изд-во КНИТУ, 2015. 188 с.
3. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Алексеев С.А. Особенности проявления миграционных и этноконфессиональных региональных рисков в г. Казани // Управление устойчивым развитием. 2019. № 3 (22). С. 57-62.
4. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Фатхуллина Л.З., Алексеев С.А. Миграционные и этноконфессиональные региональные риски в восприятии населения // Управление устойчивым развитием. 2018. № 5 (18). С. 41-44.
5. Зинурова Р.И. Этническая социализация молодежи. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2004. 453 с.
6. Зинурова Р.И. Актуальная молодежная повестка дня в Республике Татарстан // Управление устойчивым развитием. 2019. № 6 (25). С. 57-62.
7. Саенко Л.А., Тузиков А.Р., Зинурова Р.И., Алексеев С.А. Социальное самочувствие молодежи регионов России. Казань: Изд-во КНИТУ, 2017. 148 с.
8. Сагитова Л. В. Традиционное и новое в исламе: кейс Средняя Елюзань // Социологические исследования, 2012, № 2. С. 104-114.

9. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. Москва: Московский Центр Карнеги¹, 1998. 222 с.
10. Татар-информ. Минниханов проведет заседание группы «Россия — Исламский мир» по вопросам борьбы с экстремизмом. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/minnihanov-provedet-zasedanie-gruppy-rossiya-islamskiy-mir-po-voprosam-borby-s-ekstremizmom> (дата обращения: 20.05.2023)
11. Риск в социальном пространстве. Москва: Изд-во Института социологии РАН, 2001. 347 с.
12. Яницкий О. Социология риска. Москва: Издательство LVS, 2003. 192 с.
13. Зубков В.И. Социологическая теория риска. Москва: Изд-во РУДН, 2003. 230 с.
14. Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты Саратов: Саратовский источник, 2006. 295 с.
15. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5. С.107-111.
16. Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin, NewYork: WalterdeGruyter, 1991. 252 p.
17. Котельников Г.А. Теоретическая и прикладная синергетика. Белгород: БелГТАСМ; Крестьянское дело, 2000. 162 с.
18. Скородумова О. Б. Отечественные подходы к интерпретации информационного общества: постиндустриалистская, синергетическая и постмодернистская парадигмы // Знание. Понимание. Умение: информационный гуманитарный портал. 2009. № 4. Культурология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Skorodumova/> (дата обращения: 20.05.2023).
19. Г. Хакен. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. Москва: Мир, 1985. 424 с.
20. Дуглас М. Риск как судебный механизм // Thesis. 1994. № 5. С. 242-253.
21. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность // Современная теоретическая социология. Москва: ИНИОН РАН, 1995. С. 95-113.

Сведения об авторах:

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института управлениями инновациями, зав. каф. менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой государственного управления, истории, социологии, зам. директора Института управлениями инновациями, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Zinurova Raushaniia Ilshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Innovation Management, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Head of the Department for Public Administration, History, Sociology, Deputy Director of the Institute of Innovation Management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

---

¹Московский Центр Карнеги – прекратил свою работу на территории РФ по распоряжению Минюста. Признан иностранным агентом.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК: 378.046.4

DOI: 10.55421/2499992X_2023_3_86

С. Г. Карстина, Г. Р. Хусаинова, М. Ф. Галиханов

**РАЗРАБОТКА ДИЗАЙНА И ИНСТРУМЕНТОВ УРОВНЕВОГО ОЦЕНИВАНИЯ
В ГРУППОВОМ ПРОЕКТНОМ ОБУЧЕНИИ ИНЖЕНЕРНЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ**

Ключевые слова: групповая работа, групповое решение, проектная работа, оценивание, экспертная оценка, самооценка, критерии оценивания, проектное обучение.

В условиях динамичных социальных, экономических, технологических трансформаций современного мира методы проблемно-, практико- и проектно-ориентированного группового обучения становятся все более востребованными в подготовке инженерных кадров. Их применение обеспечивает готовность выпускников к выполнению бизнес-проектов, проведению научно-конструкторских разработок, проектированию технологических решений, созданию инновационной продукции. Вместе с этим групповые методы обучения требуют от преподавателей применения различных стратегий и инструментов оценки обучающихся при выполнении проектной работы, регулярной актуализации содержания учебных программ, подходов и методов в обучении. Выбирая метод оценивания преподаватель должен учитывать ожидания и потребности обучающихся, сформулировать цели и результаты обучения, определить пути их достижения, предложить различные форматы групповой работы, формы обратной связи, инструменты самооценки обучающимися собственного прогресса и эффективности обучения. С учетом этого цель настоящего исследования заключается в обеспечении более глубокого понимания роли самооценки и экспертной оценки при оценивании групповых проектов, разработке собственной системы уровневого оценивания для технологии проектного обучения и ее обоснования на примере группы слушателей модуля «Проблемно-ориентированное, проектно-ориентированное и практико-ориентированное обучение» из Казанского национального исследовательского технологического университета (КНИТУ). Рассматриваемый в работе модуль входит в программу повышения квалификации преподавателей инженерного профиля, разработанную в рамках международного проекта ENTER «EngineeriNg educatoRs pEdagogical tRaining», софинансируемого программой Эразмус+ Европейского Союза. Представленные в статье результаты получены на основе анализа результатов самооценки и экспертной оценки проектной работы слушателей модуля. Корреляционный анализ применялся в работе для оценки степени взаимосвязи между парами оцениваемых критериев. На основании проведенных исследований в работе определены основные факторы повышения инициативности членов проектных групп и эффективности проектной работы с максимальным вовлечением всех членов проектных команд для достижения качественных результатов проектной деятельности.

S. G. Karstina, G. R. Khusainova, M. F. Galikhanov

**DEVELOPMENT OF DESIGN AND TOOLS FOR LEVEL ASSESSMENT
IN GROUP PROJECT-BASED LEARNING FOR ENGINEERING TEACHERS**

Keywords: group work, group decision, project work, assessment, expert assessment, self-assessment, assessment criteria, project-based learning.

In the context of dynamic social, economic, and technological transformations of the modern world methods of problem-, practice-, and project-based group learning are becoming more in demand during engineering training. Their use ensures graduates' readiness to implement business projects, conduct research and development, design technological solutions, and create innovative products. At the same time, group work methods need different strategies and tools for assessing students project work, regular updating of curriculum content, approaches and methods in teaching. Choosing a method of assessment educator should take into account the expectations and needs of learners, formulate goals and learning outcomes, identify ways to achieve them, offer different forms of group work, forms of feedback, tools for self-assessment of learners' own progress and learning effectiveness. With this in mind, the aim of the present study is to provide better understanding of the role of

self-assessment and expert evaluation in group project assessment, to develop its own system of level-based assessment for project-based learning technology and justify it on the example of a group of educators studying the module «Problem-based, Project-Based and Practice-Oriented Learning» from Kazan National Research Technological University (KNRTU). The module under consideration is a part of the continuing training program for engineering educators developed within the framework of international ENTER project «EngineeriNg educoTors pEdagogical tRaining», co-funded by Erasmus+ program of the European Union. The results presented in the article were obtained on the basis of the analysis of the self-assessment and expert assessment of the project work of the educators studying the module under consideration. We used correlation analysis to assess the degree of correlation between pairs of evaluated criteria. Based on the research, the paper identifies the main factors of increasing the initiative of project team members and efficiency of project work with the maximum involvement of all members of project teams to achieve quality results of project activities.

1. Введение

Методы проблемно-, практико- и проектно-ориентированного обучения широко используются в подготовке инженерных кадров. Их применение обеспечивает готовность выпускников к выполнению бизнес-проектов, проведению научно-конструкторских разработок, проектированию технологических решений и созданию инновационной продукции. Используемые при этом формы групповой работы должны позволить преподавателю оценить результаты работы каждого участника группы и его индивидуальный вклад в выполнение группового задания, обеспечить соблюдение принципов объективности, независимости, непрерывности, гибкости, открытости при оценивании, исключить случаи уклонения некоторых обучающихся от выполнения своих заданий в групповой работе и присоединения к финальному результату, не достигнув необходимых навыков и компетенций [1].

1.1. Актуальность проблемы

Для эффективной оценки обучающихся при выполнении групповой проектной работы следует использовать различные стратегии и соответствующие инструменты, позволяющие обеспечить регулярную актуализацию содержания учебных программ, используемых подходов и методов в обучении, совершенствование процедур оценивания, повышение эффективности междисциплинарного обучения, выявление эффективности, прогресса и успеха обучающихся [2]. К их числу можно отнести инструменты обратной связи, самооценку, взаимооценку. При организации проектной работы обучающихся важно определить четкие критерии и индикаторы оценивания уровней достижений обучающихся (рубрикаторы), план оценивания, включающий в себя определение целей, выбор методов и подбор инструментов, исходя из задач учебного проекта на каждом его этапе: подготовительный этап, в начале выполнения проекта,

во время работы над проектом, после завершения проекта [3-5].

Выбирая метод оценивания преподаватель должен сделать предварительную оценку ожиданий и потребностей обучающихся, определить формат и порядок оказания помощи обучающимся при выполнении проектной работы, разработать инструкции для каждого этапа работы над проектом, предложить инструменты для самооценки обучающимися собственного прогресса и эффективности обучения, предложить инструменты обратной связи для оценки достигнутых результатов обучающимися, полученных навыков сотрудничества, умения работать в группе, сформулировать цели и результаты обучения, определить пути их достижения [6-9].

Планирование личного вклада каждого участника команды в общий результат групповой работы происходит в рамках подготовки календарного план-графика работ, распределения ролей и сфер ответственности. Такой подход позволяет преподавателю осуществлять контроль за ходом выполнения учебного проекта и обеспечивать обратную связь по результатам выполнения каждого запланированного этапа работы над проектом [1].

1.2 Цель и задачи исследования

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы способствовать более глубокому пониманию роли самооценки исполнителей проекта и экспертной оценки коллег при оценивании групповых проектов и предложить собственную систему уровневого оценивания для технологии проектного обучения.

Для достижения поставленной цели в работе были поставлены следующие задачи: 1) оценка эффективности применения слушателями модуля программы повышения квалификации преподавателей инженерных дисциплин в вузе «Проблемно-ориентированное, проектно-ориентированное и практико-ориентированное обучение» различных стратегий поддержки проектной работы (например, распределение ролей,

определение правил работы и взаимодействия в группе, взаимное оценивание на разных этапах выполнения проекта), 2) определение факторов, влияющих на инициативность членов проектной группы и эффективность проектной работы на основании результатов самооценки и экспертной оценки, 3) выявление и определение степени корреляции между результатами самооценки исполнителей проектов и экспертной оценки коллег, 4) выбор инструментов и критериев оценивания результатов проектной работы на различных уровнях проектной работы и определение корреляционных зависимостей между ними, 5) подготовка рекомендаций по развитию дополнительных компетенций участников групповой проектной работы, необходимых для улучшения проектной деятельности.

2. Методология исследования

2.1. Методы и методики исследования

Представленные в настоящей работе результаты исследования получены на основе анализа результатов проектной работы слушателей модуля «Проблемно-ориентированное, проектно-ориентированное и практико-ориентированное обучение», форм, методов и средств организации группового проектного обучения, используемого инструментария по оценке проектной деятельности слушателей модуля и полученных на его основе результатов. Рассматриваемый в работе модуль разработан Национальным исследовательским Томским политехническим университетом (ТПУ), Казанским национальным исследовательским технологическим университетом (КНИТУ), Политехническим институтом Порто (INSTITUTO POLITECNICO DO PORTO) в рамках международного проекта ENTER «EngineeriNg educatoRs pEdagogical tRaining», софинансируемого программой Эразмус+ Европейского Союза. Основная цель модуля – развитие компетенций и способностей преподавателей инженерных дисциплин организовывать в рамках своих курсов проблемно-ориентированную и практико-ориентированную деятельность студентов в форме проектных работ. Рассматриваемый модуль состоит из 5 разделов: 1) Введение в курс (4 % от общего объема модуля); 2) Проблемно-ориентированное обучение (20 % от общего объема модуля); 3) Практико-ориентированное обучение (20 % от общего объема модуля); 4) Проектно-ориентированное обучение

(42 % от общего объема модуля); 5) Оценка результатов обучения слушателей (14 % от общего объема модуля). Объем модуля – 50 академических часов (2 ECTS), включая 6 часов лекций, 8 часов семинарских занятий, 12 часов работы над проектом, 24 часа самостоятельной работы. Результаты обучения (РО) по данному модулю [10] образуют шесть уровней развития слушателей, определяющих их готовность применять проблемно-ориентированное, практико-ориентированное, проектно-ориентированное обучение в рамках преподаваемых учебных дисциплин и модулей (рис. 1).

Сбор информации для анализа проводился с помощью Google форм, содержащих открытые и закрытые вопросы, шаблоны для SWOT-анализа. *Корреляционный анализ* применялся в работе для оценки степени взаимосвязи между парами оцениваемых критериев. Рассчитываемый коэффициент корреляции (r) может быть равен -1 или 1 при линейной зависимости оцениваемых критериев. Если $r > 0$, то связь между оцениваемыми критериями положительная (прямая), т.е. оба оцениваемых критерия одновременно возрастают или убывают. При $r < 0$ связь отрицательная (обратная), т.е. с возрастанием одного оцениваемого критерия другой будет иметь устойчивую тенденцию к убыванию. Абсолютные значения ($|r|$), близкие к нулю, означают, что связь между случайными величинами либо слабая, либо не носит линейного характера. Для анализа результатов самооценки и экспертной оценки в работе учитывались значения вычисленных коэффициентов корреляции r , лежащие в пределах от 0,7 до 1. В указанном диапазоне значений коэффициентов корреляции r интервал от 0,7 до 0,9 соответствует сильной корреляции, от 0,9 до 0,99 – очень сильной корреляции, от 0,99 до 1 – практически функциональной корреляции.

2.2. Экспериментальная база исследования

Исследование проводилось с участием группы слушателей модуля «Проблемно-ориентированное, проектно-ориентированное и практико-ориентированное обучение» из Казанского национального исследовательского технологического университета (КНИТУ). Все слушатели являются преподавателями дисциплин различного профиля. Общее количество слушателей – 28 человек. Из числа слушателей 73 % имеют стаж научно-педагогической деятельности более 10 лет, 27 % – от 5 до 10 лет.

Рис. 1 – Уровни развития слушателей модуля «Проблемно-ориентированное, проектно-ориентированное и практико-ориентированное обучение»

2.3. Этапы исследования

К моменту начала обучения по модулю 30,8 % слушателей регулярно применяли проблемно-ориентированное, практико-ориентированное, проектно-ориентированное обучение в своей профессиональной деятельности, 65,4 % – иногда использовали эти методы в рамках отдельных дисциплин, учебных модулей, курсов и т.д. [10]. В рамках выполняемых промежуточных заданий и итогового проекта слушатели смогли систематизировать свои знания и опыт по организации проектной деятельности студентов, получить необходимые дополнительные профессиональные навыки и компетенции. В результате, как показал анализ данных по самооценке, 42,3 % слушателей получили необходимый опыт и знания для практического применения методов проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения, 61,5 % – для проведения научных исследований и 46,2 % – для проведения педагогических экспериментов в данной области [10]. Учитывая профессиональный опыт слушателей и достигнутые ими результаты в ходе обучения по рассматриваемому модулю при организации процедуры оценивания итоговых групповых проектов нами были использованы формы самооценки исполнителей проектов и экспертной оценки (оценка коллег).

При формировании проектных групп важно было обеспечить наиболее комфортные условия для работы и взаимодействия, высокий уровень взаимного доверия, понимания и уважения, исключить постороннее влияние на членов групп, обеспечить своевременную диагностику и разрешение противоречий, создать условия для постоянной коммуникации членов групп. В соответствии с этим проектная работа проводилась в междисциплинарных группах по 4-5 человек, самостоятельно сформированных слушателями модуля. При выполнении проектных работ члены групп самостоятельно распределяли роли. Слушатели курса имели возможность использовать различные методы групповой работы: мозговой штурм для выявления и формулирования проблем, групповая дискуссия, разбор конкретных ситуаций, SWOT-анализ, детализация проектных задач и последовательно-параллельное их решение. Такой подход позволял слушателям объединить знания, навыки, опыт при решении проблем, повысить ценность вклада каждого члена команды, обеспечить взаимную поддержку, проявить креативные компетенции, индивидуальность, потенциальные возможности, повысить мотивацию к групповой работе и достижению результатов обучения, погрузиться в условия социального взаимодействия, основанного на мотивационных, социаль-

ных и когнитивных аспектах, улучшить понимание своих академических и профессиональных возможностей, обеспечить междисциплинарный подход на этапах анализа и решения проектной проблемы [11]. При этом, отношения между членами проектной группы, мотивация и личностные качества членов групп рассматривались нами как важные предикторы успеха проектной работы [12].

Работа над итоговым проектом по курсу включала разработку 1) двух групповых мини-проектов с целью выявления способов внедрения практико-ориентированного, проблемно-ориентированного обучения в собственные инженерные курсы, включая определение проблемных ситуаций, создание списка идей практических проектов, методов и инструментов для проблемно-ориентированного обучения (PBL), выбор конкретных форм практико-ориентированного обучения, поиск связей с реальным сектором экономики; 2) группового проекта, направленного на трансформацию содержания преподаваемой инженерной дисциплины/раздела путем четкого определения целей проектно-ориентированного обучения, средств организации образовательной среды, инструментов контроля и оценки учебных проектов; 3) процедур контроля и оценки собственного учебного курса с применением проблемно-ориентированного и/или практико-ориентированного обучения в форме учебных проектов. Преподавателем модуля была организована обратная связь по каждому из перечисленных этапов. Такой подход обеспечивал накопительный формат проектной работы, т.е. каждое промежуточное задание являлось этапом выполнения итогового проекта.

2.4. Оценочные критерии

Оценка результатов выполнения проектов рассматривалась нами как один из важных аспектов процесса обучения и инструмент сбора информации об учебных достижениях слушателей. Оценивание проекта проводилось в процессе его планирования, выполнения и презентации после завершения.

3. Результаты исследования

3.1 Разработка рубрикаторов, критериев и индикаторов оценки проектной работы слушателей

При выполнении проектов по трансформации преподаваемых учебных дисциплин/разделов важно было организовать обсуждение в

группах таких вопросов, как 1) Для каких секторов экономики, производственных отраслей в большей мере подходит проблемно-ориентированное, практико-ориентированное, проектно-ориентированное обучение? 2) Каковы перспективы применения проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения в инженерном образовании? 3) Какие существуют препятствия в применении проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения в инженерном образовании и каковы пути их преодоления? 4) Какие административные службы и дополнительные ресурсы необходимы университету для внедрения проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения в инженерном образовании? 5) Что является источником идей при выборе тем для индивидуальных и/или групповых проектов для ваших курсов?

В рамках работы над итоговым проектом слушатели должны были разработать план проекта, включающий:

- самооценку преподаваемой дисциплины с описанием основных «проблемных» областей, которые необходимо улучшить;
- поэтапный план улучшения преподаваемой дисциплины/разделов: основные этапы/действия, необходимые ресурсы, ожидаемые результаты обучения при применении проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения;
- составление списка тем для студенческих проектов на основе установленных связей с реальной экономикой. При этом темы студенческих проектов должны были быть направлены на развитие навыков, специфических для данной дисциплины, или интерпретацию знаний, специфических для данной дисциплины, актуальных для карьеры будущих выпускников, для решения типичных рабочих ситуаций, развитие навыков совместной работы и сотрудничества.

Для организации проектной работы слушателям был предложен следующий алгоритм деятельности:

- анализ вызовов (национальные стратегии развития, вызовы, тенденции и другое);
- поиск противоречий;
- определение проблемы, описание и анализ проблемной ситуации;
- определение цели проекта;
- описание ожидаемых результатов;
- проведение маркетингового исследования;
- оценка последствий для окружающей среды, экономики, общества;
- постановка задач;

- выбор методов и инструментов для выполнения проекта;
- анализ и выбор необходимых ресурсов;
- планирование работы над проектом;
- организация и выполнение работы по проекту;
- внедрение результатов проекта;
- представление (презентация) результатов проекта.

Самооценка и экспертная оценка были направлены на определение достигнутых результатов слушателей по модулю, включая такие аспекты, как умение предлагать темы для проблемного и практико-ориентированного обучения в рамках собственных инженерных дисциплин, определять этапы работы над проектом, выстраивать взаимодействие между членами группы при выполнении проекта. В соответствии с этим в работе предложено систему

оценивания разделить на три уровня: мотивационный, операционный, рефлексивно-креативный (табл. 1).

По каждому из этапов оценивания преподавателем модуля совместно со слушателями на основе теоретического лекционного материала и опыта практического применения методов проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения в преподаваемых дисциплинах был разработан рубрикатор и определены критерии и индикаторы оценивания. Такой подход позволил обеспечить прозрачность системы оценивания для слушателей, что является важным для понимания ими достижимости планируемых результатов обучения, распределения приоритетов и определения ключевых направлений проектной работы [13-15].

Таблица 1 – Уровни, критерии и формы оценивания проектной работы

Уровни оценивания	Критерии оценки	Формы оценивания
Мотивационный	Анализ вызовов; выявленные противоречия; выбор проблемы и анализ проблемной ситуации; цели проекта и ожидаемые результаты проекта; методы и инструменты выполнения проекта; анализ ресурсов; результаты проекта; перспективы внедрения результатов проекта.	Самооценка и экспертная оценка
Операционный	Системность; актуальность; ориентированность на достижение целей; прозрачность; ответственность; обеспеченность ресурсами; управляемость; эффективность.	Самооценка и экспертная оценка
Рефлексивно-креативный	Коммуникация между членами команды; инициативность членов команды; равномерность вовлечения всех членов команды в выполнение проекта; равномерность в распределении ролей и ответственности за каждый этап проекта; план работы над проектом; достигнутые цели и результаты проекта; перспективы внедрения результатов; достаточность теоретических знаний для выполнения проекта; достаточность практического опыта для выполнения проекта; руководство проектом.	Самооценка

Остановимся более подробно на предложенных в данной работе уровнях оценивания и используемых для каждого из них критериях и индикаторах.

Мотивационный уровень оценивания включал восемь критериев: 1) анализ вызовов; 2) выявленные противоречия; 3) выбор проблемы и анализ проблемной ситуации; 4) постановка цели проекта и определение ожидаемых результатов проекта; 5) выбор методов и инструментов выполнения проекта; 6) анализ ресурсов; 7) полученные результаты проекта; 8) перспективы внедрения результатов проекта. Для оценки выполнимости применяемых критериев были использованы следующие индикаторы: 1) актуальность и релевантность проблемных ситуаций/проектных идей, 2) обоснованность выбора методов и инструментов, 3) соответствие оценки необходимости ресурсов цели и ожидаемым результатам проекта, 4) возможность практического применения предлагаемой проблемно-ориентированной и/или практико-ориентированной структуры учебной дисциплины/раздела, 5) качество презентации, 6) качество и обоснованность ответов.

Для операционного уровня оценивания проекта были использованы следующие критерии: 1) системность, 2) актуальность, 3) ориентированность на достижение целей, 4) прозрачность, 5) ответственность, 6) обеспеченность ресурсами, 7) управляемость, 8) эффективность.

По критерию «Системность» оценивался проведенный слушателями анализ основных систем и подсистем, заинтересованных в результатах проекта, анализ потенциала проекта (SWOT-анализ), анализ взаимосвязей между элементами проекта. Согласно предложениям слушателей при оценке выполнимости критерия «Системность» также были использованы следующие индикаторы: результаты проекта соответствуют законодательным и нормативным документам, в проекте обеспечена связь между элементами предварительной проектной работы и итоговым результатом, проведен анализ логистических схем и ресурсообеспечения, определены ключевые стейкхолдеры (обучающиеся, образовательная организация, промышленные партнеры), выявлены и объективно оценены сильные стороны проекта, возможные риски и угрозы, при выполнении проекта использованы междисциплинарные подходы, обеспечена связь с профессиональной деятельностью исполнителей проекта, проведен анализ проблем с позиций значимости для потенциального потребителя и реализуемости, проведен анализ внешних и внутренних факторов, влияющих на результативность проекта, выстроена целостная концепция работы над проектом.

В категории «Актуальность» оценивались результаты проведенного исследования, в том числе маркетингового, анализ выявленных тенденций и оценка потребностей заинтересованных сторон, мотивов и стимулов. Слушателями модуля дополнительно было предложено оценивать проект как актуальный, если 1) проект ориентирован на реальное производство и повышение его конкурентоспособности, на конкретного потребителя, требования рынка к качеству продукции, 2) проект соответствует целям устойчивого развития, 3) проект содержит анализ основных тенденций соответствующей отрасли, 4) на результаты проекта получена положительная экспертная оценка промышленных партнеров, 5) выполнение проекта основано на результатах анализа литературных и патентных источников информации, актуальной нормативно-технической документации.

В категории «Ориентированность на достижение целей» оценивалось формулирование целей, задач проекта и их декомпозиция, выбор показателей оценки достижения целей и задач проекта. По мнению слушателей, проект можно считать ориентированным на достижение целей, если его результаты способствуют повышению конкурентоспособности предлагаемой продукции и спроса на нее, в проекте четко проведен детальный анализ решаемой проблемы, сформулированы цель и задачи проекта, пути их достижения, определены критерии оценки достижимости цели и задач проекта.

В категории «Прозрачность» оценивались выбранные стратегии по распространению и представлению результатов проекта, коммуникационные и рекламные стратегии. Слушателями предложено работу над проектом считать соответствующей требованию прозрачности, если между членами проектной группы определены каналы коммуникации, налажена обратная связь с преподавателем и между исполнителями проекта, результаты работы над проектом доступны через различные информационные ресурсы, разработана рекламная стратегия.

В категории «Ответственность» оценивалась профессиональная, социальная, экологическая ответственность разработчиков проекта, в том числе с учетом Целей устойчивого развития. Слушателями определены следующие дополнительные критерии оценки соответствия работы над проектом требованию ответственности: разработчики осознают профессиональную, социальную, экологическую ответственность за результаты проекта, результаты проекта являются корректными и достоверными.

В категории «Обеспеченность ресурсами» оценивались результаты анализа разра-

ботчиками необходимых материальных, финансовых, интеллектуальных, информационных, временных, образовательных ресурсов и выбор стратегии по управлению ресурсами. Слушателями предложено считать проект обеспеченным ресурсами, если для выполнения проекта имеются необходимая материально-техническая база, интеллектуальные, временные, программно-информационные, финансовые, кадровые, административные ресурсы.

В категории «Управляемость» оценивалось планирование работ по выполнению проекта (время, место, рабочие пакеты, план и график работ). По мнению слушателей, проект можно оценить как управляемый, если его исполнителями разработан подробный, детализированный календарный план по каждому этапу работы над проектом, установлены четкие временные рамки завершения работы по каждому этапу проекта и доведены до сведения всех членов проектной группы, назначены ответственные по каждому этапу проекта, предоставлены регламентирующие документы, определена последовательность работ и выявлена взаимозависимость между результатами каждого этапа проектной работы, разработаны формы оценочных средств.

В категории «Эффективность» оценивалось соответствие результатов поставленной цели и заявленным показателям, презентация проекта и разработанные рекомендации по внедрению результатов проекта. Слушателями предложено оценивать проект как эффективный, если членами проектной группы проведена оценка возможности внедрения идей и результатов проекта в реальный сектор производства, определены критерии оценивания этапов проекта, соответствия полученных результатов поставленным цели и задачам, определены пути внедрения результатов проекта, при выполнении проекта максимально задействованы все доступные ресурсы.

Рефлексивно-креативный уровень оценивания включал десять критериев: 1) коммуникация между членами команды; 2) инициативность членов команды; 3) равномерность вовлечения всех членов команды в выполнение проекта; 4) равномерность в распределении ролей и ответственности за каждый этап проекта; 5) планирование работы над проектом; 6) достигнутые цели и результаты проекта; 7) перспективы внедрения результатов; 8) достаточность теоретических знаний для выполнения проекта; 9) достаточность практического опыта для выполнения проекта; 10) руководство проектом. Для оценки выполнимости применяемых критериев были использованы следующие индикаторы: 1) применение различных форм и видов обратной

связи, каналов коммуникации; 2) создание условий для учета мнений и предложений всех членов проектной группы; 3) равномерное распределение ролей между всеми членами проектной группы с учетом их возможностей и желания, отсутствие в проектной группе членов, уклоняющихся от работы над проектом; 4) наличие детализированного плана работы над проектом, выделение основных этапов работы, сроков исполнения и ответственности; 5) применение различных инструментов оценки достижимости результатов проекта; 6) определение сферы применимости результатов проекта в рамках учебного курса или его разделов, применимость предложенных методов и инструментов при организации проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения студентов; 7) актуальность и релевантность проблемных ситуаций и проектных идей, инновационность и обоснованность предлагаемых решений, наличие правильного понимания социального воздействия результатов проекта; 8) наличие необходимых теоретических знаний для выполнения проектной работы, знание типичных примеров применения проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения студентов в учебных курсах и модулях; 9) наличие навыков, связанных с применением профессионального инструментария и выполнением профессиональных процессов; 10) применение различных инструментов управления проектом, наличие лидера в проектной группе.

Критерии всех уровней оценивались по шкале от 1 до 5, где 1 – очень низкий; 2 – низкий; 3 – средний; 4 – выше среднего и 5 – высокий. Для сравнения результатов работы отдельных групп использовалась оценка уровня эффективности группы на основе рейтингового оценивания заданий, усредненных групповых баллов по итогам самооценки и экспертной оценки.

Использование совместно разработанных со слушателями критериев и индикаторов оценивания при самооценке и экспертной оценке итоговых проектов позволило выявить прогресс слушателей в достижении результатов обучения данного курса, уменьшить неправильное толкование критериев оценивания и повысить достоверность и надежность процесса оценивания. При оценивании результатов проекта слушатели и эксперты использовали одни и те же индикаторы и критерии для мотивационного и операционного уровней. Рефлексивно-креативный уровень оценивания использовался только для самооценки. При этом ожидалось, что результаты рефлексивно-креативного уровня самооценки проектов будут коррелиро-

вать с результатами мотивационного и операционного уровней самооценки. Проведенный нами корреляционный анализ показал, что коэффициенты корреляции между результатами рефлексивно-креативного и мотивационного уровней самооценки и рефлексивно-креативного и операционного уровней самооценки меньше 0,5 и в большинстве своем не превышают 0,3, что указывает на их слабую корреляцию. Вместе с этим, анализ результатов рефлексивно-креативного уровня самооценки показал, что сильная корреляционная зависимость наблюдалась между такими критериями, как коммуникация между членами команды и инициативность членов команды ($r = 0,84$), инициативность членов команды и план работы над проектом ($r = 0,77$). Это наблюдение позволяет сделать вывод, что инициативность членов команды будет тем выше, чем лучше организована коммуникация между членами команды и чем лучше группой спланирована работа над проектом. При этом, инициативность членов команды слабо зависит от достижимости целей и результатов проекта, перспектив внедрения результатов проекта (коэффициенты корреляции для этих критериев $r < 0,2$), умеренно зависит от уровня теоретической

и практической подготовки членов проектной группы (коэффициенты корреляции r для этих критериев равны соответственно 0,46 и 0,35), заметно зависит от равномерности вовлечения всех членов команды в выполнение проекта, равномерности в распределении ролей и ответственности за каждый этап проекта, управления проектом (коэффициенты корреляции для этих критериев $r > 0,6$). Кроме того, равномерность вовлечения всех членов команды в выполнение проекта сильно зависит от равномерности в распределении ролей и ответственности за каждый этап проекта (коэффициенты корреляции для этих критериев $r = 0,77$). Наблюдаемые зависимости инициативности членов проектной команды от критериев рефлексивно-креативного уровня самооценки представлены на рис. 2. Таким образом, на основании корреляционного анализа результатов рефлексивно-креативного уровня самооценки проектов можно сделать вывод, что для повышения инициативности членов проектной команды необходимо обеспечить хорошую коммуникацию между членами команды и четкое планирование всех этапов работы над проектом.

Рис. 2 – Схема зависимости инициативности членов проектной команды от критериев рефлексивно-креативного уровня самооценки

Применение корреляционного анализа для операционного уровня самооценки проектов показал, что эффективность выполнения проектов сильно зависит от таких критериев, как системность, актуальность, ответственность (коэффициенты корреляции для этих критериев $r > 0,7$). При этом актуальность проекта сильно зависит от ориентированности на достижение целей ($r = 0,74$), а ответственность от прозрачности ($r = 0,74$). Таким образом, эффективность выполнения проекта будет повышаться при повышении таких критериев, как системность, актуальность, ответственность.

Для мотивационного уровня самооценки сильная корреляция наблюдалась только лишь между выбором методов и инструментов выполнения проекта и результатами представленного проекта ($r = 0,8$).

В дополнение к полученным результатам самооценки, основываясь на результатах экспертной оценки для мотивационного и операционного уровней, можно отметить, что эффективность выполнения проекта также будет зависеть от качества проведенного анализа ресурсов, необходимых для реализации проекта. Подтверждением этому являются результаты проведенного нами анализа готовности слушателей применять методы проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения в своей профессиональной деятельности [10]. В числе важных факторов сдерживания были отмечены необходимость дополнительной оценки административных, организационных, ресурсных возможностей университета (26,7 %), необходимость дополнительной теоретической и/или практической подготовки/самоподготовки (44,4 %). По мнению экспертов на результат выполнения проектов должны оказывать влияние перспективы внедрения результатов проекта, что противоречит оценке исполнителей проектов. Таким образом, данная экспертная оценка является спорной и требует дополнительного анализа.

Проведенный корреляционный анализ результатов по трем уровням оценивания проектной деятельности позволяет сделать вывод, что эффективность выполнения проекта, инициативность его исполнителей и результативность проекта определяются такими факторами, как коммуникация, планирование, системность, актуальность, ответственность, ресурсообеспеченность, правильность выбора методов и инструментов выполнения проекта. Опираясь на

этот результат можно сделать вывод, что выбор правильного инструментария при планировании проектной работы обучающихся, методов и инструментов выполнения проекта, актуальной тематики проектных работ, организация эффективной коммуникации на всех этапах работы над проектом, анализ основных систем и подсистем, заинтересованных в результатах проекта, качественный анализ имеющихся ресурсов, необходимых для выполнения проекта, ответственность исполнителей за результаты предлагаемого проекта, являются важными факторами эффективной проектной работы с максимальным вовлечением всех членов проектных команд для достижения качественных результатов проектной деятельности. Кроме того, обнаруженные корреляции по некоторым критериям дают основание считать их концептуально связанными. Сделанный нами вывод хорошо согласуется с опубликованными результатами исследований по аналогичной проблеме [16-19].

3.2 Анализ соотношения оценок проекта исполнителями и экспертами

Учитывая, что все выполненные проекты получили высокую оценку преподавателя, то следует ожидать из сделанного выше нами вывода, что наиболее высокими должны быть результаты самооценки и экспертной оценки таких критериев операционного уровня оценивания, как системность, эффективность, актуальность, ответственность. Распределение средних оценок операционного уровня оценивания исполнителями проектов и экспертами представлены в таблице 2. Для распределения средних оценок по уровням была использована методика, подробно описанная в работе [20]. В распределении использованы пять уровней: от наиболее низкой средней оценки (Уровень 1) до наиболее высокой средней оценки (Уровень 5).

Как видно из табл. 2 средние оценки актуальности, ответственности и эффективности исполнителями проектов и экспертами являются наиболее высокими, что подтверждает результаты корреляционного анализа. Средние оценки по остальным критериям процессуального уровня исполнителями проектов (самооценка) и экспертами не совпадают. При этом средняя оценка исполнителями проекта по таким критериям, как управляемость, системность, ориентированность на достижение целей оказалась более высокой, чем у экспертов (рис. 3).

Таблица 2 – Распределение средних оценок для процессуального уровня оценивания исполнителями проектов и экспертами

	Самооценка	Экспертная оценка
Уровень 1	Обеспеченность ресурсами	-
Уровень 2	-	Обеспеченность ресурсами
Уровень 3	Управляемость	Прозрачность
Уровень 4	Прозрачность	Системность Ориентированность на достижение целей Управляемость
Уровень 5	Системность Актуальность Ориентированность на достижение целей Ответственность Эффективность	Актуальность Ответственность Эффективность

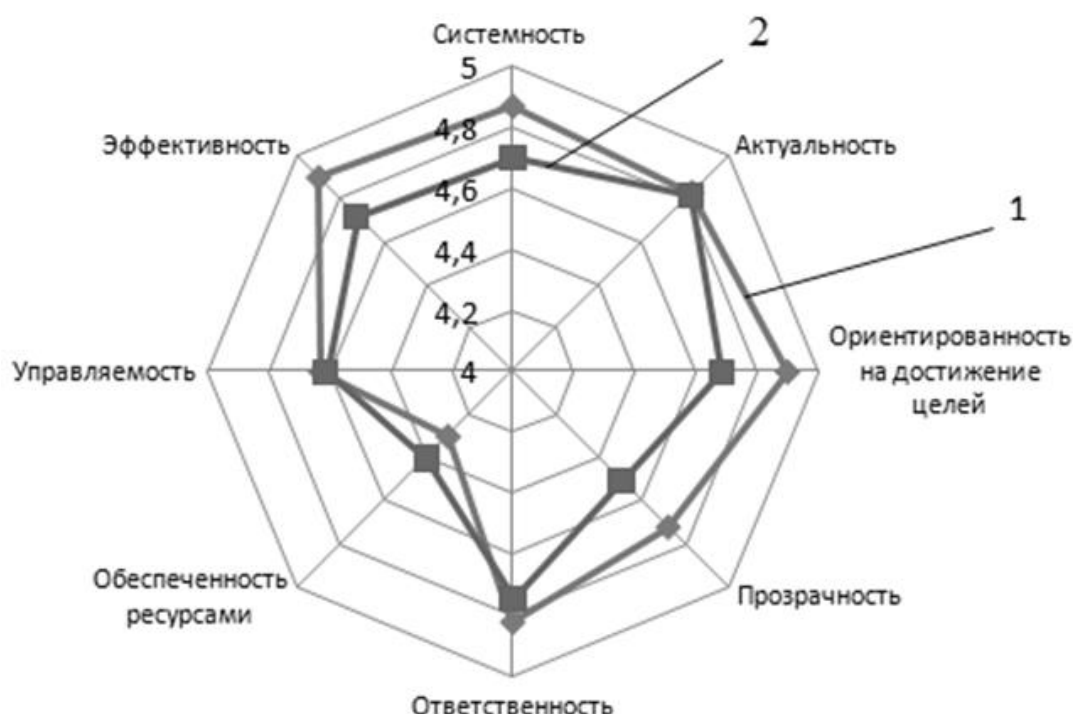

Рис. 3 – Сравнение средних результатов операционного уровня оценивания исполнителями проектов (самооценка) (1) и экспертами (2)

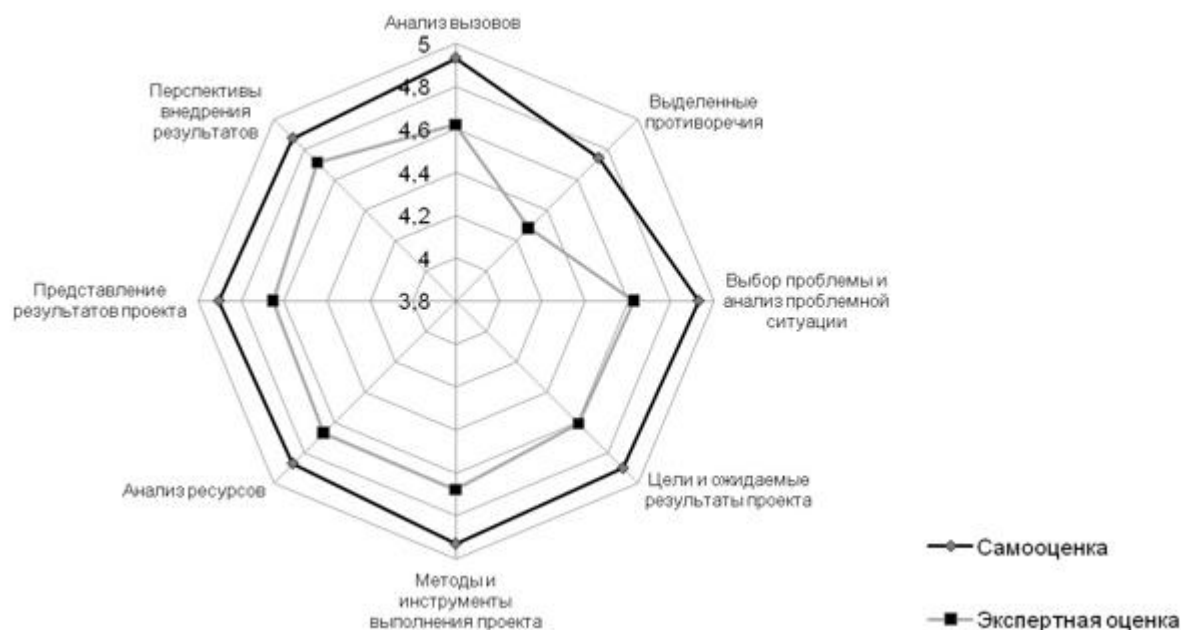
Как видно из рис. 3 практически по всем критериям усредненные результаты самооценки выше экспертной оценки. Исключение составляет только лишь средняя самооценка обеспеченности ресурсами. Данный критерий оказался наиболее сложным при оценивании, что подтверждено результатами опроса слушателей по выявлению факторов, сдерживающих процесс внедрения проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения в преподаваемые дисциплины.

Для мотивационного уровня оценивания также наблюдалась более высокая самооценка

по сравнению с экспертной оценкой (рис. 4). При этом подчеркнем, что оценка преподавателя модуля практически по всем критериям мотивационного и операционного уровней совпала с экспертной оценкой и по этой причине на рис. 3 и 4 не представлена.

Вместе с этим, несмотря на наблюдаемые различия в самооценке и экспертной оценке проведенные расчеты показали, что средние оценки проектов самими исполнителями и экспертами для мотивационного и операционного уровней сильно коррелируют между собой ($r = 0,83$), что свидетельствует о валидности используемого нами метода [21, 22].

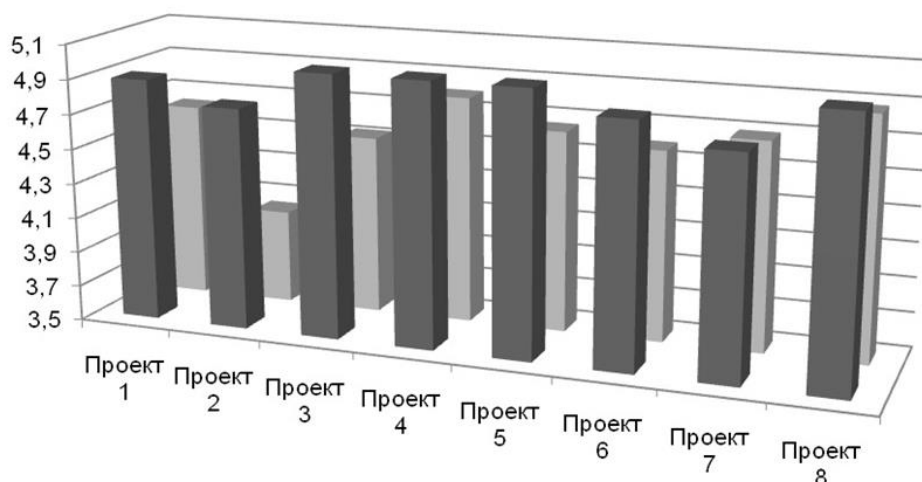
Рис. 4 – Сравнение средних результатов мотивационного уровня оценивания исполнителями проектов (самооценка) и экспертами

Аналогичные тенденции наблюдаются при рассмотрении результатов самооценки и экспертной оценки отдельно по каждому проекту (рис. 5-6). Исключение на рис. 6 составляет соотношение самооценок и экспертных оценок операционного уровня для проектов 5 и 7. Особенностью группы, выполняющей проект 5 в отличие от остальных проектных групп, является то, что 50 % участников считают себя полностью готовыми к применению в профессиональной деятельности методов проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения. Это возможно определило более критичную самооценку своего проекта. Во всех остальных проектных группах участников, полностью готовых к применению в профессиональной деятельности методов проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения, нет. Особенностью 7 проектной группы является то, что в отличие от остальных проектных групп 50 % участников не планируют применять в своей профессиональной деятельности методы проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения. Возможно, это определило более скептическое их отношение при оценке своего проекта. Во всех остальных проектных группах участников, не планирующих применять в своей профессиональной

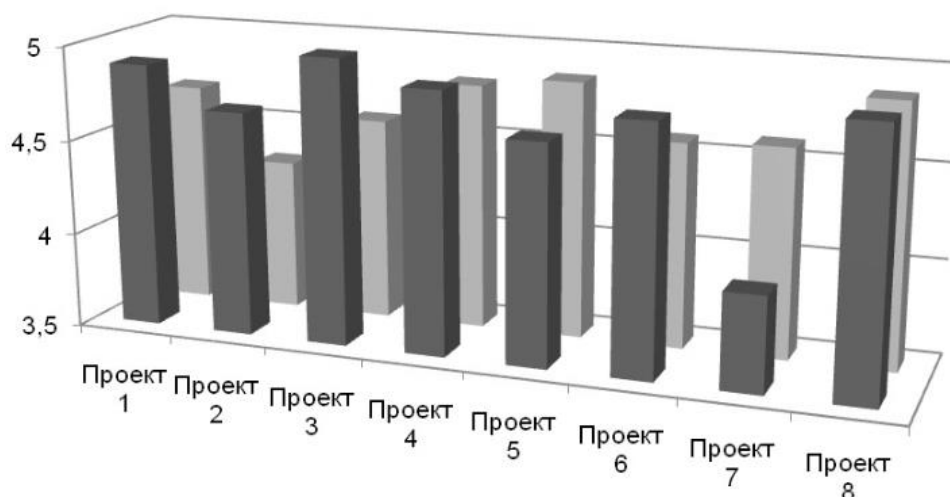
деятельности методы проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения, нет.

Выявленная таким образом в работе тенденция позволяет предположить, что на результаты операционного уровня самооценки оказывает влияние мотивация слушателей применять результаты выполненного проекта в своей профессиональной деятельности, в частности применять методы проблемно-ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения в рамках преподаваемых дисциплин и модулей.

Наблюдаемую тенденцию более высокой самооценки по сравнению с экспертной оценкой можно объяснить исходя из того, что исполнители проектов имеют большой опыт преподавания своих дисциплин и, вероятно, лучше оценивают возможности трансформации собственных учебных дисциплин и модулей, предлагаемой в рамках собственных проектов. Кроме того, на оценивание проектов оказала влияние высокая конкуренция между проектными группами. С другой стороны, основываясь на работе Ван Дузера и Мак Мартина [23] можно предположить, что на результаты оценивания проектов самими исполнителями оказывают влияния предубеждения, основанные на том, что исполнители проектов собственные результаты выполнения проектов считают более оптимистичными и более важными, чем результаты коллег.

Рис. 5 – Сравнение средних результатов мотивационного уровня оценивания исполнителями проектов (самооценка) (1) и экспертами (2) для каждого проекта

Рис. 6 – Сравнение средних результатов операционного уровня оценивания исполнителями проектов (самооценка) и экспертами для каждого проекта

Такая ситуация может быть охарактеризована, как положительная предвзятость к себе и отрицательная предвзятость к другим [24]. Другой причиной может быть так называемая методологическая инерция, не готовность воспринимать новые методологические стратегии, преодолевать предрасположенность к определенному методу или методам познания, инвариантно мыслить при решении познавательных задач [25]. Помочь ослабить предвзятость в самооценке должны совместно разработанные со слушателями рубрикаторы, снижения же методологической инерции можно добиться за счет вовлечения преподавателей в различные формы профессиональной коммуникации, группового проектирования, оценки и самооценки профессиональных компетенций.

Заключение

1. В работе предложена уровневая система оценивания групповой проектной работы, апробация которой на группе слушателей модуля «Проблемно-ориентированное, проектно-ориентированное и практико-ориентированное обучение» из Казанского национального исследовательского технологического университета позволила установить хорошее соответствие между результатами корреляционного анализа оценок выполняемых групповых проектов по предложенным критериям и оценкой готовности слушателей применять методы проблемно-

ориентированного, практико-ориентированного, проектно-ориентированного обучения в своей профессиональной деятельности.

2. На основании корреляционного анализа результатов рефлексивно-креативного уровня самооценки проектов показано, что для повышения инициативности членов проектной команды необходимо обеспечить хорошую коммуникацию между ее членами и четкое планирование всех этапов работы над проектом.

3. Проведенный в работе корреляционный анализ результатов самооценки и экспертной оценки показал, что эффективность выполнения проекта определяется такими факторами, как системность, актуальность, ответственность, ресурсообеспеченность, правильность

выбора методов и инструментов выполнения проекта.

4. Обнаруженные в работе корреляции по таким критериям, как 1) инициативность членов команды, коммуникация между членами команды, план работы над проектом, 2) эффективность выполнения проектов, системность, актуальность, ответственность дают основание считать их концептуально связанными.

5. Результаты операционного уровня оценки показали, что на самооценку выполненного проекта оказывает влияние мотивация слушателей применять результаты выполненного проекта в своей профессиональной деятельности.

Литература

1. Вальдман И.А., Мерецков О.В. Методические аспекты организации групповой работы обучаемых при реализации программ повышения квалификации в дистанционном формате // Открытое образование. 2017. Т. 21. № 6. С. 70-80. DOI: 10.21686/1818-4243-2017-6-70-80.
2. Kesianye S.K. The three perspectives of integrating assessment and instruction in the learning of school mathematics // Journal of Education and Practice. 2015. № 6 (19). P. 212–214. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1079550.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).
3. Dixson D.D., Worrell F.C. Formative and summative assessment in the classroom // Theory Into Practice. 2016. № 55(2). P. 153–159. DOI: 10.1080/00405841.2016.1148989.
4. Murray M., Pérez J., Guimaraes M.A Model for Using a Capstone Experience as One Method of Assessment of an Information Systems Degree Program // Journal of Information Systems Education. 2008. Vol. 19. №. 2. P. 197–208.
5. Karstina S.G. Educators Training in the Context of Socio-Economic and Technological Trends of Kazakhstan // Advances in Intelligent Systems and Computing. Cham: Springer, 2021. P. 68-75. DOI: 10.1007/978-3-030-68201-9_7.
6. Jankowski N.A., Timmer J.D., Kinzie J., Kuh G.D. Assessment that matters: Trending toward practices that document authentic student learning. University of Illinois and Indiana University, National Institute for Learning Outcomes Assessment (NILOA). URL: <https://eric.ed.gov/?id=ED590514> (дата обращения: 25.03.2023).
7. Wenninger H. Student assessment of venture creation courses in entrepreneurship higher education – An interdisciplinary literature review and practical case analysis // Entrepreneurship Education and Pedagogy. 2018. Vol. 2 (1). P. 58– 81. DOI: 10.1177/2515127418816277.
8. Hutchings P. What new faculty need to know about assessment. National Institute for Learning Outcomes Assessment. URL: <https://www.learningoutcomesassessment.org/wpcontent/uploads/2019/08/Assessment-Brief-Faculty.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).
9. Poobalan G., Asman J., Talip R., Padan R., Kaliappan S., Micheal C., Marcus L. Creative Project Work as A 21st-Century Education Tool // International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development. 2022. № 11 (3). P. 167–176.
10. Хусаинова Г.Р., Карстина С.Г., Галиханов М.Ф. Оценка готовности преподавателей к инновационной профессионально-педагогической деятельности // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 7. С. 42-60. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-7-42-60.
11. Knapp S., Merges R. An evaluation of three interdisciplinary social science events outside of the college classroom // College Teaching. 2017. № 65. P. 137-141. DOI: 10.1080/ 87567555.2016.1244655.
12. Рахимова Т.А., Касека И.П. Оценка эффективности групповой работы в вузе // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11. № 4. С. 163–173. DOI: 10.20913/2618-7515-2021-4-17.
13. Backlund F., Garvare R. Individual Assessment of Students Working in Project Teams // Proceedings of the 15th International CDIO Conference, Aarhus University, Aarhus, Denmark, June 25 – 27, 2019. Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, 2019. P. 353-365.

14. Fagerholm F., Vihavainen A. Peer assessment in experiential learning Assessing tacit and explicit skills in agile software engineering capstone projects // IEEE Frontiers in Education Conference (FIE). 2013. P. 1723-1729. DOI: 10.1109/FIE.2013.6685132.
15. Zhan Z, Shen W., Lin W. Effect of product-based pedagogy on students' project management skills, learning achievement, creativity, and innovative thinking in a high-school artificial intelligence course // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. P. 1-16. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.849842.
16. Dayang S.I., Abdullah M.R. Effect of Project-Based Learning Towards Collaboration among Students in the Design and Technology // World Journal of Education. Vol 12. № 3. 2022. P.1-10. DOI: 10.5430/wje.v12n3p1.
17. Toktarova V.I., Semenova D.A. Implementation of Students' Project Work Within Digital Environment // ICEST 2021 II International Conference on Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society. P. 560-569. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.63.
18. Иванов В.Г., Хусаинова Г.Р. Особенности развития творческих способностей студентов-будущих менеджеров // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 9. С. 376-379.
19. Чучалин А.И. Подготовка в вузе STEM:ИТ-профессионалов к инновационной деятельности в 3D-командах // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 8-9. С. 79-96. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-79-96.
20. Karstina S.G. Engineering Training in The Context of Digital Transformation // 2022 IEEE Global Engineering Education Conference (EDUCON), Tunis, Tunisia, 2022, P. 1062-1068. DOI: 10.1109/EDUCON52537.2022.9766473.
21. Ren-Yu Liao, Ching-Tao Chang, Chun-Ying Chen. Influences of Peer Assessment Types on Performance and Students' Perspectives on Online Peer Assessment // International Research in Education. 2020. Vol. 8. № 2. P. 43-56. DOI: 10.5296/ire.v8i2.17405.
22. Гельруд Я.Д. Крупномасштабные инвестиционные проекты: проблема групповой экспертной оценки сравнительной эффективности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2020. Т. 14. № 1. С. 71-79. DOI: 10.14529/em200108.
23. Van Duzer E., McMartin F. Methods to improve the validity and sensitivity of a self/peer assessment instrument // IEEE Transactions on Education. 2000. Vol. 43. № 2. P. 153–158.
24. Ryan G., Marshall L., Porter K., Jia H. Peer, professor and self evaluation of class participation // Active Learning in Higher Education. 2007. Vol. 8, № 1. P. 49-61.
25. Кондратьев В.В. Методология системного исследования: учебное пособие. Казань: РИЦ «Школа», 2007. 236 с.

Сведения об авторах:

©**Карстина Светлана Геннадьевна** – доктор физико-математических наук, профессор кафедры физики и нанотехнологий, Карагандинский университет им. академика Е.А.Букетова, Казахстан, Караганда, e-mail: skarstina@mail.ru.

©**Хусаинова Гузель Рафаэлевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: english4@yandex.ru.

©**Галиханов Мансур Флоридович** – доктор технических наук, профессор, директор Института дополнительного профессионального образования, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: mgalikhanov@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Svetlana Gennadyevna Karstina** – Doctor of Physico-Mathematical Sciences, Professor of the Physics and Nanotechnology Department, Karagandy University of the name of academician E.A. Buketov, Kazakhstan, Karagandy, e-mail: skarstina@mail.ru.

©**Khusainova Guzel Rafaelevna** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages in Professional Field, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: english4@yandex.ru.

©**Galikhanov Mansur Floridovich** – Doctor of Technical Sciences, Full Professor, Director of the Institute of Continuing Professional Education of Kazan National Research Technological University, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: mgalikhanov@yandex.ru.

Ю. И. Федоров**ПРИМЕНЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТЕСТА
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА ОБУЧЕНИЯ**

Ключевые слова: педагогический тест, проектный подход, Moodle, контроль знаний, самораспространяющийся высокотемпературный синтез.

Инженерное образование одно из самых трудозатратных и дорогих в мировой практике. По этой причине к компетенциям студентов этого направления предъявляются самые высокие требования. Для обеспечения стандартов обучения и конкурентоспособности студентов на рынке труда прибегают к различным подходам. Проектный метод позволяет получить студентам практические навыки при решении конкретных задач. В материалах данной статьи рассмотрена применение данного метода в рамках дисциплины «Получение материалов в волне горения» и возможность использования педагогических тестов для оценки знаний. Учитывая значительный объем проектной работы, включающий научную и технологическую составляющую, проверка знаний проводится в форме тестирования в электронной образовательной среде, что позволяет снизить нагрузку на преподавателя и более эффективно использовать время на самостоятельную работу студентов. Тестирование проводится в два этапа: промежуточный контроль использует нормативно-ориентированное тестирование по теме лекций (10-15 вопросов); контрольная проверка знаний производится критериально-ориентированным тестом, состоящим из 39 вопросов. На базе групп 1181-82, 1173-82 проводилась апробация данного строения дисциплины. Большую нацеленность на высокий результат показала группа, участвующая в проектной работе (1181-82), совершив большее количество попыток и получив более высокий средний балл за контрольный тест – 30,57 против 26,54. Проведенная оценка формы контроля знаний выявила необходимость увеличения на 10-15 % сложных заданий и исключения одного из вопросов из-за чрезмерной трудозатратности (0 % верных ответов). Полученный результат позволяет говорить о возможности применения проектной работы в рамках одной дисциплины и тестирования – как метода контроля знаний.

Yu. I. Fedorov**APPLICATION OF THE PEDAGOGICAL TEST IN THE IMPLEMENTATION
OF THE PROJECT APPROACH TO LEARNING**

Keywords: pedagogical test, project approach, Moodle, knowledge control, self-propagating high-temperature synthesis.

Engineering education is one of the most labor-intensive and expensive in the world practice. For this reason, the highest requirements are imposed on the competencies of students in this direction. To ensure the standards of education and the competitiveness of students in the labor market, various approaches are resorted to. The project method allows students to gain practical skills in solving specific problems. The materials of this article consider the application of this method within the discipline «Obtaining materials in a combustion wave» and the possibility of using pedagogical tests to assess knowledge. Given the significant amount of project work, including the scientific and technological component, knowledge testing is carried out in the form of testing in an electronic educational environment, which reduces the burden on the teacher and more efficiently use the time for independent work of students. Testing is carried out in two stages: intermediate control uses standard-oriented testing on the topic of lectures (10-15 questions); The control test of knowledge is carried out by a criterion-oriented test, consisting of 39 questions. On the basis of groups 1181-82, 1173-82, this discipline structure was tested. The group participating in the project work (1181-82) showed a greater focus on high results, having made more attempts and received a higher average score for the control test - 30.57 versus 26.54. The assessment of the form of knowledge control revealed the need to increase complex tasks by 10-15 % and exclude one of the questions due to excessive labor costs (0 % of correct answers). The result obtained allows us to speak about the possibility of using project work within the same discipline and testing as a method of knowledge control.

Введение

Технологическое образование является на данный момент одним из наиболее ресурсоемких и приоритетных направлений развития Российской Федерации. Без квалифицированных инженерных кадров трудно представить существование современного общества, т.к. технические решения, изделия, продукты тесно вплетены в социум. Современный человек использует средства связи, цифровые инструменты, высокоточные приборы, всевозможные модели (прогнозы погоды; навигаторы, учитывающие автомобильный трафик), принимая это как должное. Для поддержания исправности и развития этих технических достижений требуется наличие достаточного количества квалифицированных людей, которых подготавливают в среднепрофессиональных и высших учебных заведениях. Качество подготовки кадров для научно-технологических отраслей существенно влияет на экономику страны в целом.

На базе ФГБОУ ВО «КНИТУ» проводится обучение по множеству технологических специальностей, в том числе и по направлению подготовки бакалавров «Материаловедение и технология материалов» с профилем «Конструирование и производство изделий из композиционных материалов». Специалисты данного профиля занимаются разработками и производством композиционных материалов различного назначения и должны иметь большой объем знаний и умений. Изделия из композитов требуют значительного внимания к технологии их получения, т.к. граница раздела фаз, свойства компонентов, направление ориентации наполнителя, дефекты – это лишь часть параметров, которые могут влиять на получаемые характеристики в результате формования. С учетом того, что доля композиционных материалов в конструкциях и изделиях с каждым годом возрастает, данная профессия является одной из перспективных. Получивший требуемые компетенции человек конкурентоспособен и претендует на высокий уровень оплаты труда.

Качество обучения оценивается в соответствии с требованиями ФГОС и работодателей, представители которых присутствуют в государственной аттестационной комиссии.

В материале данной работы рассматривается возможность реализации проектного подхода в дисциплине «Получение материалов и изделий в волне горения» для развития квалифицированных специалистов по направлению «Материаловедение и технология материалов». Изучение данного предмета и основ горения для получения материалов расширяет кругозор сту-

дента-материаловеда и позволяет получить компетенции в области высокотемпературного синтеза и условий его проведения.

Курс «Получение материалов и изделий в волне горения» проводится с применением современных цифровых систем обучения, что позволяет визуализировать «дорожную карту», которая состоит из структуры проведения дисциплины, тайминга, контрольно-проверочных мероприятий, самостоятельной работы. Самостоятельность и дисциплинированность обучающихся обеспечивается не только наличием «дорожной карты» и балльно-рейтинговой системой, но и построением системы проверки знаний, которая подразумевает оценку самостоятельно усвоенных разделов курса, ссылка на которые производится в системе дистанционного обучения и на лекциях. Например, для изучения безопасных приемов реализации процесса пропитки в самораспространяющимся высокотемпературном синтезе (СВС), студентам предлагается прочитать и законспектировать главу книги А. С. Рогачева и А. С. Мукасяна [1].

Ответственность за своё здоровье и здоровье окружающих прививается в момент проведения лабораторных экспериментов при прохождении инструктажей по технике безопасности и оценке вредных воздействий отдельных факторов. В отчетах по лабораторной работе ставится требование по обязательному использованию справочной литературы и указанию ПДК исходных компонентов и продуктов горения, влияние их на организм человека [2, 3].

Целью данной статьи является анализ возможности применения разработанного автоматизированного педагогического теста по дисциплине «Получение материалов в волне горения».

Описание преподаваемой дисциплины

Дисциплина «Получение материалов в волне горения» проводится на 4 курсе обучения у бакалавров по направлению подготовки «Материаловедение и технология материалов» с профилем «Конструирование и производство изделий из композиционных материалов». Трудоемкость предмета – 144 часа, из которых 36 часов – лабораторные занятия, 18 часов – лекции.

В рамках данного курса студентам предлагается выполнить проектную работу по синтезу материала в условиях горения за установленное время – 36 часов лабораторных работ. Задание оформляется в виде кейса со следующими основными пунктами: получить у преподавателя материал для синтеза в режиме горения;

выбрать (разработать) изделие и метод его производства. Обосновать выбор с точки зрения рынка (спрос, стоимость) и технологии; написать технологический регламент на производство материала / изделия с применением СВС; оформить презентационный материал.

При выполнении данного задания студенты получают опыт в исследовательской работе и в оформлении технологической и сопроводительной документации (технологический регламент на изделие), а также в публичной защите своего проекта. При работе в малых группах студенты могут получить компетенции по работе в коллективе, разделению обязанностей. Проведение проектной деятельности начинается на 4 неделе семестра, т.к. для его выполнения требуются базовые знания по горению и синтезу материала в волне горения [1-3].

За подготовку в индивидуальном плане отвечает написание реферата и формирование на его основе презентации с последующей защитой, которая должна содержать основные постулаты, вопросы, технологии, рассматриваемые в работе.

В качестве проверочных мероприятий по завершении базовой части курса (рассмотрены вопросы классификации СВС, структурная макрокинетика, термодинамика) ранее проводилась контрольная работа, подразумевающая письменные ответы на ряд поставленных заданий и вопросов. Данный метод проверки знаний не позволял выявить недостаток понимания или знаний во всем объеме дисциплины при его однократном применении. Кроме того, проведение контрольной работы отнимает значительное время и так напряженного графика, что делает её использование невыгодным.

Вместо контрольной работы предложено использовать тестирования, которые проводятся по отдельным темам и контрольное итоговое тестирование по всей дисциплине, в которое включены вопросы и задания по всем разделам курса. Использование системы MOODLE КНИТУ позволяет снизить нагрузку на преподавателя, за счёт того, что контрольные мероприятия проводятся за счёт времени самостоятельной работы студентов, что делает возможным реализацию проектного обучения в рамках одной дисциплины.

Дисциплина «Получение материалов в волне горения» состоит из следующих разделов: введение в технологию самораспространяющегося высокотемпературного синтеза (СВС); общая характеристика процесса СВС; термодинамика и кинетика СВС; структурная макрокинетика СВС; экспериментальные методы диагностики СВС; СВС-металлургия; СВС-компактирование.

Для корректировки строения курса и вопросов по тематике лекций проводится анонимная рефлексия (в очном формате и в MOODLE). Студент может написать свои пожелания по корректировке дисциплины, по непонятному материалу, запросить помощь преподавателя. Ориентируясь на данные рефлексии, производится изменение вида подачи материала и размещение дополнительных пособий и примеров в дистанционной образовательной среде.

Структура электронного курса разделена на блоки: презентации по лекциям; видеоматериалы по способам получения материалов в пламени и способы синтеза керамики (являются дополнительной образовательной информацией; содержат ссылки на лекции известных ученых; обзор современных производств керамики и композитов; семинарские и научные доклады); дополнительная информация для более полного понимания деталей процессов СВС; тестирование по темам; контрольное тестирование по дисциплине; ссылки на литературу и загруженные методические указания.

Таким образом, сформированный в системе MOODLE курс помогает осуществить функции тестирования и доступа к информации в удобном для понимания виде. Данное решение позволяет закрепить знания обучающихся и дополнить очный курс иллюстрационным материалом. Обратная связь со студентами реализована с помощью мессенджеров, личного кабинета КНИТУ, средств MOODLE.

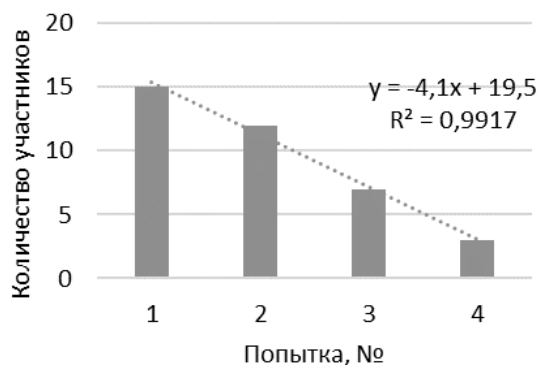
Тестирование в структуре дисциплины

Тестирование по дисциплине сформировано так, чтобы в установленные сроки (в среднем 2 недели) студент мог пройти проверку знаний дистанционно. Банк вопросов по теме формируется исходя из пройденного материала и самостоятельной работы студента (шире, чем тема отдельной лекции). Контрольное итоговое тестирование содержит часть вопросов из промежуточных тестов и ряд новых вопросов. В качестве промежуточного контроля используется нормативно-ориентированное тестирование по теме, содержащее 10-15 вопросов (70 % средней трудности). Контрольная проверка знаний производится критериально-ориентированным тестом (70 % легких заданий, 30 % – очень трудных), состоящим из 39 вопросов [5-6].

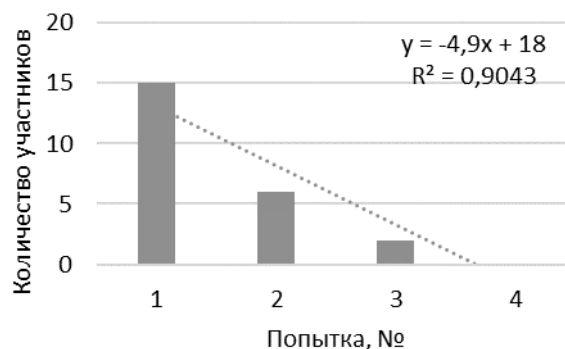
На прохождение контрольного теста установлены следующие ограничения: время тестирования 60 мин; количество повторных попыток – 4; оценка принимается как высшая из всех результатов; зачет получен при 60 % правильных ответов.

На базе групп 1181-82, 1173-82 проводилась апробация данного строения дисциплины и тестирований, как промежуточных и итоговых форм контроля знаний.

Динамика вовлеченности и использования повторных проверок для участников групп приведена на рис. 1, а изменение затрачиваемого времени на тест на рис. 2-3.

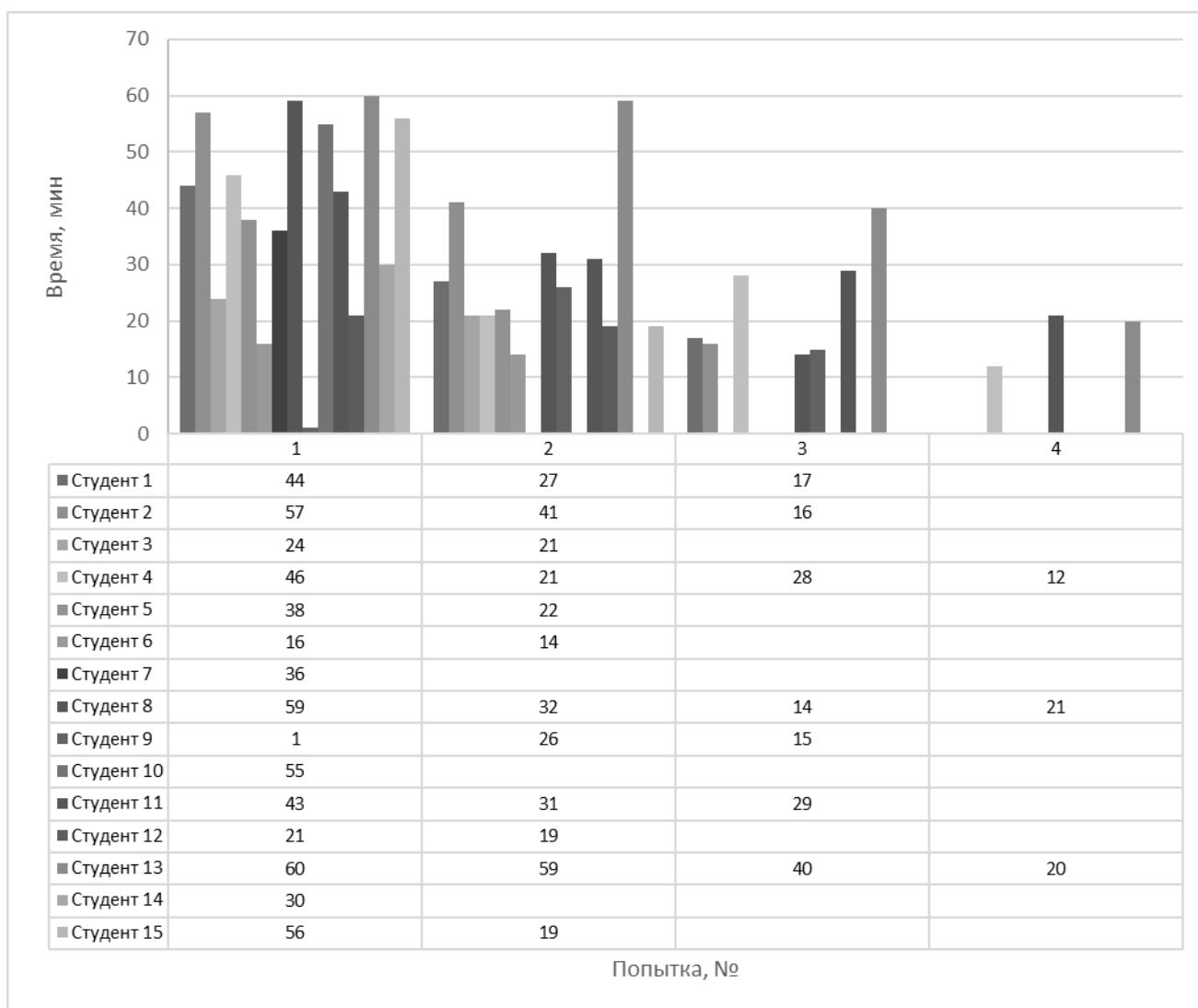

а

б

Рис. 1 – Динамика изменения количества участников для групп:
а – группа 1181-82; б – группа 1173-82

Рис. 2 – Динамика изменения времени на прохождение тестирования гр. 1181-82

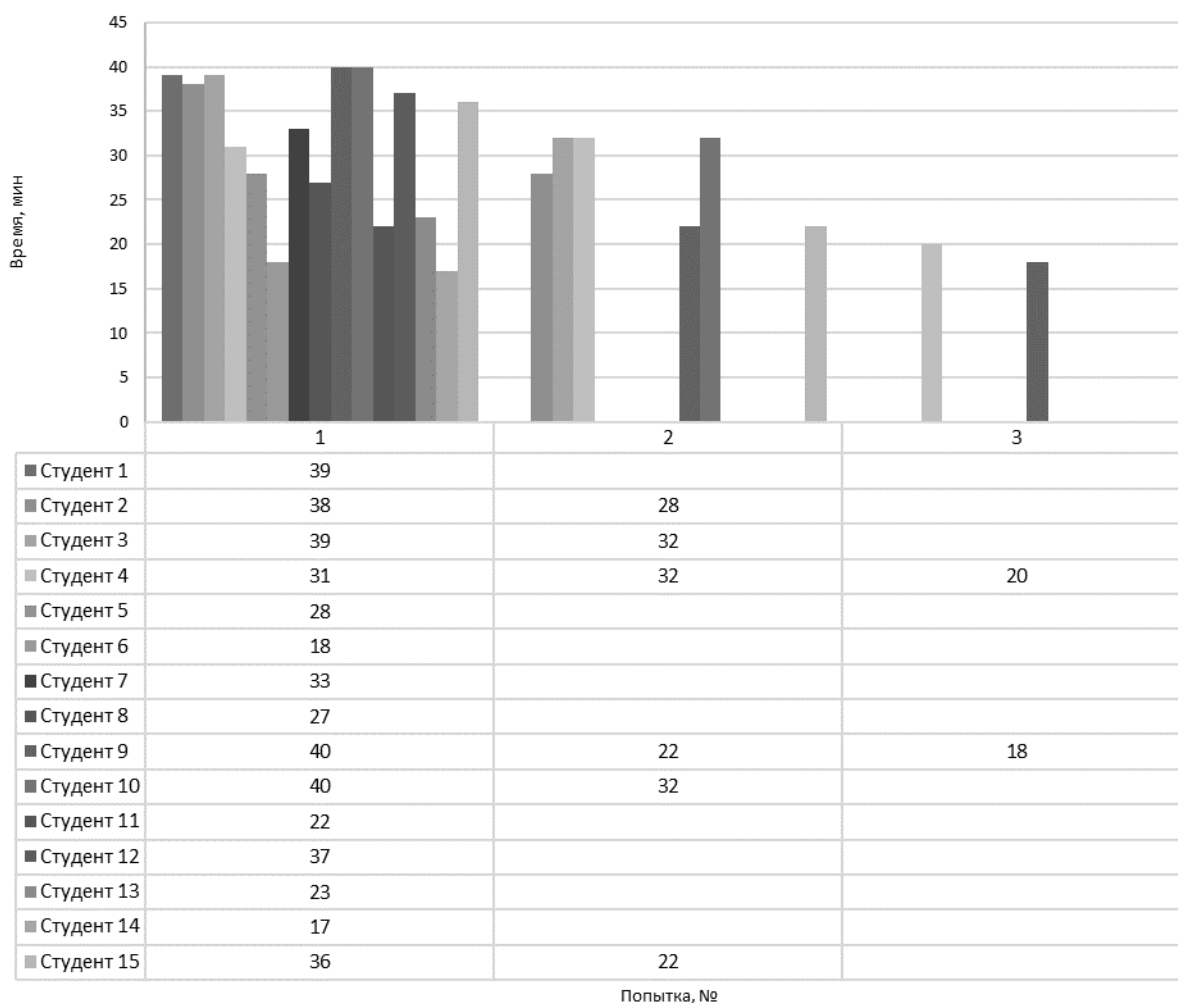

Общая динамика прохождения тестирования двумя группами имеет общие тенденции: наблюдается сокращение времени на прохождение (присутствуют несколько аномалий – время тестирования растет; скорее всего данное явление связано с ошибкой студента или случайностями); наблюдается близкая к линейной зависимости «попытка-количество участников» (рис. 1).

Нацеленность на результат показала группа 1181-82, что подтверждается большим

количеством попыток и высоким средним баллам – 30,57 против 26,54.

По анализу выгрузки из системы тестирования наблюдается безальтернативная положительная динамика изменения оценок при увеличении повторов, что может свидетельствовать о наличии не только проверочной функции, но и обучающей составляющей в контрольном тестировании.

Рис. 3 – Динамика изменения времени на прохождение тестирования группы 1173- 82

Оценка применения дополнительных попыток при прохождении тестов показала, что студенты проявляют заинтересованность к предмету и для получения высокого балла готовы к самостоятельному поиску информации и осмыслению полученных знаний по дисциплине [7-9].

Опрос по контрольным средствам, проведенный среди студентов, выявил, что обучающийся предпочитает тестирование – как более удобный способ проверки их деятельности (90 %), в сравнении с контрольной работой, коллоквиумом, устным опросом.

Статистический анализ (рис. 4) показал, что существуют ряд вопросов, на которые верных ответов менее 60 %. Все эти вопросы высокой сложности на вычисление соотношений в шихтовых смесях и температуры процесса горения. Так же существует 37 вопрос, на который студенты не дали ни единого раза верный ответ. Это связано с тем, что в данном задании используется специфическая терминология, совмещенная с расчетным заданием. По опросу студентов по итогам тестирования выявлено было, что выполнение данного вопроса для них слишком

времязатратно. Кроме того, информация в интернете о данных системах недоступна. Данный вопрос должен быть исключен из теста.

Наряду со сложными вопросами произведено выявление слишком простых. Из 60 попыток прохождения теста, вопросов, показав-

ших 100 % уровень верных ответов, не существует. Самыми простыми вопросами из тестирования можно считать 3 вопрос (93 %), 5 вопрос (90 %), 8 вопрос (97 %), 12 вопрос (95 %), 17 вопрос (93 %). Все они относятся к вопросам «верно-неверно».

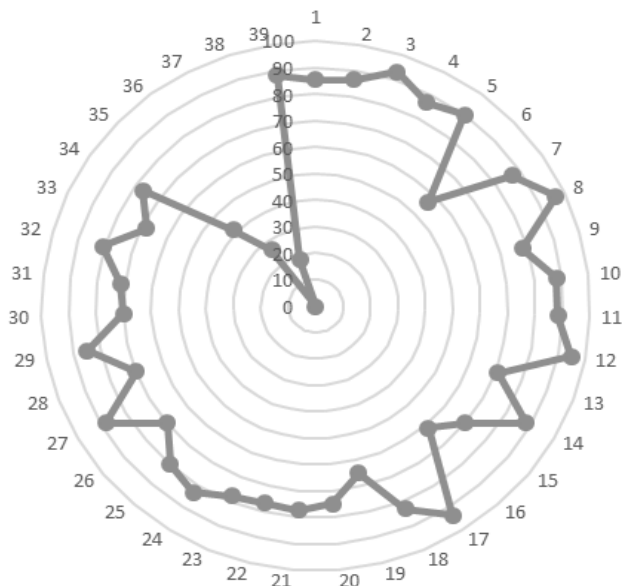

Рис. 4 – Оценка эффективности вопросов тестирования

Учитывая, что тест составлялся как критериально-ориентированный, то общее распределение оценок и вопросов требует незначительной коррекции в сторону увеличения доли сложных вопросов.

Выводы

1. Тестирование – один из объективных способов оценки результатов обучения студентов. Данный метод оценки знаний позволяет провести проверку обучающихся по всему объему преподаваемого материала. Возможности современных компьютерных систем и программ делают его вовсе незаменимым при необходимости экономии времени преподавателя и студента.

2. По результатам оптимизации при оценке затраченного на тестирование времени

было определено, что в большинстве случаев время на первую попытку прохождения 39 вопросов – 40 минут. Однако по результатам двухлетнего анализа есть студенты, затрачивающие более 40 минут как на первую, так и на вторую попытку, что говорит о необходимости расширить этот временной диапазон до 60 мин.

3. По выборке из 60 попыток выявлено, что 37 вопрос требуется исключить из тестирования, т.к. он показал слишком высокий уровень сложности для обучающихся.

4. Разработанный контрольный тест требуется доработать до критериально-ориентированного теста путем увеличения сложных заданий, т.е. в первую очередь в него должны быть введены расчетные задачи и принципы технологического регулирования свойств продуктов.

Литература

1. Рогачев, А.С., Мукасян А.С. Горение для синтеза материалов: введение в структурную макрокине-тику: монография. Москва: Физматлит, 2013. 399 с.
2. Федоров Ю.И., Применение проектного подхода при изучении дисциплины «Получение материалов и изделий в волне горения» // Теоретические и прикладные аспекты естественнонаучного образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. О. С. Индейкина. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т. 2022, С. 514-517.

3. Осипов П.Н., Маршалова И.Н. Формирование исследовательской компетентности будущих инженеров в проектной деятельности // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 16. С. 194-197.
4. Тарасова Е.Н., Хацринова О.Ю. К вопросу организации проектно-исследовательской деятельности студентов в инженерном вузе // Управление устойчивым развитием. 2021. № 1 (32). С. 109-115.
5. Вербицкий А. А., Креславская Е. Е. Тестирование в образовании: проблемы и перспективы // Педагогика. 2012. № 8. С. 3-13.
6. Бодрова Т.Ю. Основы методологии педагогического тестирования и показатели его качества // Педагогика: традиции и инновации: материалы II междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2012 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2012. С. 194-199.
7. Гушин А.Н. Опыт анализа цифрового следа студента в LMS Moodle // Педагогика и просвещение. 2022. № 1. С. 155-166.
8. Маторина И.Н., Нуриева Н.С. Смешанное обучение как средство оптимизации образовательного процесса в вузе // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. №3 (28). С.36-39.
9. Баранова Е.В., Верещагина Н.О., Швецов Г.В. Цифровые инструменты для анализа учебной деятельности студентов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. №198. С. 56-65.

Сведения об авторе:

©**Федоров Юрий Иванович** – кандидат технических наук, доцент кафедры «Технология изделий из пиротехнических и композиционных материалов», Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: snchar@yandex.ru.

Information about the author:

©**Fedorov Yuriy Ivanovich** – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department Technology of products made of Pyrotechnic and Composite materials, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: snchar@yandex.ru.

А. И. Шамсутдинова, Г. Ф. Хасанова

**РЕАЛИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ
В LMS «MOODLE»**

Ключевые слова: повышение квалификации, профессиональная компетентность, непрерывное образование.

В своей статье авторы рассматривают модели адаптивного обучения, предполагающие использование различных наборов и последовательностей элементов образовательной программы в зависимости от скорости освоения материала обучающимся, с определенными правилами перехода между элементами курса. Цель исследования заключалась в определении адаптивных моделей построения образовательного процесса при реализации программ повышения квалификации в электронной образовательной среде Moodle ФГБОУ ВО «КНИТУ». Вариативные образовательные траектории прохождения программы повышения квалификации учитывали особенности запросов и интересов обучающихся, их психологические особенности, достигнутые уровни овладения компетенциями. Адаптивные модели предполагали возможность вариативной последовательности освоения учебных элементов образовательной программы, при этом в рамках одной модели была возможность изменения образовательной траектории после прохождения каждого модуля, а в рамках второй можно было осуществлять выбор образовательной траектории после каждого учебного элемента. В результате апробации разработанных моделей были получены результаты, показывающие эффективность применения адаптивного обучения, призванного усовершенствовать образовательный процесс, повысить его эффективность за счет усиления контроля за текущим уровнем сформированности компетенций обучающихся.

A. I. Shamsutdinova, G. F. Khasanova

IMPLEMENTATION OF INDIVIDUAL LEARNING TRACKS IN LMS «MOODLE»

Keywords: continuing education, further training, professional competence, individual learning tracks.

In the paper, the authors consider models of adaptive learning that allow varying the elements of an educational course depending on the speed of mastering the material by the student, with certain rules for the transition between the elements of the course. The paper was aimed at the determining adaptive models of the educational process in the implementation of further education program in the Moodle learning management system of FSBEI HE «KNRTU». Variable educational tracks of the further education program took into account specific requests and interests of students, the achieved levels of mastery of competencies, and cognitive characteristics. Adaptive models assumed the possibility of a variable sequence of mastering the educational elements of the educational program, while within the framework of one model it was possible to change the educational track after passing each module, and within the framework of the second one it was possible to select the educational track after each educational element. As a result of testing the developed models, results were obtained showing the efficiency of adaptive learning, designed to improve the educational process by strengthening control over the achieved level of formation of students' competencies.

Введение

Электронное обучение является формой образования, демонстрирующей в последние годы взрывной рост. В электронном обучении каналом коммуникации является всемирная сеть, благодаря чему процесс обучения становится более гибким, свободным от географической и временной привязки, - преимущества, делающие его востребованным не только в обучении студентов, но и в процессе повышения квалификации и переподготовки преподавателей.

Использование интернета и онлайн-технологий порождает новый источник данных о ходе процесса обучения – цифровой след. Под цифровым следом понимается объемный и неупорядоченный массив информации обо всех действиях пользователя в глобальной сети, который может представлять большую ценность.

К образовательному цифровому следу относятся загруженные в сеть письменные работы, комментарии, рецензии, результаты выполнения тестов, данные о прохождении онлайн-курсов, фо-

тографии, аудио- и видеоматериалы и др. Существующие в интернете программы делают возможным озвучивание текста, распознавание лиц и голосов, распознавание речи и перевод ее в текст, семантический анализ текста и множество иных операций, а также радикально сокращают время выполнения подобных операций. Фиксация, изучение и анализ цифрового следа позволяет получить детальную картину процесса обучения, выработать персонализированные советы и рекомендации, позволяющие повысить его эффективность, создает условия для разработки и реализации индивидуальных траекторий в образовательном процессе. Данные цифрового следа обучающихся становятся для образовательных учреждений уникальным источником обратной связи о процессе учения, облегчая понимание поведения обучающихся, позволяя выявлять их трудности и пробелы, предлагать меры поддержки, применять возможности наставничества для наиболее полной реализации потенциала аудитории.

Методология исследования

Литературный анализ позволил выявить весьма ограниченное количество научных публикаций по вопросам анализа цифрового следа в образовании при всей актуальности и востребованности данной проблематики [1-4].

Признавая, что нынешние студенты и преподаватели являются носителями достаточных компетенций в сфере цифровых технологий, поскольку они обладают значительным опытом производства и размещения информационных ресурсов в интернете, некоторые авторы отмечают важность осознания пользователями ответственности за след, оставляемый в открытом или полукрытом пространстве глобальной сети. Поэтому возрастает запрос на изучение проблем цифровой идентичности, влияния процессов

цифровизации на различные аспекты личностного развития, социальных отношений и непрерывного образования [5].

В настоящее время, когда все более востребованным становится индивидуализация обучения, в том числе дистанционного, мы являемся свидетелями широкого распространения цифровых образовательных сред, создаваемых с использованием систем управления обучением, поскольку важную роль в обеспечении адаптивности электронного обучения играет выбор технологической платформы, с помощью которой реализуется учебный процесс. Примером широко известных технологических платформ является модульная объектно-ориентированная динамическая среда обучения Moodle. Платформа представляет собой программное обеспечение для свободного распространения и применения с доступным для просмотра и применения исходным кодом, позволяющее создавать интернет-площадки для дистанционного обучения. В контексте обсуждаемой проблемы важными являются такие достоинства платформы, как «возможность реализации индивидуальной образовательной траектории и адаптации учебных материалов к индивидуальным характеристикам» пользователей [6-8].

Возможность выбора образовательной траектории, осуществляемого на основе анализа цифрового следа, может послужить фактором повышения эффективности образовательного процесса.

На основании адаптируемости электронных курсов можно выделить следующие модели дистанционного обучения различных уровней адаптивности (табл. 1).

Первая из представленных моделей обучения предполагает единственно возможный сценарий последовательного прохождения всех элементов учебных модулей. Модели адаптивного обучения позволяют изменять и варьировать последовательность изучения элементов учебных модулей и их набор. Сравнение данных моделей свидетельствует о том, что адаптивные модели в большей

Таблица 1 – Модели дистанционного обучения

1 модель	2 модель	3 модель	4 модель
не адаптируемая система	система с адаптацией на входе	частично адаптируемая система	гибко адаптируемая система
процесс обучения протекает линейно, содержание, методы, средства, формы обучения носят инвариантный характер, реализуются в неизменной последовательности	адаптация системы осуществляется однократно в самом начале обучения на основе входного тестирования, после чего становится недоступной	ориентирована на адаптацию на основании результатов прохождения определенных модулей (тестирований после прохождения каждого модуля)	возможна адаптация прохождения курса после каждого действия обучающегося, как полной коррекции индивидуальной образовательной траектории

мере нацелены на учет индивидуальных запросов и возможностей обучаемых и позволяют выстраивать и реализовывать гибкие образовательные траектории.

К тому же, возможна дифференциация входящих в модули элементов, например, в зависимости от формы представления (текстовый формат, формат презентации, видеозапись лекции, лекция в формате вебинара) (рис. 1) или от степени сложности учебного контента (базовый, средний, продвинутый уровни). Вариативные сценарии реализации различных последо-

вательностей изучения элементов модулей могут зависеть от особенностей запросов и интересов обучающихся, их психологических особенностей, достигнутых уровней овладения компетенциями.

На рис. 2-4 приведены модели выбора образовательной траектории с различной степенью адаптации, реализация которых предполагает изучение цифрового следа обучающихся. Основанием для выбора образовательной траектории служит достигнутый уровень формируемых компетенций, который определяется по цифровому следу обучающихся.

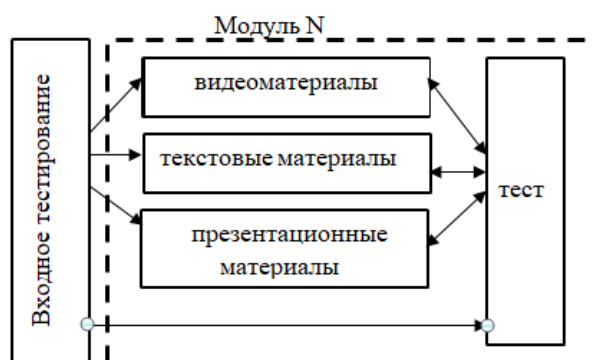

Рис. 1 – Вариативная модель адаптивного обучения

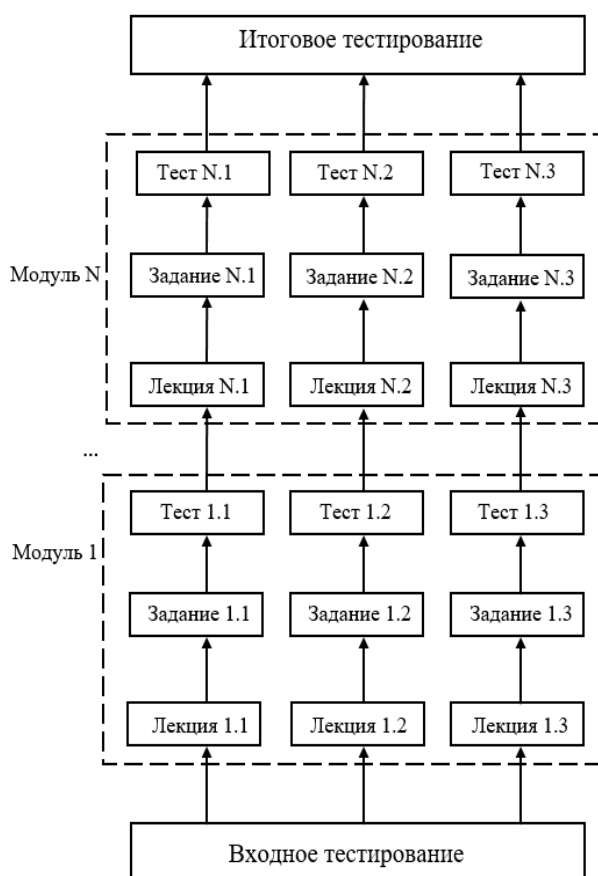

Рис. 2 – Модель дистанционного обучения с адаптацией на входе

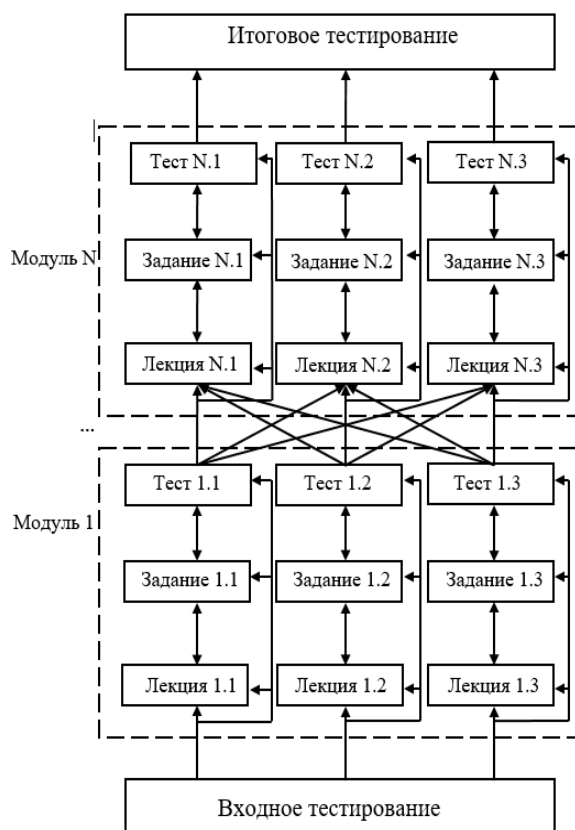

Рис. 3 – Модель дистанционного обучения с частичной адаптацией

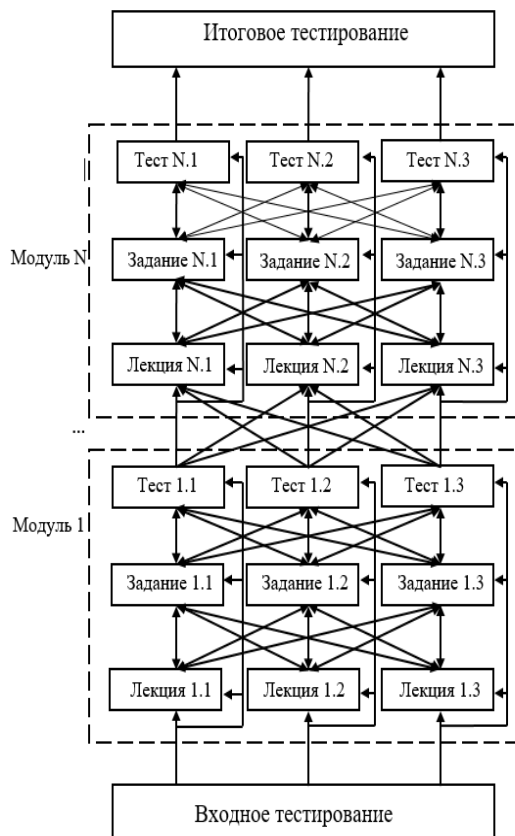

Рис. 4 – Модель дистанционного обучения с гибкой адаптацией

Изучение цифрового следа при адаптивных моделях обучения позволяет сделать образовательный процесс более эффективным посредством мониторинга достигнутого уровня сформированности профессиональной компетентности [9-10].

Результаты исследования

Адаптивные модели построения образовательного процесса на основе анализа цифрового следа обучающихся были реализованы в рамках дополнительного профессионального образования преподавателей ФГБОУ ВО «КНИТУ» на образовательной платформе Moodle по программе «Профессиональная компетентность преподавателя непрерывного образования».

Содержание программы имело модульную структуру, включавшую теоретические модули, практико-ориентированные задания и контрольные тесты.

В целях сравнения рассмотренных выше моделей адаптивного обучения можно представить опыт реализации данной программы в трех группах обучающихся, где условия обучения варьировались. Слушателями программы повышения квалификации являлись научно-педагогические работники систем высшего и среднего профессионального образования. В результате прохождения курса слушатели получали удостоверение о повышении квалификации.

Сравнительные данные трех групп слушателей представлены на рис. 5.

Главные отличия в реализованных моделях представляли собой следующее. На платформе Moodle слушателям предоставлялся доступ к контенту курса, учебно-методическим указаниям, тестам и контрольным заданиям, сформированным на трех уровнях углубления. Оценка осуществлялась на основе балльно-рейтингового подхода, для успешного завершения обучающиеся должны были набрать не менее 65-ти баллов из 100 возможных по результатам выполнения контрольных заданий и тематических тестов.

В начале слушатели проходили входное тестирование, по результатам которого происходило распределение по трем уровням углубления контента курса. Для всех слушателей прохождение всех элементов курса, включая контрольные и тестовые задания, было обязательным. Для первой группы реализовывалась фиксированная последовательность изучения учебных элементов. Во второй и третьей группах реализовывались адаптивные сценарии, слушатели этих групп могли самостоятельно определять последовательность изучаемых модулей и выполняемых работ. Для второй группы можно было переходить на другие траектории, соответствующие разным уровням углубления, после прохождения модулей. Для третьей группы такая возможность была доступна после изучения любого учебного элемента любого из модулей образовательной программы.

Рис. 5 – Характеристики адаптивных сценариев

В ходе исследования изучались данные о цифровом следе слушателей всех групп. Система управления обучением сохраняет и позволяет анализировать такие массивы данных, как выполненные и загруженные в систему работы обучающихся, отзывы на них преподавателей, информация об активности пользователей, количестве попыток и результатах тестирований, содержимое чатов и обсуждений на платформе.

Электронная среда предоставляет такие форматы отчетов, как журнал событий (информация о

пользователях, данные о контексте событий, временной привязке активности и др.), отчет о деятельности обучающихся (элемент контента, количество посещений, последнее посещение), отчет о выполнении элементов курса и др.

На основе анализа цифрового следа слушателям ставились оценки за прохождение модулей, выполнение контрольных заданий и тестов, и делался окончательный вывод о завершении обучения (табл. 2).

Таблица 2 – Распределение обучающихся по результатам тестирования (количество слушателей в %)

	1 группа	2 группа	3 группа
65-72	20,1	14,2	13,8
73-86	50,4	46	45,9
87-100	29,5	39,8	40,3

Для участников второй группы обязательным было выполнение всех контрольных заданий и тематических тестов, но помимо оценок за них, дополнительные баллы присваивались за активное участие в освоении содержания программы и обсуждениях. В результате, 39,8 % обучающихся набрали 87-100 баллов, что свидетельствует о возможности достижения высокого уровня формируемых компетенций и эффективности обучения в процессе реализации адаптивных сценариев образовательного процесса.

В целом, полученные результаты говорят о том, что реализация адаптивных сценариев обучения по программе повышения квалификации способствовала более полному учету запросов и интересов обучающихся, их психологических особенностей и уровней овладения компетенциями, возможность выстраивания вариативных

образовательных траекторий на основе применения информационно-коммуникационных технологий оказывала позитивное влияние на вовлеченность и активное участие слушателей в обсуждениях и взаимодействии с коллегами.

Заключение

Полученные данные подтверждают гипотезу о потенциале адаптивных сценариев образовательного процесса, учитывающих индивидуальные особенности и запросы обучающихся.

Рассмотренная модель построения образовательных траекторий в процессе анализа цифрового следа призвана усовершенствовать образовательный процесс, повысить его эффективность за счет усиления контроля за текущим уровнем сформированности компетенций обучающихся.

Литература

1. Azcona D., Hsiao I., Smeaton A.F. Detecting students-at-risk in computer programming classes with learning analytics from students' digital footprints // User Model User-Adap Inter. 2019. Vol. 29. P. 759-788.
2. Galimova E.G., Konyshova A.V., Kalugina O.A., Sizova Z.M. Digital educational footprint as a way to evaluate the results of students' learning and cognitive activity in the process of teaching mathematics // EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education, 2019. Vol. 15 (8), em1732. P. 1-9.
3. Ophir Ya., Asterhan Ch.S.C., Schwarz, B.B. The digital footprints of adolescent depression, social rejection and victimization of bullying on Facebook* // Computers in Human Behavior. 2019. Vol. 91. P. 62-71.
4. Suhonen, S. Learning analytics: Combining Moodle, Whatsapp* and self-evaluation data for better understanding // Proceedings of the 6th European Conference on Social Media / eds. W. Popma, S. Francis. Brighton: Academic Publishing, 2019. P. 410-413.
5. Мантуленко В.В. Перспективы использования цифрового следа в высшем образовании // Преподаватель XXI век. 2020. № 3-1. С. 32-42.

*Facebook и WhatsApp принадлежат компании Meta, которая признана в Российской Федерации экстремистской и запрещена.

6. Цибульский Г.М., Вайнштейн Ю.В., Есин Р.В. Разработка адаптивных электронных обучающих курсов в среде LMS Moodle. Красноярск: Сиб. федер.ун-т, 2018. 168 с.
7. Ирисметов А.И., Хасанова Г.Ф. Инновационные технологии в дополнительном профессиональном образовании // Управление устойчивым развитием. 2022. № 3 (40). С. 82-85.
8. Шамсутдинова А.И., Хасанова Г.Ф. Образовательная аналитика результатов повышения квалификации преподавателей в LMS Moodle // Управление устойчивым развитием. 2021. № 6 (37). С. 110-115.
9. Шамсутдинова Т.М. Когнитивная модель траектории электронного обучения на основе цифрового следа // Открытое образование. 2020. № 2. С. 47-54.
10. Розенберг И.Н. Обучение по гибкой траектории // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. 2015. Т. 1. № 1 (1). с. 64-72.

Сведения об авторах:

©**Шамсутдинова Алсу Ильдусовна** – кандидат технических наук, доцент кафедры инженерной педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: ShamsutdinovaAI@corp.knrtu.ru.

©**Хасанова Гульнара Фатыховна** – доктор педагогических наук, профессор кафедры инженерной педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: KhasanovaGF@corp.knrtu.ru.

Information about the authors:

©**Shamsutdinova Alsu Ildusovna** – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Engineering Pedagogy and Psychology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: ShamsutdinovaAI@corp.knrtu.ru.

©**Khasanova Gulnara Fatikhovna** – Doctor of Pedagogical Science, Professor of the Department of Engineering Pedagogy and Psychology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: KhasanovaGF@corp.knrtu.ru.

К. Ю. Жукова, Ф. Т. Шагеева**РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНО-РИТОРИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ВУЗА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Ключевые слова: тренды образования, цифровизация образования, преподаватели вуза, коммуникативно-риторическая компетенция, организационно-педагогические условия.

Тренды современной экономики, в том числе и цифровизация, оказывают заметное влияние на все сферы деятельности страны, в особенности на образование. В условиях трансформации процесса обучения и общества современный преподаватель должен соответствовать ряду новых требований. Наиболее значимыми являются быстрая адаптация в новой среде, умение реагировать на происходящие изменения и на наличие новых коммуникационных каналов. Сегодня все чаще на первый план выходит коммуникативно-риторическая компетенция преподавателя, как одна из важнейших и необходимых для его эффективной работы, а также профессионально-личностного становления и развития. Подтверждение этому можно найти в действующем Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС 3++) и в профессиональных стандартах, согласно которым коммуникативная компетентность, включающая также и культуру речи (как устную, так и письменную), является одной из главных составляющих профессиональной компетентности любого современного специалиста. Нельзя не учитывать того, что цифровая трансформация создает новые средства и технологии, которые активно используются в современном образовании, а именно: адаптивное обучение, дистанционное или смешанное обучение, геймификация процесса и др. Как известно, неотъемлемым процессом нового мира является трансформация общества. Современные обучающиеся – новое поколение, с определенными, свойственными им психологическими характеристиками. Все это приводит к тому, что структура образовательного процесса подвергается модернизации и должна учитывать особенности цифрового поколения. Цель образовательной организации – выпустить конкурентноспособную личность, эксперта-универсала, который консолидирует в себе знания и навыки из разных областей, обладает аналитическим складом ума, способен работать в режиме многозадачности и быстро реагировать на изменения, а также обладает необходимым набором soft skills. Преподаватель является ключевой фигурой в рамках достижения поставленной цели. В статье представлены организационно-педагогические условия повышения уровня развития коммуникативно-риторической компетенции преподавателя вуза, работающего в условиях цифровой трансформации общества и образования.

K. Yu. Zhukova, F. T. Shageeva**IMPROVING UNIVERSITY TEACHERS' COMMUNICATIVE
AND RHETORICAL COMPETENCE IN CONTEMPORARY SETTINGS**

Keywords: educational trends, digitalization of education, university teachers, communicative and rhetorical competence, organizational and pedagogical environment.

The modern economy's trends, such as digitalization, are clearly felt in all areas of the country's activity, but education is particularly affected. A modern teacher must satisfy a number of new demands in light of how society and the educational process are changing. The ability to quickly adapt to a new environment, respond to changes and to the emergence of new communication channels are the most important. Today, a teacher's communicative and rhetorical skills are seen as most critical and essential for his or her work as well as for professional and personal formation and development. This is supported by the current Federal State Educational Standard (FGOS 3++) and occupational standards, which state that one of the primary elements of any modern specialist's professional competence is communicative competence, which also includes the culture of speech (both oral and written). The fact that digital transformation produces new tools and techniques that are actively used in modern education, such as adaptive learning, distance or blended learning, process gamification, etc., cannot be ignored. As is well known, society is changing as part of the process of creating the new world. Modern students are a new generation, with certain psychological characteristics. All this results in the modernization of the educational process structure according to the specifics of the digital generation. The goal of an educational institution is to develop a competitive personality, a multifaceted expert who combines knowledge and skills from various fields, has an analytical mindset, is able to work in multitasking mode and

react quickly to changes, and also possesses the necessary set of soft skills. Teacher is a key figure in achieving this goal. The paper outlines the organizational and pedagogical requirements for raising the level of development of a university teacher's communicative and rhetorical competence while working under the circumstances of society's and education's digital transformation.

Современное общество – динамичная структура, стремящаяся к постоянному прогрессу и совершенствованию. На сегодняшний день существует множество научных исследований, которые определяют тренды новой экономики, обуславливающие происходящие изменения. Одним из ключевых является Цифровизация, она охватывает наиболее важные отрасли деятельности страны, в том числе и образование. Это приводит к тому, что условия образовательного процесса меняются, в том числе активным изменениям подвержены объекты и субъекты образования [1].

Современный преподаватель для эффективной работы должен соответствовать ряду новых требований. Наиболее значимыми характеристиками являются быстрая адаптация в новой среде, умение реагировать на происходящие изменения и на наличие новых коммуникационных каналов.

В текущих условиях цифровизации и постоянной трансформации российского образования на первый план выходит потребность в более усиленном развитии коммуникативно-риторической компетенции у преподавателей вуза. Это обусловлено тем, что важнейшим видом профессиональной деятельности любого педагога является коммуникация – выстроенная система взаимоотношений между преподавателем и обучающимся. Умение адекватно воспринимать, интерпретировать, воспроизводить и передавать речевую информацию является важнейшей компетенцией. Подтверждение этому мы можем найти и в действующем Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС 3++), и в профессиональных стандартах, согласно которым коммуникативная компетентность, характеризующая собой в том числе и культуру речи (как устную, так и письменную), является одной из главных составляющих профессиональной компетентности любого современного специалиста.

Исходя из того, насколько преподаватель свободно и эффективно коммуницирует, зависит как его профессионально-личностное становление и развитие, так и степень лояльности и усвоения материала студентами.

Нельзя не учитывать того, что цифровая трансформация создает новые средства и технологии, которые активно используются в современном образовании, а именно: адаптивное обучение, дистанционное или смешанное обучение, геймификация процесса и др. Наряду с этим

процессом происходит трансформация общества [2]. Поэтому совершенно закономерно, что обучающиеся сегодня не могли не подвергнуться изменениям и отличаются от своих сверстников, которые получали образование десять лет назад. Современные студенты – новое поколение, с определёнными, свойственными им психологическими характеристиками.

Согласно теории поколений, появляется «цифровое поколение» или «поколение Z», обладающее следующими особенностями: ограниченность словарного запаса, рассеянное внимание, «клиповость» мышления, слияние реального и виртуального пространств, сложность восприятия больших объемов информации, потребность в вознаграждении за проделанную работу в короткие сроки, потребность в быстром получении результата, индивидуализм [3].

Данный факт говорит нам о том, что былые представления о системе образования, об образе преподавателя и возможных методиках являются устаревшими и требуют модернизации. Появляется необходимость строить профессионально-педагогическую деятельность современного преподавателя нетрадиционным образом, учитывая особенности цифрового поколения и использовать в своей практике современные и креативные подходы.

Если раньше задача преподавателя заключалась в передаче знаний и опыта, то в современном мире у каждого человека есть свободный доступ к практически любым данным. Пара несложных манипуляций в сети Интернет и мы с легкостью можем найти информацию о чем угодно. Сегодня задача преподавателя не просто дать материал, он должен быть в первую очередь примером для современного обучающегося, идти в ногу со временем, уметь эффективно коммуницировать и быть «на одной волне» со студентами, учитывая индивидуальные особенности каждого студента. Преподаватель должен уметь вовлечь в процесс обучения, обеспечить понимание материала, а также стимулировать самообразование [3-4].

Роль преподавателя в становлении обучающегося очень важна. Преподаватель, не обладающий необходимыми профессионально-педагогическими компетенциями в полной мере, не сможет способствовать развитию их у обучающегося. Человек, не владеющий навыками базовой коммуникации, чистотой речи, творческим мышлением и умением увлечь студентов в

образовательный процесс автоматически пере-
квалифицируется в «говорящую энциклопед-
ию», транслирующую научный материал, до-
ступный в учебном пособии.

Не стоит забывать, что обучение нераз-
рывно связано с воспитанием. В рамках образо-
вательного процесса, реализуемого в высшей
образовательной организации, проводится про-
фессиональная подготовка специалиста (бака-
лавра, магистра) с перспективой формирования
у выпускника высокой профессиональной ква-
лификации, конкурентоспособности как на оте-
чественном, так и на мировом рынке труда. Цель
образовательной организации – выпустить кон-
курентоспособную личность, эксперта-универ-
сала, который консолидирует в себе знания и
навыки из разных областей, обладает аналити-
ческим складом ума, способен работать в ре-
жиме многозадачности и быстро реагировать на
изменения, а также обладает необходимым
набором *soft skills*, в частности коммуни-
кативно-риторической компетенцией [5]. Препо-
даватель является ключевой фигурой в рамках
достижения поставленной цели.

Для качественного и полноценного раз-
вития коммуникативно-риторической компе-
тенции у преподавателей вуза необходимо со-
здать определенные организационно-педагоги-
ческие условия, т.е. обстоятельства процесса
обучения, направленные на достижение дидак-
тических целей [6].

Соблюдение следующих организаци-
онно-педагогических условий будет способ-
ствовать комплексному развитию риторических
навыков.

1. Разработка и внедрение в систему до-
полнительного профессионального образования
преподавателей вуза «веера» программ, направ-
ленного на развитие коммуникативно-риториче-
ской компетенции.

В связи с непрерывной трансформацией
общества и процесса обучения, появления но-
вых технологий отмечается необходимость в
разработке комплекса программ для более де-
тальной работы с конкретными навыками совре-
менного преподавателя. Ввиду того, что про-
граммы дополнительного профессионального
образования реализуются зачастую дистанци-
онно, либо в гибридном формате, дистанцион-
ное обучение стало практически неотъемлемой
частью образования. Современным преподава-
телям необходимо в короткие сроки осваивать
новые цифровые программы, принципы эффек-
тивной работы «онлайн», а также насыщать об-
разовательный процесс интересным материалом
и практической работой в формате дистанцион-
ного обучения. Все это обуславливает необхо-

димость разработки программ, связанных с фор-
мированием и развитием риторических компе-
тенций в рамках «онлайн» обучения.

На основании анализа современных
условий образования, а также имеющихся про-
грамм профессионального дополнительного об-
разования преподавателей вуза, в качестве пред-
ложения был разработан следующий комплекс
программ:

– «Педагогическая риторика в процессе
дистанционного обучения» – изучение техноло-
гических принципов (построение света, звука,
картинки), принципов невербалики, принципы
диалогизации и интерактивной работы в про-
цессе онлайн обучения.

– «Мастерство педагогического взаимо-
действия при записи видео-лекций» – принципы
построения речи и подготовки материала, ин-
струмент диалогизации в записанной лекции.

– «Педагогический артистизм препода-
вателя вуза».

2. Практическая ориентированность
программ дополнительного профессионального
образования преподавателей вуза, направлен-
ных на развитие навыков взаимодействия с обу-
чающимися на основе использования современ-
ного цифрового инструментария.

В связи с тем, что современные обучаю-
щиеся - представители нового поколения, кото-
рое, согласно теории поколений, является циф-
ровым, появляется необходимость в трансфор-
мации образовательного процесса. Обучаю-
щимся сегодня присущи определенные свой-
ственные им психологические характеристики.
Исходя из этого появляется необходимость в ин-
терактивных включениях в процесс занятий,
чтобы фокус внимания не рассеивался.

3. Включение в учебный процесс си-
стемы дополнительного профессионального об-
разования коммуникативно-риторических ситу-
аций репродуктивного, проблемного и эвристи-
ческого характера, с целью активизации пози-
ции преподавателя и эффективного освоения
коммуникативно-риторической компетенции.

Стандартная коммуникативно-ритори-
ческая ситуация – ситуация речевого общения с
использованием стандартных речевых средств,
в которой принимают участие 2 и более чело-
века. В рамках процесса подготовки преподава-
телей мы рассматриваем коммуникативно-рито-
рические ситуации с двух сторон [7]:

а) психолингвистической (как цели, мо-
тивы и стимулы речевого общения);

б) лингводидактической (как способ ор-
ганизации преподавателем
речевой деятельности и речевого поведения сту-
дентов).

На разных стадиях процесса обучения, в зависимости от уровня усвоения материала, а также от поставленных педагогических задач, коммуникативно-риторические ситуации могут иметь репродуктивный, проблемный или эвристический характер [7].

Репродуктивный характер подразумевает активное включение обучающегося в процесс, восприятие и запоминание учебного материала, передаваемого преподавателем. Для решения ситуаций данного характера типично устное инструктирование студентов при подготовке; демонстрация образца действия и инструкции для его выполнения.

Для решения коммуникативно-риторических ситуаций проблемного характера преподавателю необходимо организовать самостоятельную работу студентов, направленную на изучение нового знания. В ходе работы преподаватель предлагает задания проблемного характера для решения и совместно с обучающимися разрабатывает цель работы. Как таковая проблемная ситуация возникает в процессе выполнения заданий, которые имеют практический характер (поиск данных, систематизация и анализ информации и т. д.).

Коммуникативно-риторической ситуации эвристического характера же соответствует ситуация организации преподавателем изучения учебного материала в форме эвристической беседы; постановки проблемных вопросов; решения познавательных задач. В процессе исследования установлены основные признаки при решении ситуаций данного характера: самостоятельное усвоение материала; развитие творческого мышления (перенос знаний и умений в новую ситуацию; видение новой проблемы в традиционной ситуации; видение новых признаков изучаемого объекта; преобразование известных способов деятельности и самостоятельное создание новых); развитие мыслительных навыков, формирование познавательных умений;

изучение приемов активного познавательного общения; развитие мотивации обучающегося [7].

4. Разработка и внедрение эксклюзивной программы профессиональной подготовки наставников-педагогов комплекса программ дополнительного профессионального образования, направленных на развитие коммуникативно-риторической компетенции.

Тема наставничества сегодня в образовании является одной из ведущих, ей выделено особое место и в национальном проекте «Образование». Необходимость института наставничества обосновывается тем, что такая система является мощным инструментом в рамках повышения качества образования, создания эффективных социальных лифтов, одним из катализаторов для «технологического рывка» российской экономики [8].

В случае развития коммуникативно-риторических компетенций – наличие института наставничества является необходимым условием эффективности. Преподаватели предложенных программ должны быть высококвалифицированными специалистами в этой области и транслировать важность развития коммуникативно-риторической компетенции. Для этого предполагается создание и внедрение эксклюзивной программы подготовки будущих педагогов, которые смогут выполнять функции наставников и будут реализовывать программы дополнительного профессионального образования.

Таким образом, комплексная реализация выявленных организационно-педагогических условий, обеспечивающих устойчивое развитие коммуникативно-риторической компетенции, на наш взгляд, позволит повысить профессионализм, педагогическое мастерство преподавателей вуза в условия цифровой трансформации общества и образования.

Литература

1. Чернов И.В. Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса // Гуманитарий Юга России. 2021. № 10 (1). С. 121-132.
2. Шумская О. А., Придворева И.Г., Татарникова Е.Г. Цифровая трансформация в образовании: вызовы современного общества // Молодой ученый. 2021. № 7 (349). С. 76-77.
3. Гамбеева Ю.Н., Сорокина Е.И. Цифровая трансформация современного образовательного процесса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (148). С. 35-42.
4. Кулакова А.Б. Поколение z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 6.
5. Жукова К.Ю., Шагеева Ф.Т. Роль soft и hard skills в профессиональном и карьерном развитии начинающих преподавателей // Управление Устойчивым развитием. 2022. № 6 (43). С. 81-85.
6. Андреев В. И. Педагогика творческого саморазвития, Казань, 1996. 568 с.

7. Никитина Е.Ю., Отводенко Н.В. Организационно-педагогические условия развития риторической компетенции будущего учителя // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2008. № 11. С. 66-76.
8. Осипов П.Н. Наставничество как социально-педагогический феномен // Управление устойчивым развитием. 2023. № 1 (44). С. 102-108.

Сведения об авторах:

©**Жукова Кристина Юрьевна** – аспирант кафедры инженерной педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: kristinazhukova9@gmail.com.

©**Шагеева Фарида Тагировна** – доктор педагогических наук, заведующий кафедрой инженерной педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: ShageevaFT@corp.knrtu.ru.

Information about the authors:

©**Zhukova Kristina Yurievna** – post-graduate student of the Department of Engineering Pedagogy and Psychology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: kristinazhukova9@gmail.com.

©**Shageeva Farida Tagirovna** – Doctor of Pedagogical Sciences, the Chair of Department of Engineering Pedagogy and Psychology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: ShageevaFT@corp.knrtu.ru.

Все статьи поступили в редакцию до 15.06.2023

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2023 №3 (46)

май-июнь

Ответственный за выпуск и оригинал-макет – С. А. Алексеев

Свободная цена

Подписано в печать 28.06.2023

Дата выхода в свет 28.06.2023

Бумага офсетная

15,0 уч.-изд. л.

Печать цифровая

Тираж 200 экз.

Формат 60×84 1/8

13,95 усл. печ. л.

Заказ 49/23

Офсетная лаборатория Казанского национального
исследовательского технологического университета

Адрес редакции, издательства и типографии: 420015, Казань, К. Маркса, 68